47138

3 руб.

ЕП43
М248

Клаус Маммах

Влияние Февральской революции в России и Великой Октябрьской социалистической революции на рабочий класс Германии

И * Л

Издательство
иностранной
литературы

*

KLAUS MAMMACH

Der Einfluss der russischen Februarrevolution und der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution auf die deutsche Arbeiterklasse

Februar 1917 — Oktober 1918

Berlin, 1955

КЛАУС МАММАХ

Влияние февральской революции в России и Великой Октябрьской социалистической революции на рабочий класс Германии

февраль 1917 — октябрь 1918

Перевод с немецкого
Л. П. ХВОСТОВОЙ

Предисловие
В. Г. БРЮНИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, 1957

ЕП43
М248

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

Библиотека ин-та
Марксизма-Ленинизма
при ЦК КПСС
711268

Редакция литературы по историческим наукам

Заведующий редакцией канд. ист. наук И. П. СЕМИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию советского читателя книга Клауса Маммаха, молодого немецкого историка, научного сотрудника Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ в Берлине, ставит своей задачей показать влияние февральской буржуазно-демократической революции в России и Великой Октябрьской социалистической революции на рабочее движение в Германии в 1917—1918 годы.

Автор с самого начала несколько ограничил свою задачу. Он не ставил своей целью дать исчерпывающее исследование на эту большую тему. Он хотел только на примере борьбы рабочих в Берлине и в Саксонии показать, какое огромное влияние имели идеи русской революции на германский пролетариат. Несмотря на некоторые пробелы и недостатки, совершенно естественные при разработке такой большой темы, книга Клауса Маммаха будет встречена с интересом как специалистами-историками, так и широкими кругами читателей, интересующихся революционным прошлым германского народа. Она воскрешает перед читателем страницы героической борьбы германских рабочих против империализма и войны. Вместе с тем на многочисленных примерах она разоблачает предательскую деятельность правого руководства социал-демократической партии Германии, независимой социал-демократической партии и профсоюзов, их сотрудничество с правительством и военными властями в деле удушения массового революционного движения.

Работа Клауса Маммаха написана на основе в значительной мере неопубликованных архивных материалов, а также опубликованных источников, революционных листовок, «Писем Спартака», работ Карла Либкнехта и Розы Люксембург, протоколов партийных съездов социал-демократи-

ческой партии Германии и независимой социал-демократической партии Германии за 1917 год, материалов судебных процессов в 1924—1925 годах, стенографических отчетов германского рейхстага, монографий, газетных статей и мемуарной литературы.

Большое количество материалов по истории Германии в 1917—1918 годы в архивах Германской Демократической Республики, обилие прессы и многих других источников за эти годы не позволили Клаусу Маммаху в полной мере их использовать. Достаточно указать, что в Центральном историческом архиве в Потсдаме, в отделении Центрального исторического архива в Мерзебурге (бывший Прусский государственный архив), в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ в Берлине, в главных земельных архивах Саксонии (Дрезден), Бранденбурга (Потсдам), Мекленбурга (Шверин), Тюрингии (Веймар), Магдебурга, в земельном архиве Готы, в которых автору этих строк пришлось работать в 1954—1956 годах, хранится свыше 700 томов архивных актов, относящихся к 1917—1918 годам (до 9 ноября 1918 года). Что касается самой Ноябрьской революции 1918—1919 годов, то о ней в архивах ГДР имеются еще сотни томов архивных актов, в том числе много материалов и о деятельности Советов в Германии в 1918—1919 годы. В связи с 40-летним юбилеем Великой Октябрьской социалистической революции и близящимся 40-летием Ноябрьской революции 1918 года в Германии, историки ГДР готовят публикации архивных документов по истории германского рабочего движения в 1917—1918 годы, свидетельствующих о влиянии идей Великой Октябрьской социалистической революции на германский рабочий класс и показывающих роль Советов в германской революции.

Клаус Маммах использовал в своей работе только небольшую часть указанных выше материалов. Остались неиспользованными такие важные материалы, как акты имперской канцелярии (к 1917—1918 годам относится свыше 120 томов), многие акты имперского министерства внутренних дел (частично они в работе использованы), акты имперского министерства экономики, а также акты прусского министерства внутренних дел, королевского тайного гражданского кабинета, прусского министерства торговли и промышленности, прусского комиссара продовольствия, протоколы заседаний прусского правительства и многие другие архивные фонды.

Однако мы вовсе не хотим упрекнуть автора в том, что он не использовал этих и других архивных фондов, или в том, что он недостаточно широко привлек прессу, стенографические отчеты германского рейхстага и другие источники. Задача работы, как указывалось самим автором, сравнительно ограниченная, да и размеры работы небольшие, и с этой точки зрения автор выполнил свою задачу. Значительное число источников, которые он привлек, позволили ему написать интересную и полезную книгу.

В первой половине работы (стр. 23—82) рассказывается о том влиянии, какое оказала февральская буржуазно-демократическая революция в России на германское рабочее движение [1]. Здесь излагаются массовые революционные выступления германского пролетариата весной и летом 1917 года: апрельская стачка, волнения среди рабочих в связи с празднованием 1 мая, июльские и августовские демонстрации, кратко упоминается о движении во флоте. Апрельской стачке, самому крупному массовому выступлению германского пролетариата в 1917 году, автор, естественно, уделяет больше всего внимания. Бастующие рабочие в апреле 1917 года наряду с экономическими требованиями выставили и чисто политические — требование мира без аннексий и контрибуций и другие. Они пытались по примеру российского пролетариата создать Советы рабочих депутатов (стр. 52—54).

Во второй половине работы (стр. 83—149) раскрывается влияние Великой Октябрьской социалистической революции на германское рабочее движение. Автор в этой части работы начинает с характеристики ноябрьских демонстраций 1917 года в Саксонии и в Берлине. Но главное внимание здесь уделяется самому крупному выступлению германского пролетариата во время войны — январской стачке 1918 года, которая была внушительным ответом германского пролетариата на аннексионистскую программу, провозглашенную генералом Гофманом во время мирных переговоров в Бресте. Бастующие рабочие Германии присоединились к двум главным требованиям знаменитого ленинского декрета о мире — мир без аннексий и контрибуций и привлечение представителей рабочих всех стран к участию в мир-

---

[1] См. по этому вопросу также: З. К. Эггерт, Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны, Москва, 1957, стр. 395—609.

ных переговорах. Стачка привела к образованию Совета рабочих депутатов. Как социал-шовинисты, так и правительство и военные круги Германии вынуждены были признать серьезное влияние идей Октябрьской революции на возникновение этой стачки. Это подтверждают и многочисленные архивные документы.

Однако Клаус Маммах, по нашему мнению, не совсем прав, когда он пишет о более чем 2 млн. бастующих (127 стр.)[1]. Это было бы убедительно, если бы автор привел точные данные о количестве бастующих по всем индустриальным центрам Германии.

Точное количество бастующих в январе — феврале 1918 года трудно установить, так как в различных источниках указываются разные цифры. Наиболее широкий размах стачка приняла в Берлине. Стачка охватила Лейпциг, Нюрнберг, Мюнхен, Киль, Гамбург, Брауншвейг, Кельн, Дортмунд, Бохум, Билефельд, Магдебург, Галле, Готу, Йену и ряд других местностей. Стачка повсеместно носила чисто политический характер.

Спартаковская листовка «Первая германская всеобщая политическая стачка» указывала на 1 млн. бастующих. Примерно такая же цифра указывается и в листовке «На Западе планируется новое наступление»[2]. В заявлении фракции независимой социал-демократической партии Германии, оглашенном ее председателем Гаазе на заседании рейхстага 27 февраля 1918 года, также указывалась цифра в 1 млн. бастующих. В этом заявлении стачка характеризовалась как «одно из грандиознейших событий в истории немецкого рабочего движения» [3]. В коллективном труде Коммунистической партии Германии «Иллюстрированная история германской революции», изданном к 10-летию Ноябрьской революции, указывается, что во всей Германии бастовало около 1 млн. человек [4]. По всей вероятности, эти данные наиболее близки к истине. Однако каковы бы ни были расхождения в оценке числа бастующих, все источники сходятся в том,

---

[1] Цифру в 2 млн. приводит также Фриц Геккерт в статье «Спартак во время войны», «Коммунистический Интернационал», 1934, № 22, стр. 51.

[2] Archiv des Instituts für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED, D. F. V., Mappe 12, «Deutsche Linke».

[3] «Leipziger Volkszeitung», vom 28 Februar 1918.

[4] Illustrierte Geschichte der Deutschen Revolution, Internationaler Arbeiter Verlag, Berlin, 1929, S. 161.

что январская стачка была одним из крупнейших выступлений германского пролетариата против войны.

Январская стачка вызвала тревогу и испуг в правящих кругах Германии. Они исполнились решимости впредь не допустить новой большой стачки. Были организованы совещания по вопросу о том, как предотвратить возникновение стачек. На одном из этих совещаний, происходивших в военном министерстве Пруссии под председательством генерал-майора Вризберга 18 февраля 1918 года, автор останавливается (стр. 129) [1]. Присутствовавший на этом совещании представитель военного командования Бранденбургской провинции подполковник Берге сообщил, в частности, что в связи с январской стачкой в Берлине и окрестностях было арестовано около 150 человек и призвано на военную службу 3500.

Совещание это не было единственным, на котором правящие круги извлекали для себя «уроки» из январской стачки. Правительство и военное командование очень боялись возникновения новой стачки, особенно в связи с празднованием 1 мая и предстоящим сокращением хлебного пайка. Показательно, что к участию в секретных совещаниях по борьбе с забастовочным движением привлекались и лидеры профсоюзов всех направлений, в том числе и руководители Генеральной комиссии профсоюзов. Так, на совещании в имперском министерстве экономики 26 апреля 1918 года, на котором присутствовали многие министры, статс-секретари или их заместители, от Генеральной комиссии профсоюзов присутствовали первый ее председатель Легин и второй председатель Бауэр. Оба они заверили присутствующих, что профсоюзы и не помышляют о забастовках и будут всеми средствами противодействовать агитации в пользу стачки. Эти и многие другие факты свидетельствуют о том, что военные власти и правительство тесно сотрудничали с социал-шовинистами в борьбе против забастовочного движения.

Однако ни военные, ни гражданские власти не в силах были предотвратить забастовочное движение и после подавления январской стачки. Борьба спартаковцев и передовой части германского пролетариата не прекращалась ни на одну

---

[1] Клаус Маммах неточно указывает дату этого совещания — совещание происходило не 18, а 17 февраля (см. Deutsches Zentralarchiv, Potsdam, Reichsamt des Innern. 12255. Akten betreffend den Kriegszustand, Streiks und sonstige Unruhen während des Krieges, Bd. 2, Blatt 422—424).

минуту. Революционные листовки, призывавшие расправляться с реакцией «по-русски», распространялись по всей Германии. Но стачки с марта по октябрь 1918 года не носили такого массового характера, как в январе 1918 года, и большинство стачек не выдвигало чисто политических требований. В актах имперского министерства внутренних дел имеются данные о 132 стачках, происшедших за это время [1]. Эти данные не являются исчерпывающими, так как в других архивных фондах встречаются упоминания о стачках, сведений о которых нет в этом перечне стачек. В некоторых из этих стачек участвовало до 13—16 и даже до 35 тысяч человек. Причинами стачек обычно были продовольственные затруднения, бастующие требовали повышения зарплаты и сокращения рабочего времени до 8 часов. Но если принять во внимание, что рабочие бастовали вопреки желанию социал-шовинистов и невзирая на угрозы военных властей призвать их в армию, то надо признать, что и эти стачки свидетельствуют о боевом духе значительной части рабочего класса.

* * *

В работе Клауса Маммаха правильно указано на большое влияние февральской и особенно Октябрьской социалистической революции на революционную борьбу германского пролетариата в 1917—1918 годы. Но в ней недостаточно полно освещаются внутренние причины революционного подъема в Германии и этот подъем не рассматривается в связи со всей предшествующей историей германского рабочего класса и его революционными традициями. Автор не указывает и на старые революционные связи между российским и германским рабочим движением, которые подготовили германский рабочий класс к пониманию огромного международного значения революции в России.

В последней трети XIX века Германия была центром международного революционного движения. Германский рабочий класс создал массовые пролетарские организации и самую сильную для того времени социал-демократическую партию. Идеи марксизма и пролетарского интернационализма получили широкое распространение в германском рабочем классе. К концу первого и к началу второго десятилетия

---

[1] Deutsches Zentralarchiv, Potsdam. Reichsamt des Innern, 12260 Akten betreffend Kriegszustand. Anzeigen über die Arbeiterbewegung.

XX века социал-демократическая партия Германии уже переродилась из партии социальной революции в партию социальных реформ. Но в германской социал-демократии существовала сильная группа левых социал-демократов во главе с Розой Люксембург, Карлом Либкнехтом, Кларой Цеткин и Францем Рингом, имевшая большие, серьезные революционные заслуги. У них были и крупные ошибки, и недостатки, но это были талантливые пропагандисты марксизма, воспитывавшие германский рабочий класс в духе непримиримой борьбы против реакции и милитаризма, в духе пролетарского интернационализма и уважения к российскому революционному движению.

Между германским и российским рабочим движением с конца XIX века устанавливаются тесные связи, которые особенно окрепли в годы первой русской революции 1905—1907 годов, когда германский пролетариат на массовых митингах и демонстрациях выразил свою солидарность с рабочим классом России. Виднейшие представители германского рабочего класса учили германских рабочих, что русская революция есть дело всего международного рабочего движения, что победа рабочего класса России есть одновременно и победа рабочего класса Германии. На съездах социал-демократической партии Германии не раз принимались резолюции, в которых выражалось сочувствие революционному движению в России и которые призывали германских рабочих помогать революционным борцам России. Опыт русской революции, в частности вопрос о роли массовой политической стачки, не сходил с повестки дня в социалистическом движении Германии и после революции 1905—1907 годов в России. Все это не могло не укрепить среди рабочих Германии идею международной пролетарской солидарности.

В годы войны в Германии возникло широкое антивоенное движение, более сильное, чем в других западноевропейских странах. В Германии была сильная группа левых социал-демократов интернационалистов, которым В. И. Ленин и русские большевики оказывали систематическую помощь. В Германии существовал более сильный, чем в других воюющих странах Запада, гнет милитаризма в виде генеральской диктатуры. В. И. Ленин считал, что Германия периода первой мировой войны была военно-каторжной тюрьмой для рабочих. Народные массы Германии были озлоблены вследствие катастрофической нехватки продовольствия и мучи-

тельного голода. Социал-шовинистам Германии было труднее обманывать рабочих ложью об оборонительной войне, чем социал-шовинистам стран Антанты, так как война все время велась не на немецкой территории. А идеям русской революции было легче проникнуть в Германию, чем в другие воюющие страны. На русско-германском фронте с лета 1917 года и особенно со времени Октябрьской революции происходили братания русских и германских солдат. Немецкие солдаты Восточного фронта, переводимые на Западный фронт, рассказывали солдатам и населению Германии о братании с русскими солдатами и о революции в России. Германские военнопленные, уезжавшие из России после подписания Брестского мира, также распространяли как на фронте, так и в тылу Германии идеи русской революции.

В Германии созрели материальные условия для социалистической революции. Они созрели в ней более, чем в какой-либо другой стране Запада. В. И. Ленин считал Германию периода первой мировой войны образцовой страной государственно-монополистического капитализма, который, по его определению, есть «полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его...» [1]

Вся предшествующая история подготовила германский пролетариат к глубокому восприятию идей Октябрьской революции. Весь ход развития подготовил его к тому, чтобы стать союзником российского пролетариата. Великий Ленин в «Прощальном письме к швейцарским рабочим» в апреле 1917 года писал, что «*немецкий пролетариат есть вернейший, надежнейший союзник русской и всемирной пролетарской революции*» [2].

* * *

Клаус Маммах не ставил в своей работе задачу специально осветить взгляды германских интернационалистов на Октябрьскую революцию и их отношение к партии большевиков, как и отношение большевиков и советского народа к революционному движению в Германии. Скажем очень коротко об этом здесь.

Спартаковцы и их руководители — Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Франц Меринг, Клара Цеткин, Лео Иоги-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 333.
[2] Там же, т. 23, стр. 363.

хес, Вильгельм Пик — горячо приветствовали Октябрьскую революцию. Они с восхищением писали о героической борьбе российского пролетариата. Они призывали немецких рабочих к защите пролетарской революции в России. Они активно боролись против германской интервенции в Советскую Россию, разоблачали контрреволюционную роль германской армии на Востоке. «Германский солдат — палач свободы» [1] — так была озаглавлена одна из спартаковских листовок летом 1918 года, имевшая целью пробудить у германских рабочих чувство международной пролетарской солидарности. Они разоблачали клевету социал-шовинистов и центристов о большевиках и контрреволюционную сущность воззрений ренегата Каутского на Октябрьскую революцию. Своей самоотверженной борьбой в защиту молодой Советской республики спартаковцы действительно спасли честь германского социализма и германского рабочего класса.

Клара Цеткин с первых дней Октябрьской революции встала в ряды ее беззаветных бойцов. На страницах «Приложения для женщин» к газете «Лейпцигер Фольксцейтунг», главному органу независимых социал-демократов, и в большевистской «Правде» она не раз заявляла о своем согласии с большевиками. Уже в начале 1918 года она написала письмо В. И. Ленину, в котором восторженно солидаризировалась с большевиками. В. И. Ленин горячо благодарил ее и отвечал ей: «Нас всех чрезвычайно радует, что Вы, товарищ Меринг и другие «товарищи спартаковцы» в Германии «головой и сердцем с нами». Это дает нам уверенность, что лучшие элементы западноевропейского рабочего класса,— несмотря на все трудности,—все же придут нам на помощь»[2].

В серии блестящих статей на страницах «Правды» под общим заглавием «За большевиков» и в специальной статье против Каутского «Через диктатуру к демократии» [3] Клара Цеткин выразила свое восхищение неподражаемой смелостью и энергией большевиков, тем, что они укрепляют и двигают революцию вперед, словом, «делают историю». Она выступала в защиту необходимости применения революционного насилия, без которого невозможно было осуществить

---

[1] «Спартак» во время войны. Документы и нелегальные листовки «Союза Спартак» во время войны, Москва, 1933, стр. 196—198.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 282.

[3] «Правда» от 12 мая (29 апреля ст. ст.), 15(2) мая, 17(4) мая, 18(5) мая, 17 октября 1918 года.

социалистические преобразования. Она отвергала утверждения меньшевиков и Каутского, что диктатура пролетариата в России — это диктатура меньшинства. Она доказывала, что за большевиками идет большинство народа, почти весь промышленный пролетариат, большая часть крестьянства, что они имеют большинство в Советах. Каутский и К⁰ видели свою главную задачу в ожесточенной борьбе против «неразумия», «заблуждений», «ошибок» и «опасностей» большевистской тактики. Отвечая им, Клара Цеткин писала, что «ошибки» и «недочеты» политики большевиков «будут сведены исторической перспективой к микроскопическим размерам». Применение оружия казалось ей делом куда более важным, чем «критика оружия».

В 1927 году в дни празднования X годовщины Октябрьской социалистической революции славная соратница Фридриха Энгельса и В. И. Ленина Клара Цеткин за свои активные выступления в защиту Советского государства была награждена Реввоенсоветом СССР вместе с другими выдающимися деятелями международного рабочего движения (Бела Куном, Жаком Садулем, Максом Гельцем и другими) орденом Красного Знамени. Вручая ей орден на заседании Мирового конгресса друзей СССР, который в те дни заседал в Москве, председатель Реввоенсовета Республики К. Е. Ворошилов выразил глубочайшую уверенность в том, что, «если наши классовые враги попытаются снова напасть на нашу пролетарскую республику, мы, рабочие, мы, трудящиеся всего мира, увидим вас, товарищ Клара Цеткин, в первых рядах борцов за Страну Советов» [1].

Франц Меринг, крупный теоретик и историк марксизма, член Коммунистической Академии, созданной в Советской России, по поручению всей группы Спартак обратился 13 июня 1918 года в редакцию «Правды» с открытым письмом. От себя лично и от имени всех спартаковцев он полностью солидаризировался с большевиками и передал им братский привет и сердечные пожелания. Франц Меринг заявил «русским друзьям и единомышленникам», что группа Спартак связана с ними узами страстной и глубокой симпатии и что она видит в них «сильнейших передовых борцов нового Интернационала» [2]. О своей солидарности с большевиками, в том числе и с брестской тактикой большевиков, Меринг

---

[1] «Известия» от 10 ноября 1927 года.
[2] «Правда» от 13 июня (31 мая) 1918 года.

заявил и в серии статей «Большевики и мы», напечатанных летом 1918 года в «Лейпцигер Фольксцейтунг» и в «Правде».

Роза Люксембург, этот «орел» и «великая коммунистка», как ее называл В. И. Ленин [1], в своих письмах из тюрьмы приветствовала русскую революцию. Но она была отрезана тюремными стенами от внешнего мира и имела очень скудную информацию о событиях в России. Ее старые оппортунистические ошибки не позволили ей дать правильную оценку политики большевиков и перспектив развития русской революции. Роза Люксембург оставалась на точке зрения старой марксистской теории о невозможности победы социализма в одной стране и не была знакома с новой ленинской теорией социалистической революции. В своих тюремных записках о русской революции она подвергла критике политику большевиков по ряду вопросов (аграрному, национальному и др.) Но критикуя большевиков как их товарищ и друг, она высоко оценивала их достижения и призывала немецкий пролетариат приобщиться к сокровищнице опыта и уроков большевиков. Партию Ленина она называла «единственной партией, которая ведет действительно социалистическую политику». Вдохновенно писала она о большевиках: «Большевики были воплощением революционной чести и дееспособности, которых не хватало западным социал-демократам. Их Октябрьское восстание было не только спасением русской революции, но и спасением чести международного социализма [2].

Когда 9 ноября 1918 года германская революция освободила Розу Люксембург из тюрьмы и поставила ее вместе с Карлом Либкнехтом во главе революционной борьбы германского пролетариата, она признала ошибочной свою критику большевиков и сама не опубликовала своих тюремных записок о русской революции. Она собиралась написать новое большое исследование о русской революции. Но ей не удалось осуществить свое желание — она была злодейски убита германскими белогвардейцами 15 января 1919 года.

Карл Либкнехт, старый и верный друг русской революции, находился в это время в одиночной камере каторжной тюрьмы в Люккау, куда германские власти заключили его еще в 1916 году. Виднейшего вождя германского пролетариата заставляли целый день заниматься отупляющей и бес-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 184.

[2] Цитировано по К. Цеткин, Роза Люксембург и русская революция, Москва, 1923, стр. 23.

смысленной работой — клеить бумажные картузы. Все письма Карла Либкнехта из тюрьмы и его заметки и наброски, сделанные в тюрьме и до сих пор большей частью не опубликованные, проникнуты страстным желанием прийти на помощь русской революции, тревогой за ее судьбы, стремлением пробудить у германских рабочих сознание своего интернационального долга, усилить их борьбу против собственного империализма и приблизить тем самым час наступления революции в Германии. «Я бы хотел прийти на помощь русской революции и миру,— писал он 8 сентября 1918 года,— отдать ей тысячу своих жизней, если бы они у меня были. Проклятое бессилие! Меня теснят со всех сторон стены» [1].

Своей непримиримой борьбой против империализма и милитаризма Карл Либкнехт снискал себе любовь и уважение трудящихся Советской Республики и всего мира. Петроградский Совет избрал его своим почетным председателем. Когда в конце октября 1918 года германское правительство вынуждено было выпустить Карла Либкнехта на свободу, то вся Советская страна праздновала его освобождение как свой собственный праздник. Повсюду состоялись демонстрации в честь Карла Либкнехта. Городские советы, партийные и профсоюзные организации, редакции газет слали ему свои приветствия. Ленин, Свердлов и Сталин от имени ЦК РКП(б) передали Карлу Либкнехту «наш самый горячий привет». «Освобождение из тюрьмы представителя революционных рабочих Германии,— писали они,— есть знамение новой эпохи, эпохи победоносного социализма, которая открывается теперь и для Германии и для всего мира» [2]. Я. М. Свердлов пригласил Карла Либкнехта прибыть в столицу Российской Советской Республики на празднование первой годовщины Октябрьской революции [3].

Вскоре после своего освобождения Карл Либкнехт обратился ко всему международному пролетариату с пламенным призывом выступить единым фронтом на защиту Советской Республики, которая, как он писал, «представляет из себя титанический фундамент того всемирного социалистического строя, воздвижение которого является теперь исторической задачей международного пролетариата» [4].

---

[1] К. Либкнехт, Письма, Петроград, 1922, стр. 140.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 308.
[3] «Правда» от 25 октября 1918 года.
[4] «Правда» от 5 ноября 1918 года.

Либкнехт указывал здесь, что гибель Российской Советской Республики была бы поражением пролетариата всего мира, гибелью всех надежд и всех его сил.

Коммунистическая партия Германии, образовавшаяся в декабре 1918 года, своей важнейшей задачей всегда считала борьбу против антисоветской интервенции и активную поддержку первого в мире социалистического государства. Во время советско-польской войны, летом 1920 года, КПГ возглавила массовое движение трудящихся Германии под лозунгом «Руки прочь от Советской России». В 1921 году рабочий класс и передовая немецкая интеллигенция активно откликнулись на призыв В. И. Ленина к международному пролетариату оказать помощь голодающим в Советской Республике. Продолжая лучшие традиции германского рабочего движения, верная духу пролетарского интернационализма, КПГ неизменно выступала за дружбу между германским и советским народами, за установление нормальных и дружественных отношений между Германией и Советским государством.

Со своей стороны Советская Россия последовательно отстаивала справедливые национальные требования немецкого народа. Она была единственной великой державой, которая отказалась признать грабительский Версальский договор и рассматривала побежденную Германию как равноправное и суверенное государство. Она защищала ее суверенитет и национальную независимость на международной арене и заключила с ней Раппальский договор в апреле 1922 года. По Раппальскому договору были установлены нормальные дипломатические отношения с Германией. По словам Вильгельма Пика, этот договор представляет собой «исторический документ советской мирной политики в отношении немецкого народа» [1].

Революция 9 ноября 1918 года в Германии имела положительное значение и для молодого Советского государства. Она уничтожила полуабсолютистскую монархию в Германии и тем ослабила германский империализм и милитаризм. Она подорвала позиции наиболее опасного на том этапе противника Советской России — агрессивного германского империализма, который еще осенью 1918 года не отказывался от своих авантюристических планов удушения Советской

---

[1] Wilhelm Pieck, Reden und Aufsätze, Bd. III, Berlin, 1954, S. 351.

Республики. Хотя революция в Германии не вышла за рамки буржуазно-демократических преобразований, тем не менее ее международное значение было велико. Она дала возможность молодой Советской Республике освободиться от грабительского Брестского договора. 13 ноября 1918 года ВЦИК аннулировал Брестский мир и все дополнительные к нему соглашения. Договор, основанный на насилии и грабеже, пал под соединенными ударами российского и германского рабочего класса.

Ноябрьская революция явилась высшей точкой революционного подъема в Германии в 1918 году. Она происходила в эпоху начавшегося кризиса мировой капиталистической системы, когда переход к социализму в развитых капиталистических странах стал в порядок дня. Пролетарский авангард, руководимый КПГ, боролся за установление в Германии диктатуры пролетариата. С самого начала революции по всей Германии были созданы Советы рабочих и солдатских депутатов. В этом сказалось прямое влияние Октябрьской революции на рабочее движение в Германии. Революция в Германии еще раз подтвердила международное значение Советской власти, еще раз показала, что большевизм является образцом тактики для всех. По словам Ленина, германская революция явилась проверкой того, что Советская власть, советская форма государства есть завоевание международное. «Передовая капиталистическая страна... пскказала всему миру за короткий срок, за какую-нибудь сотню с небольшим дней, не только те же основные силы революции, не только то же основное направление ее, но и ту же основную форму новой, пролетарской, демократии: Советы»[1].

Партия большевиков высоко оценила помощь германского пролетариата в 1918 году и в свою очередь считала своим долгом помогать немецким рабочим в их борьбе за освобождение от капиталистического гнета. Рабочие России были воспитаны великой партией большевиков в духе пролетарского интернационализма. Несмотря на разруху и голод в Советской России, В. И. Ленин дал осенью 1918 года указание заготовить запасы хлеба для немецких рабочих. В письме к Я. М. Свердлову 1 октября В. И. Ленин писал, что немецким рабочим, немецким трудящимся массам мы окажем братскую помощь. «Все умрем за то, чтобы

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 454.

помочь немецким рабочим в деле движения вперед начавшейся в Германии революции»[1]. В. И. Ленин предлагал удесятерить усилия по добыче хлеба («запасы *все* очистить и для нас и *для немецких* рабочих») и по созданию Красной Армии с тем, чтобы к весне 1919 года иметь армию в 3 млн. человек[2]. По инициативе трудящихся Костромы стал создаваться хлебный фонд имени Карла Либкнехта и Фридриха Адлера[3].

Как только в Германии началась революция, Советское правительство предложило братскую помощь трудящимся Германии. 11 ноября 1918 года ВЦИК решил направить в Германию два поезда с хлебом, по 25 вагонов каждый (в каждом вагоне по 1000 пудов), «для революционных рабочих и солдат красного Берлина». ВЦИК предписал местным советам рабочих и крестьян «немедленно приступить к созданию особого фонда помощи борющимся братьям и солдатам в Германии»[4].

Но правые и центристские лидеры социал-демократической партии, вставшие у власти в Германии после 9 ноября 1918 года, отвергли эту дружескую помощь советского народа. Вместо союза с Советской Россией они пошли на союз с империалистами Антанты и США.

Советский народ с энтузиазмом приветствовал известие о начавшейся революции в Германии. В Москве и других городах состоялись по этому поводу массовые митинги и демонстрации, торжественные заседания городских советов, города по праздничному убирались и иллюминировались. Трудящиеся Советской России повсюду приветствовали революционных рабочих Германии и слали им пожелания успехов в борьбе за свое освобождение от ига капитала[5].

Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на германское рабочее движение, разумеется, не ограничивалось 1918 годом. Международное значение Октябрьской социалистической революции, величайшей революции в истории человечества, не ограничивается какими-либо

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 301.
[2] Там же, стр. 301—302.
[3] «Правда» от 27 сентября 1918 года.
[4] Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. 1, Москва, 1944, стр. 162.
[5] «Правда» от 12, 13, 14, 15, 19 октября 1918 года.

определенными хронологическими рамками. Идеи этой революции, непобедимые и бессмертные идеи марксизма-ленинизма, оказывали и продолжают оказывать огромное определяющее влияние на судьбы всего человечества.

Идеи Октябрьской революции вдохновили передовую часть рабочего класса Германии под руководством КПГ на борьбу за установление диктатуры пролетариата в период революционного подъема в 1918—1923 годах. Эти же идеи в период частичной стабилизации капитализма (1924—1928) и в годы мирового экономического кризиса (1929—1933) поднимали коммунистов и передовых рабочих Германии под руководством Эрнста Тельмана на борьбу против возрождающегося германского империализма и милитаризма, на борьбу против реакции и фашизма. В мрачные годы фашистской диктатуры, когда КПГ вынуждена была уйти в глубокое подполье, эти идеи воодушевляли германских коммунистов и борцов движения Сопротивления на борьбу против фашистского мракобесия. После второй мировой войны эти же идеи вдохновили народы всего мира, и германский народ в том числе, на борьбу за демократию и социализм. Ныне эти идеи воплотились в делах Германской Демократической Республики, успешно идущей по пути строительства социализма. В делах этого первого в истории Германии рабоче-крестьянского государства, оплота германского народа в борьбе за единую демократическую Германскую республику, живут и лучшие традиции революционной борьбы германского рабочего класса.

В. Г. Брюнин

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Настоящая работа, основанная главным образом на еще неопубликованных документах, монографиях, отчетах, протоколах и газетном материале, является попыткой показать влияние февральской революции в России и Великой Октябрьской социалистической революции на немецкий рабочий класс.

Эта книга, в основу которой легла моя дипломная работа, охватывает период с марта 1917 по октябрь 1918 года. Ее цель на примере борьбы берлинского и саксонского пролетариата показать то значение, какое имели революционные действия русских рабочих и крестьян для борьбы немецких рабочих против империализма, милитаризма и войны, за социалистическую революцию, как революционное движение в Германии развивалось под влиянием великих переворотов в России, как оно росло и крепло.

Группа Спартак, ставшая зародышем Коммунистической партии Германии, последовательно защищала интересы рабочего класса и всего немецкого народа. Она указывала немецкому народу путь к освобождению от эксплуатации и угнетения, путь мирного строительства и приложила все силы к тому, чтобы установить прочные дружеские отношения с лучшим другом немецкого народа — великим Советским Союзом. Группа Спартак боролась за преодоление раскола в немецком рабочем классе, за то, чтобы рабочие и крестьяне взяли свою судьбу в свои собственные руки и создали действительно суверенное, демократическое государство.

Вопреки фальсификаторам истории, апологетам германского империализма, необходимо сохранять в чистоте и отстаивать революционные традиции немецкого рабочего класса. Мы должны сделать так, чтобы трудящиеся нашей

республики, и в особенности молодежь, знали эти традиции, так как уроки великих классовых битв, понимание целей, за которые отдали свою жизнь лучшие сыны нашего народа, сделает особенно ясным то, что́ мы должны защищать сегодня в нашем рабоче-крестьянском государстве.

Раскол в рабочем классе, выгодный для буржуазии, но пагубный для пролетариата, преодолен в нашей республике. Объединенный рабочий класс — это большая и могучая сила, способная совершать великие дела. В его руках находится дело сохранения мира и обеспечения радостного, счастливого будущего немецкого народа и объединенной, миролюбивой и демократической Германии.

Клаус Маммах

Август, 1955.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАБОЧИЙ КЛАСС ГЕРМАНИИ

Положение рабочего класса в начале 1917 года

Нужда и бедствия, от которых страдал немецкий рабочий класс в результате империалистической войны, становились с каждым днем все тяжелее. Согласно официальным данным Государственного статистического управления, стоимость жизни в 1917 году поднялась по сравнению с 1900 годом в отношении 100 к 329, а индекс реальной заработной платы снизился за тот же период со 100 до 70. Особенно ухудшало положение трудящихся все прогрессирующее вздорожание продовольствия (1914=100, 1917=220), причем нормы выдачи продовольствия населению постоянно уменьшались [1].

Нажим же на рабочих, напротив, с каждым днем все усиливался. На многих предприятиях были введены двенадцатичасовой рабочий день и ночные работы. Под флагом «гражданского мира» реформистское руководство профсоюзов — Генеральная комиссия еще в начале войны отказалась от проведения стачек. Требования рабочих об улучшении своего положения не получали в профсоюзах никакой поддержки. Требования рабочих о повышении заработной платы отклонялись предпринимателями, которые установили тесное сотрудничество с правым руководством профсоюзов. Даже «Форвертс», центральный орган руководства социал-демокра тической партии Германии (СДПГ), должен был призна ть, что требования рабочих «все еще находятся ниже прожиточного минимума» [2]. По «отечественному закону о

---

[1] См. Jürgen Kuczynski, Die Geschichte der Lage der Arbeiter in Deutschland von 1789 bis in die Gegenwart, Bd. I, Zweiter Teil, 1871—1932, Berlin, 1954, S. 99—101. (Ю. Кучинский, История условий труда в Германии, Москва, 1949, Издательство иностранной литературы, стр. 228—232.)

[2] «Vorwärts» vom 14 Juni, 1917.

трудовой повинности», который должен был в рамках «плана Гинденбурга» мобилизовать последние ресурсы для производства орудий уничтожения, у рабочих были отняты последние права и они оказались в полном подчинении у капиталистов. Этот закон предусматривал, что каждый немец в возрасте от 17 до 60 лет, если он не был солдатом, должен был работать на каком-нибудь важном для ведения войны предприятии. Если он не делал этого добровольно, то его принуждали в порядке трудовой повинности. Тюремным заключением на один год и денежным штрафом до 10 тыс. марок карались те, кто уклонялся от выполнения этого закона. Только с разрешения предпринимателя трудообязанный мог оставить работу. Если он не мог представить соответствующего удостоверения, то ему не давали работы ни в каком другом предприятии. Для улаживания споров между рабочими и предпринимателями были созданы специальные комиссии, председателями которых были офицеры, а членами — предприниматели и находящиеся в подчинении у монополистов государственные чиновники, которые заботились о «нужном толковании закона». Гнусность этого закона усугублялась еще тем, что правые социал-демократы из правлений отдельных профсоюзов принимали участие в его разработке. Все правления обещали представителям предпринимательских организаций и начальнику Управления военной промышленностью Грёнеру, который осуществлял контроль над выполнением закона, «содействовать проведению трудовой повинности» [3] при условии, что работа в профсоюзах и рабочих секретариатах будет рассматриваться как трудовая повинность для отечества».

Чем больше усиливалось обнищание рабочих, тем больше росли богатства монополистов. Последние благодаря содействию послушных им продажных профсоюзных лидеров и правых социал-демократов считали себя застрахованными от всяких выступлений рабочих и любыми средствами стремились обеспечить себе максимальную прибыль. Так, например, за тонну мартеновской стали, как показал в 1925 году мюнхенский процесс о так называемом «ударе кинжалом в спину» («Dolchstoßprozeß»), они загребали по 280 марок, в то время как максимальная цена за тонну, «включая достаточную прибыль», составляла 180 марок. Только бла-

---

[3] «Rechenschaftsbericht der Generalkomission der Gewerkschaften Deutschlands vom 1 Juni 1914 bis 31 Mai 1918», Berlin, 1919, S. 59.

годаря этому магнаты тяжелой промышленности получали ежемесячно максимальную прибыль в 10 млн. марок. Ежемесячно огромные количества железа и стали вывозились во время войны с заводов монополистов и через нейтральные страны доставлялись западным державам, которые при помощи немецкой стали убивали немецких же солдат. Эти манипуляции монополистов покрывались военными и правительственными учреждениями.

Рабочих эксплуатировали и угнетали не только монополисты, но также и юнкера, от которых в значительной мере зависело снабжение народных масс продовольствием и которые на этом основательно погрели себе руки. На одной лишь торговле продовольствием на черном рынке они нажили неимоверную прибыль. Они нимало не заботились о выполнении своих обязательств по поставкам. Для них было выгоднее скармливать картофель скоту, так как продажа мяса приносила бóльшую прибыль. Кроме того, представители юнкеров в рейхстаге и в отдельных лантагах под предлогом крайней необходимости выступали за повышение цен на продовольствие. Д-р Рёзике, председатель Союза сельских хозяев, заявил на общем собрании 21 февраля 1917 года: «В такое время, когда все цены повышаются, невозможно снижать цены на скот. Наряду с выполнением патриотического долга хозяйство все же должно приносить доход каждому производителю в отдельности» [4]. Правый социал-демократ Кепплер внес предложение о дальнейшей поддержке юнкеров: государство должно преимущественно юнкеров снабжать удобрениями, семенным материалом и рабочей силой.

О том, как сказывалась политика юнкеров на положении трудящихся, можно судить по письму в редакцию газеты «Форвертс» относительно обедов в общественной кухне на Циммерштрассе: «...суп был хорош; затем подали капусту с одной, подумать только! с одной-единственной картофелиной. И за это от моей карточки на картофель вырезали талон на полфунта» [5].

Уже в январе 1917 года городской синдик д-р Марецкий должен был признать на собрании членов городской думы в Лихтенберге, что положение «очень серьезно» и «скоро мы останемся совсем без ничего» [6]. В феврале 1917

---

[4] «Vorwärts» vom 22 Februar, 1917.
[5] «Vorwärts» vom 7 Januar, 1917.
[6] «Vorwärts» vom 13 Januar, 1917.

года в рабочих районах Берлина совсем не было картофеля, в то время как в Грюневальде его выдавали по 3 фунта на человека. В хлеб подмешивали ячменную муку, овсяные отруби и частично картофель, вместо которого населению выдавали брюкву.

Газеты были полны сообщений о хищениях продовольствия, о подделках продовольственных карточек и т. п.

В начале февраля на одном заседании в присутствии рейхсканцлера, статс-секретаря Гельфферихa, обербургомистра Берлина и представителей других учреждений оба представителя Генеральной комиссии профсоюзов, Кёрстен и Зиринг, должны были признать, «что на предприятиях. уже появились отдельные случаи высказывания недовольства», так как в результате «широко распространенной спекуляции продуктами» их может покупать только «состоятельная часть населения» [7]. Представители правительства «не вынесли по этому поводу никакого решения», так как иначе они ущемили бы интересы юнкеров. Недостаток угля еще более усугублял нужду и голод.

Первые отклики на февральскую революцию

В такой обстановке было получено в Германии известие о победе русских рабочих и крестьян над царизмом. 25 февраля (10 марта по новому стилю) под руководством большевиков разрозненные политические забастовки петроградских рабочих переросли во всеобщую политическую забастовку против царизма и войны. На следующий день рабочие взяли в свои руки оружие, отобранное у полиции. Часть находящихся в Петрограде войск перешла на сторону революционных рабочих и оказала им поддержку в борьбе с полицией. Уже в последующие дни этот переход на сторону рабочих принял массовый характер. Солдаты и рабочие арестовали царских министров и генералов, освободили политических заключенных и свергли царизм. Весть о победе петроградских рабочих быстро распространялась. Повсюду в России следовали их примеру. Были образованы Советы рабочих и солдатских депутатов — органы диктатуры рабочего класса и крестьянства, но наряду с ними было создано в качестве органа диктатуры буржуазии и Временное правительство.

---

[7] «Vorwärts» vom 14 Februar, 1917.

«Революция победила потому, что рабочий класс был застрельщиком революции и возглавлял движение миллионных масс крестьян, переодетых в солдатские шинели — «за мир, за хлеб, за свободу». Гегемония пролетариата обусловила успех революции» [8].

Знаменательное признание о влиянии победы русских рабочих и крестьян в феврале 1917 года сделал поистине находящийся вне подозрений свидетель, тогдашний военный корреспондент агентства «Ассошиэйтед Пресс» в Германии С. Майлс Баутон в своей книге «Конец Германии как великой державы»: «Русская революция, совершившаяся в этом месяце,— писал он,— явилась фактором, влияние и последствия которого для Германии едва ли можно преувеличить. В то время как германские империалисты «приветствовали революцию, рассматривая ее как одновременное крушение могущественного противника, народные массы, изголодавшиеся и намерзнувшиеся в течение ужасной «брюквенной» зимы, обнищавшие и обессиленные тяжелыми потерями, которые понесла почти каждая семья, и помимо своей воли воспринимавшие учение международного социализма... начали размышлять о том, не будет ли и для них спасением тот путь, по которому пошли русские» [9].

Победу русских рабочих и крестьян восторженно приветствовали германские левые и особенно группа Спартак, вокруг которой объединились лучшие представители немецкого пролетариата — Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Вильгельм Пик, Франц Меринг, Лео Иогихес и Клара Цеткин. Группа Спартак высоко подняла знамя интернационализма и непоколебимо его отстаивала, в то время как правые социал-демократы, не считаясь с решениями конгрессов II Интернационала, заключили гражданский мир с господствующими классами и в шовинистическом угаре во весь голос пропагандировали защиту отечества юнкеров и монополистов.

Германские левые последовательно отстаивали чистоту марксизма, стойко боролись против реформизма и оппортунизма, внесенных в среду рабочего класса лакеями господствующих классов — Эбертом, Шейдеманом, Гаазе, Каутским и др. с целью ослабить силы пролетариата, деморали-

---

[8] «История ВКП(б). Краткий курс», 1955, стр. 169.

[9] S. Miles Bouton, Das Ende der Großmacht Deutschland, Berlin, 1923, S. 44.

зовать рабочих и сделать их послушными воле юнкеров и капиталистов.

Только германские левые в соответствии с решениями Интернационала поставили себе целью подготовить пролетариат к революционной борьбе за свержение империализма, использовав для этого всеобщий кризис капитализма, начавшийся в период первой мировой войны.

Под лозунгами, выдвинутыми Либкнехтом — «Не гражданский мир, а гражданская война» и «Враг в нашей собственной стране» — они объединили вокруг себя передовую часть пролетариата и усилили борьбу против правящих классов и развязанной ими империалистической войны. Будучи истинными представителями интересов германского народа, они проводили подлинно национальную политику, направленную против дворянства и буржуазии и их агентуры в рабочем движении, предавших интересы нации и толкавших германский народ к гибели.

На примере февральской революции в России германские левые показывали немецкому рабочему классу, что успех может быть достигнут только путем внепарламентских выступлений, путем упорной борьбы объединенного пролетариата. Они напоминали немецким рабочим о их долге поддержать русских братьев по классу путем мобилизации всех сил на борьбу против своих правящих классов, на борьбу против империалистической бойни.

Роза Люксембург получила известие о революции, будучи в тюрьме Вронке, где ее с октября 1916 года германские империалисты держали в «предварительном заключении». И все же ее голос проник через стены тюрьмы и был услышан общественностью. Всем сердцем сочувствовала она победе русского рабочего класса. В письме к Марте Розенбаум она писала: «...славные дела в России явились для меня жизненным элексиром. Да и для всех нас это целительная весть; я опасаюсь, что вы недооцениваете, недостаточно чувствуете, что это наше собственное дело одерживает там победу. Эти события должны подействовать и подействуют на весь мир как разрядка, они прольют свет на всю Европу. Я твердо убеждена в том, что начинается новая эпоха и что война не может больше долго продолжаться» [10].

В убедительных выражениях призывала она немецких рабочих в «Письмах Спартака» защищать революцию «как

[10] Rosa Luxemburg, Briefe an Freunde, Hamburg, 1950, S. 157.

свое собственное дело, дело единого международного пролетариата» [11].

Группа Спартак видела в русской революции «убедительное подтверждение того факта, который еще вчера казался непонятным даже оппозиционно настроенным социалистам из АГ [социал-демократического Рабочего содружества.— *К. М.*], а именно того факта, что никакие дипломатические «соглашения» и никакие послы Вильсона не смогут указать выхода из тупика мировой войны и что это сделают только революционные выступления пролетариата» [12]. Имеется только одна возможность оказать поддержку русской революции — это «пробуждение германского пролетариата, захват германскими рабочими и солдатами господствующих позиций в своем собственном доме и революционные выступления германского народа за мир» [13].

Совсем иную позицию — как это уже можно видеть из указаний группы Спартак — занимали центристы во главе с Гаазе и Каутским, представлявшие так называемую оппозицию руководству социал-демократической партии и образовавшие социал-демократическое Рабочее содружество. Они ответили на русскую революцию «Программой действий». Но это совсем не означало, что они хотели вести массы на революционные выступления, эта программа предусматривала лишь «действия» в рейхстаге, запросы и пустую декламацию. Центристы утверждали, что «борьба за нашу внутреннюю свободу должна принять другие формы», чем в России, как было сказано в «Миттейлунгсблат», органе Рабочего содружества, от 8 апреля 1917 года. «Эта борьба,— уверяли они,— началась в наши дни под влиянием событий в России на парламентской основе» [14].

Представители Рабочего содружества даже и отдаленно не думали о том, чтобы призвать немецких рабочих к революционной борьбе, а пытались путем «парламентской деятельности» отвлечь их от следования примеру русских товарищей. Открытое сопротивление немецких рабочих господствующим порядкам они хотели предотвратить путем «внутренних реформ». Так, например, Гаазе 30 марта 1917 года на 96 сессии рейхстага заявил: «Сколько времени на-

---

[11] «Spartakusbriefe», Berlin, 1920, S. 105.
[12] Ibid., S. 85.
[13] Ibid., S. 89.
[14] Ibid., S. 106.

мерен рейхсканцлер ждать с реформами? Он играет плохую игру... Не хочет ли он довести до того, чтобы немецкий народ заговорил по-русски?» Но, чтобы не вызвать никакого сомнения в отношении позиции так называемых оппозиционеров из Рабочего содружества, Гаазе добавил: «Я вовсе не думаю угрожать революцией» [15].

Правые лидеры социал-демократии, которые давно уже скатились до положения подручных кайзеровско-империалистического правительства, прибегли к обычному демагогическому трюку, чтобы ввести в заблуждение рабочих. В телеграмме, посланной Эбертом по поручению партийного руководства в Петроград, русский пролетариат поздравляли «с успехами, достигнутыми на пути к политической свободе», провозглашая при этом, что правые социал-демократы выражают «настойчивое желание, чтобы политические успехи русского народа способствовали бы обеспечению мира во всем мире, за что немецкая социал-демократия боролась с самого начала войны» [16].

Однако насколько нежелательным для партийного руководства был образ действий русских рабочих и крестьян, можно видеть из передовой статьи того же номера «Форвертс», в котором был напечатан и текст телеграммы. В этой статье Пауль Ленч, который спустя несколько лет стал главным редактором принадлежавшей Стиннесу «Дейче Альгемейне Цейтунг», заявлял для успокоения правящих классов, что подобное развитие событий в отношении к Германии не стоит и обсуждать, «так как нет такой страны, которая была бы так мало пригодна для ярко выраженной революционной роли и так мало имела бы к этому призвания, как Германия». Однако он не мог не признать, что революционный подвиг русского пролетариата нашел у немецких рабочих восторженный отклик. «Русский призыв — мир и свобода... вызвал в Германии радостное эхо, так как он полностью отвечает чаяниям и нуждам немецкого народа». То, что господин Ленч не смог не посчитаться с настроениями немецких трудящихся, является свидетельством того, что радость и воодушевление по поводу освободительных шагов русских рабочих и крестьян господствовали среди широких слоев немецкого народа.

---

[15] «Verhandlungen des Reichstags», XIII Legislaturperiode, II Session, Stenographische Berichte, Bd. 309, S. 2888—2889.

[16] «Vorwärts» vom 1 April, 1917.

Так же, как и центристы, но еще более откровенно и напористо действовали в интересах германских империалистов правые социал-демократы, старавшиеся при помощи требований о реформах отвлечь внимание рабочих. «Если мы получим уверенность,— заявляли они,— что следующие выборы в ландтаг будут происходить уже на основе демократизированного [но не демократического!— *К. М.*] избирательного права, то в этом случае многое будет уже сделано для успокоения умов» [17].

Правительство приняло «благонамеренные» советы Рабочего содружества и правых социал-демократов. 14 марта рейхсканцлер Бетман-Гольвег появился в прусском сейме и объявил о «преобразовании политической жизни». «Если мы не сделаем решительных выводов из пережитого во время этой войны по всем проблемам политической жизни, по вопросам урегулирования трудового права, прусского избирательного права и положения ландтага в целом — если мы этого не сделаем, то мы пойдем навстречу внутренним потрясениям, трагизм которых не может не быть очевиден для каждого» [18]

Страх перед тем, что борьба русских рабочих может послужить примером для их немецких братьев по классу, привел уже 29 марта к дебатам в рейхстаге о «внутренних реформах».

Бывший статс-секретарь по внутренним делам Гельфферих открыто признал в своей книге «Мировая война», что «дебаты проходили явно под впечатлением событий в России. Не только социал-демократы требовали немедленного проведения внутренних реформ... но и свободомыслящие и национал-либералы заявили о своем отказе от взгляда, что «новая ориентация» должна начаться только после окончания войны» [19].

Днем позднее рейхстаг вынес решение образовать «Конституционную комиссию для изучения вопросов, в особенности касающихся состава народного представительства и его отношения к правительству». Но так как юнкера и капиталисты не желали поступиться хотя бы минимальной долей своих привилегий, то правительство лишь хотело пообещать «демократизацию» и тем самым постараться удер-

---

[17] «Vorwärts» vom 1 April, 1917.

[18] См. Karl Helfferich, Der Weltkrieg, Bd. III, Berlin, 1919, S. 93—94.

[19] Ibid., S. 94.

жать народные массы от революционных выступлений, вовсе не намереваясь в действительности наложить руку на власть крупных помещиков и капиталистов.

Вечером 30 марта Бетман-Гольвег на заседании вместе с министрами заявил, что «ввиду обострения внутреннего положения реформа прусского избирательного права, с которой нельзя больше ждать, будет объявлена королем в торжественной обстановке, раньше чем корона примет законопроект, внесенный парламентом». Он надеялся таким путем «внести успокоение, разрядить напряженность положения и укрепить положение кайзера и короля» [20]. В указе от 7 апреля 1917 года, так называемом пасхальном послании, кайзер с шумом объявлял об избирательной реформе и поручал рейхсканцлеру представить ему «предложения государственного министерства, чтобы по возвращении наших воинов эта основная для внутреннего устройства Пруссии реформа быстро была бы проведена в жизнь путем издания закона» [21]. «Форвертс» выражала свою радость по поводу отсрочки реформы до послевоенного времени громкими фразами о том, что можно «с полной надеждой и с полным доверием смотреть в будущее Пруссии», «Внутренний смысл» и «торжественная серьезность» этого обещания гарантируют его выполнение. «Форвертс» рекомендовала правительству встать во главе народного движения и заверяла в своем елико возможном содействии в деле обмана масс. «Мы не будем ему [правительству.— *К. М.*] мешать, наоборот, мы будем всюду расчищать ему путь» [22].

Насколько далеко зашел центральный орган правых социал-демократов в своем раболепствовании перед германскими империалистами, показывает высказывание генерала Меркера, задушившего в 1919 году при помощи террора и потопившего в потоках крови восстание немецких рабочих в Центральной Германии, о причинах, побудивших канцлера пообещать реформы: «Правда, время, в которое было объявлено об изменениях в конституции, а именно, непосредственно после начала русской революции,— было особенно неблагоприятным и обнаруживало страх правительства перед рабочими массами» [23].

---

[20] См. Karl Helfferich, Der Weltkrieg, Bd. III, Berlin, 1919, S. 97.
[21] «Vorwärts» vom 8 April, 1917.
[22] Ibid.
[23] Georg Maercker, Vom Kaiserheer zur Reichswehr, Leipzig, 1921, S. 5.

Образование независимой социал-демократической партии Германии

Под влиянием русской революции росла революционная боевая мощь немецкого рабочего класса и крепла его воля к сопротивлению империалистической войне и господствующим порядкам. Многие рабочие понимали, что правые социал-демократические лидеры не разделяют этих стремлений рабочих и не поддержат их борьбу. Рабочие были недовольны руководством социал-демократической партии и намеревались выступить без правых социал-демократов. В этот критический для правящих классов и для правого руководства социал-демократии момент выступили центристы. После исключения их правлением СДПГ и происшедшего затем формального раскола между правыми и центристами они хотели создать свою собственную партию, чтобы перехватить инициативу в растущем революционном движении пролетариата и направить движение по безопасному для правящих классов пути. При помощи такой партии они хотели держать рабочих под влиянием буржуазии и оппортунистов, препятствовать революционизированию рабочих и созданию революционной, марксистской боеспособной партии, которая могла бы последовательно и целеустремленно руководить выступлениями рабочих.

Эти цели центристов и оппортунистический характер их политики выявились на учредительном партейтаге, положившем начало независимой социал-демократической партии Германии. Основное средство политической борьбы они видели в парламентской деятельности; от революционных выступлений масс они отказывались. Победоносное наступление русских рабочих и крестьян они использовали не для мобилизации немецких рабочих, а исключительно с целью предостеречь буржуазию от могучей силы объединенного рабочего класса и указать ей на необходимость принятия соответствующих контрмер. Центристы не занимали также последовательной позиции по вопросу о военных кредитах, но были готовы при «соответствующих обстоятельствах» проголосовать и за кредиты. Они не понимали характерных особенностей империализма, так как считали возможным его мирное развитие и возлагали все надежды на третейские суды, а не на революционную борьбу пролетариата. Не революция, а реформы и т. п., короче говоря, эволюция

должна была, по их мнению, в корне изменить существующий порядок.

Чтобы заручиться доверием передовых рабочих, а затем воспрепятствовать их выступлению, они одурманивали массы революционно звучащей фразеологией. Чем дальше они удалялись от марксизма, тем чаще произносили имена Маркса и Энгельса. В конечном счете центристы обнаружили «не только неуменье, но и нежелание использовать в революционном смысле революционный кризис, или, другими словами, и неуменье, и нежелание вести действительно революционную подготовку партии и класса к диктатуре пролетариата» [24].

6 апреля они собрали все оппозиционные социал-демократические группы на учредительную конференцию в Готу. Прибыли также и представители группы Спартак.

Конференция проходила под впечатлением великих событий в России. Это нашло особенное выражение в письме Клары Цеткин, которое она адресовала участникам конференции. «Над вашей конференцией, — писала она,— пламенеет знамя великих деяний народа России, совершившего подвиг, вдохновляющей силой которого является молодой пролетариат, выступающий под руководством социал-демократии, которая и в дни войны несла впереди масс незапятнанное знамя международного социализма. Я надеюсь, я хочу, чтобы Ваши совещания и решения были достойны великих событий этого времени! Будем учиться у величайшего учителя истории всех народов и всех времен — революции. Ваша конференция должна быть началом действий, которые не знают ни компромиссов, ни проволочек». Она призывала участников конференции: «Позаботьтесь о том, чтобы наступающее великое время нашло бы себе великое поколение: массы, идущие на штурм, и вождей, идущих вместе с ними» [25].

Уже в первом докладе «О наших задачах», с которым выступил Ледебур, обнаружились противоречия между центристами и группой Спартак, а также половинчатость и нерешительность политики Рабочего содружества. Ледебур утверждал, что «главным, основным средством политической борьбы для нас является именно парламентская дея-

[24] В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 204.

[25] «Protokoll über die Verhandlungen des Gründungs-Parteitags der USPD vom 6 bis 8 April 1917 in Gotha», Berlin, 1921, S. 50.

тельность» [26]. Что касается голосования за основные кредиты, то Ледебур считал, что по этому вопросу «вообще не имеется точных предписаний — разрешать ли кредиты или не разрешать» [27]. Последовательно проводимую Либкнехтом и группой Спартак линию отказа от голосования за военные кредиты он отвергал: «Позиция так называемого сборонного нигилизма вовсе не является социал-демократической» [28]. Нужно-де исходить из «обстоятельств», можно ли голосовать за кредиты или нельзя.

Дальнейшие высказывания Ледебура ясно доказали, что центристы не хотят пользоваться примером русской революции в интересах рабочих и с целью усиления их борьбы, но что они стремятся поддержать господство буржуазии. «Мы, социал-демократы, принадлежащие к оппозиции в рейхстаге, имеем обыкновение не оставлять без внимания то, что происходит на Востоке. Мы всспользовались случаем и указали буржуазным партиям и правительству на то, что им пора сделать свои выводы из этого урока... Мы заявили, что если так пойдет и дальше, то неизбежно, что и у нас в Германии дело дойдет до таких же событий, что и в России[29].

Только группа Спартак, немецкие левые выступили на этой конференции, а также и в последующей борьбе, за основные интересы пролетариата против реформизма и оппортунизма, за чистоту марксизма. Фриц Геккерт, «один из тех, которые теснейшим образом связаны с массами» [30], как охарактеризовал его однажды Вильгельм Пик, резко выступил против главной, защищаемой Гаазе и Каутским враждебной рабочим точки зрения о том, что империалистические государства «мирным путем» смогут расширить «сферы своего влияния» и что третейские суды смогут устранить войны. «Мы стоим на той точке зрения,— сказал Фриц Геккерт,— что империализм, по самой своей сущности, не может мирно развиваться. Поэтому все разговоры о третейских судах, разоружении и т. п. мы рассматриваем как утопические басни. Такими теориями, как клейстером, заливается сознание рабочих... Мы хотим, чтобы Интернационал

---

[26] «Protokoll über die Verhandlungen des Gründungs-Parteitags der USPD vom 6 bis 8 April 1917 in Gotha», Berlin, 1921, S. 52.

[27] Ibid., S. 55.

[28] Ibid., S. 57.

[29] Ibid. S. 60.

[30] Wilhelm Pieck, Reden und Aufsätze, Bd. I, Dietz Verlag, Berlin, 1954, S. 441.

был инструментом, при помощи которого был бы положен конец войнам» [31]. Он осудил взгляды центристов, считавших своей главной деятельностью произнесение речей в парламенте. Немецкий пролетариат должен «усвоить опыт русской революции, так как это касается его собственной судьбы» [32]. Прежде всего нужно бороться против мнения, будто пролетариат «может выйти из своего бедственного состояния каким-то иным путем, в то время как это освобождение — дело его собственных рук». В заключение он еще раз ясно и определенно высказался за революционную борьбу, призвал следовать примеру русских рабочих. «Красное знамя, развевающееся в Петербурге над Зимним дворцом, является для нас вдохновляющим символом; обращаясь к русским пролетариям, мы воскликнем: мы сделаем то же самое!» [33].

Спартаковцы присоединились в Готе к независимой социал-демократической партии Германии в качестве самостоятельной группы «не для того, чтобы принимать участие в их политике,— как выразился Лео Иогихес в письме к товарищам из Вюттенберга,— и нести вместе с ними ответственность за их политику, а только затем, чтобы бороться за нашу политику внутри этой партии; при этом нашу принадлежность к этой партии мы ставим в зависимость от основного условия, а именно — сохранения существующего организационного объединения крайней оппозиции, то есть сохранения нашей неофициальной организации и ее дальнейшего развития; кроме того, полная свобода критики и самостоятельных действий» [34].

Этот шаг немецких левых был их большой ошибкой, вытекавшей из непонимания ими необходимости создания своей собственной партии, партии нового типа. Благодаря организационной принадлежности группы Спартак к независимой социал-демократической партии Германии тормозилось создание новой большевистской партии. Вследствие пренебрежительного отношения к организационным вопросам и недооценки роста партии спартаковцы оказались не в состоянии осуществить планомерные мероприятия перед лицом наступающих революционных событий. В своей

---

[31] «Protokoll über die Verhandlungen des Gründungs-Parteitags der USPD...», S. 66.

[32] Ibid., S. 67.

[33] Ibid., S. 78.

[34] См. «Illustrierte Geschichte der deutschen Revolution», Berlin, 1929, S. 147.

статье «К истории Коммунистической партии Германии» Вильгельм Пик очень точно отметил: «Отсрочка в создании коммунистической партии была серьезным упущением, которая имела своим следствием то, что у германского пролетариата в момент краха кайзеровской военной машины и кайзеровской империи отсутствовала революционная партия, которая могла бы его повести к победе над империализмом, на борьбу за уничтожение империалистических властителей и за установление власти пролетариата» [35].

Апрельская стачка 1917 года

Новое сокращение с 15 апреля недельного хлебного пайка на 450 граммов, то есть до 1350 граммов, было формальным поводом для больших волнений рабочих весной 1917 года. Протест против угнетения и порабощения немецких рабочих, а также протест против империалистической войны, окончание которой благодаря вступлению в войну США казалось отодвинутым в далекое будущее, привел к стачке, которая ставила своей задачей не только улучшение снабжения продовольствием, но и прежде всего удовлетворение политических требований. Пример победоносного наступления русского пролетариата влил в немецких рабочих силу и мужество для возобновления борьбы за свои права против империалистической эксплуатации и губительной для народов мировой войны.

Кайзеровско-империалистическое правительство, которое начиная с марта, то есть со времени русской революции, опасалось выступлений немецких рабочих, должно было признать, что его попытки внести успокоение не имели успеха. У него не было иного выхода, как прибегнуть к помощи правых лидеров социал-демократии, а если это не поможет, то применить военную силу. Социал-шовинисты тотчас проявили полную готовность. «Форвертс» старалась спасти то, что еще можно было спасти. «Печать, которая сознает свою ответственность,— так говорилось в центральном органе «правительственных социалистов»,— не должна в этот чрезвычайно серьезный момент считать своей задачей раздувание недовольства, не заботясь о том, что из этого выйдет. Поэтому мы настойчиво советуем населению: сначала подождать, что принесет с собой 15 апреля. Если удаст-

---

[35] Wilhelm Pieck, Reden und Aufsätze, Bd. I, S. 382.

ся осуществить преобразования, то опасение по поводу того, что положение может стать хуже, чем было, необоснованно!» Затем газета с «неумолимой» логикой заключила: «Во всяком случае, можно надеяться, что будет удачным то, что должно удаться» [36].

Генеральная комиссия профессиональных союзов также пыталась сделать все, чтобы предотвратить забастовку. Она «в союзе с партийным руководством [СДПГ.— *К. М.*] вела переговоры с Управлением военной промышленностью и Главным управлением продовольствия и получила от них письменное обещание, что хлебный паек не будет сокращен до тех пор, пока не будут доставлены заменители пищевых продуктов. Это обещание было немедленно опубликовано для осведомления рабочих» [37], то есть для их успокоения. Однако 16 апреля рабочие Лейпцига, Берлина, Галле, Брауншвейга, Магдебурга и других городов Германии показали, что́ они думали о болтовне «Форвертс» и о рассчитанных на обман маневрах профсоюзного руководства.

События в Лейпциге

Особенно ярко выраженный политический характер приняла с первых же дней стачка лейпцигских рабочих. Своими выступлениями они показали, что́ они думали о воззвании саксонского правительства от 13 апреля, которое требовало от рабочих, чтобы они сохраняли спокойствие и «с готовностью» переносили бы «неизбежные» лишения.

Началу стачки предшествовали протесты населения в различных частях Саксонии, вызванные голодом. Так, например, 3 апреля в здании ратуши в Ауэ перед комнатой исполняющего должность бургомистра Шуберта собралось сорок работниц, требовавших хлеба. После того как жандармы выставили их из ратуши, они добыли себе хлеба силой в соседней булочной на углу Шиллингштрассе, оставив, однако, за хлеб соответствующую сумму денег. Спустя неделю около ста женщин собрались перед ратушей и после грубого отказа властей стали громить булочные. Налетела полиция, при этом было арестовано 16 человек.

Через два дня, 14 апреля, пятьсот рабочих требовали у бургомистра, который ввиду критического положения

---

[36] «Vorwärts» vom 11 April, 1917.
[37] «Rechenschaftsbericht der Generalkommission...», S. 27.

в Ауэ был освобожден от военной службы, увеличить выдачу хлеба. Он обещал выполнить их требование, чтобы тем заставить их уйти. Во второй половине того же дня областной начальник Виммер вел переговоры с правыми лидерами социал-демократии и профессиональных союзов, которые должны были привести к «полному успокоению», как было сказано в отчете жандармерии [38].

Между тем, уже с начала апреля велась планомерная агитация за стачку, которая должна была начаться 16 апреля. Рабочие Лейпцига обменивались листовками, выпускаемыми спартаковцами, из которых они узнавали о борьбе своих братьев по классу в других частях Германии. Так они узнали, что в Киле 27 и 28 марта бастовало 26 000 рабочих. Только на императорских верфях бастовало 18 000 человек, а за неделю до пасхи число бастовавших доходило до 35 000. В Магдебурге и Брауншвейге, Гамбурге, Нюрнберге и других городах рабочие также боролись за свои права. В другой листовке группа Спартак призывала рабочих самим положить конец массовой бойне, так как правящий класс не заинтересован в мире. «Блестящий почин сделали русские рабочие! Идите и делайте то же самое... Возьмите свою судьбу в свои руки! Сила в ваших руках, если только вы объединены!» [39] Даже солдаты гарнизонов, например, в Дёбельне, принимали участие в агитации за стачку.

И вот пробил этот час. Утром 16 апреля рабочим всех предприятий Лейпцига были вручены летучки, в которых было сказано: «Мы хотим хлеба, свободы, мира! Протестуйте против дальнейшего сокращения пайков. После перерыва на завтрак — все на улицу!» [40]

В полдень 16 апреля 1917 года начальник лейпцигской полиции сообщил саксонскому министерству внутренних дел: «Сегодня в половине девятого утра на лейпцигском машиностроительном заводе имел место массовый отказ от работы» [41]. В течение первой половины дня к забастовке рабочих военной промышленности присоединились рабочие

---

[38] Sächsisches Landeshauptarchiv, Dresden; Akte Ministerium des Innern, Nr. 11071, Blatt 59.

[39] См. Heinz Kamnitzer-Klaus Mammach, Aus Dokumenten zur Vorgeschichte der deutschen Novemberrevolution; «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Berlin, 1953, Heft 5, S. 792.

[40] Ibid., S. 793.

[41] Sächsisches Landeshauptarchiv, Dresden; Akte Ministerium des Innern, Nr. 11071, Blatt 50b.

других отраслей производства — деревообделочники, текстильщики, строительные рабочие, а также рабочие угольной промышленности. Десятки тысяч лейпцигских рабочих потоками устремились к Народному дому, который вскоре был переполнен. На прилегающих улицах вскоре также образовались скопления бастующих рабочих. «Чтобы предупредить вызывающие опасения демонстрации бастующих», руководители Германского союза металлистов велели рабочим собраться после обеда в Брауерейгартене, в Лейпциг-Штеттерице, после того как предварительно было получено на это разрешение полиции. «Полиция благосклонно отнеслась к выбору места для этого собрания, потому что таким образом людей вывели бы из города и сосредоточили всех в одном месте» [42],— доносил начальник полиции Ваглер министерству внутренних дел.

В 15 часов обширное крытое помещение Брауерейгартена было заполнено людьми, люди стояли во всех проходах. Тысячи людей не могли войти и собрались перед зданием. Согласно донесениям осуществлявших наблюдение полицейских чиновников, присутствовало 10 тыс. рабочих. Все время подходили новые группы.

После 45-минутного ожидания собрание открыл Артур Либераш, функционер лейпцигского отделения Германского союза металлистов. Уже из его первых слов стало ясно, что это движение началось против воли руководства профессионального союза. Поскольку рабочие явились утром в Народный дом, говорил он, «у руководства Союза металлистов имелась только одна возможность — предоставить массам случай выразить свои желания». Нынешнее собрание должно-де решить, не следует ли завтра же приступить к работе. Собравшиеся рабочие ответили решительным «нет» [43].

Представитель независимой социал-демократической партии указал на силу, которую представляют объединенные рабочие; в их власти разрешать не только вопросы о брюкве. «Теперь,— продолжал он,— есть способ покончить с войной. Рабочие России показали хороший пример» [44]. Возгласы «Долой войну!», «Мы хотим мира!» свидетельствовали о готовности рабочих бороться за демократический мир. Однако оратор хотел не путем революционной борьбы, а пу-

---

[42] Sächsisches Landeshauptarchiv, Dresden; Akte Ministerium des Innern, Nr. 11071, Blatt 47.

[43] См. Kamnitzer-Mammach, op. cit, S. 794.

[44] Ibid., S. 793.

тем переговоров изменить политическое положение. «Правительство должно заявить, что оно покончит с реакцией и установит в Германии демократию... Можно будет получить право совещательного голоса в ответственных инстанциях».

Оратор предложил послать депутацию рейхсканцлеру, чтобы сообщить ему, что терпение народа иссякло, что нужно снять осадное положение, отменить цензуру и освободить политических заключенных. Раздавшийся вслед за этим возглас «Либкнехт!» показал, что великий борец против милитаризма отнюдь не забыт лейпцигскими рабочими, как того хотелось бы многим «правительственным социалистам». Затем бастующие рабочие приняли резолюцию, которая содержала следующие требования:

«1. Обеспечение населения в достаточной мере дешевым продовольствием и углем.

2. Заявление правительства о готовности заключить мир без аннексий.

3. Отмена осадного положения и цензуры.

4. Отмена ограничений права коалиций, союзов и собраний.

5. Отмена позорных принудительных законов [45].

6. Освобождение арестованных за политические преступления и уменьшение наказания по всем политическим делам.

7. Введение всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права во всех государственных и областных корпорациях».

Депутации, направленной к рейхсканцлеру, давались полномочия заявить от имени собравшихся о дальнейших требованиях, которые вытекали из политической ситуации. Собравшиеся предлагали всем рабочим присоединиться к этой резолюции.

Для более действенной защиты интересов рабочих собрание потребовало выделить представителей от всех профессий, чтобы вместе с представителями металлистов и независимой социал-демократической партией образовать Совет рабочих.

Собравшиеся торжественно обещали не начинать работу раньше, чем правительством будут сделаны удовлетворяющие рабочих уступки [46].

---

[45] Имеется в виду «отечественный закон о трудовой повинности».

[46] Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam; Rep. 30, Tit. 95, Sect. 7, Lit. D, Nr. 3a, vol. 2, Blatt 384.

После того как были выбраны два человека из руководителей профессиональных союзов и один функционер независимой социал-демократической партии для передачи этих требований рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу, Либераш объявил о собраниях, назначенных на следующее утро в Центральном театре, Народном доме, в залах Зоологического сада и в других местах, на которых должно было обсуждаться создавшееся положение. Перед тем как рабочие начали расходиться, он призвал бастующих рабочих «сохранять спокойствие».

На собрании же, происходившем в то же время у входа в Брауерейгартен, один из рабочих призвал к объединенным и решительным действиям. Он говорил, что в то время, как на Востоке зажглось пламя революции, германские рабочие все еще гнут спину под ярмом. «То, что германские рабочие могут дать отпор, сегодня стало очевидным... Во многих больших городах рабочие осознали свою силу и прекратили работу. Пусть каждый действует так же. Сегодняшнее поведение рабочих — это политический акт всемирно-исторического значения. Надо создавать рабочие советы, которые начнут работать в ближайшие дни. Следует позаботиться о том, чтобы эти люди знали, что́ они должны делать» [47].

Но этому-то и старались помешать правые социал-демократы. Перед началом собрания руководители лейпцигских отделений профессиональных союзов были созваны на совещание в военное ведомство для получения инструкций. Здесь им сообщили, что подвоз картофеля в скором времени должен наладиться и что рабочим на крупных предприятиях будет отпускаться горячая пища. За это представители военных властей потребовали, «чтобы руководители профессиональных союзов содействовали возобновлению в четверг [то есть 17 апреля — *К. М.*] работы на заводах». Присутствующие функционеры, конечно, не могли этого гарантировать, но просили «оставить настоящее движение в их руках и не лишать их руководства происходящими событиями». Было дано поручительство в том, что везде будет соблюдаться порядок и что это движение не примет характера анархических беспорядков или мятежа. Они договорились затем, что «за прекращение работы не последует нака-

---

[47] Sächsisches Landeshauptarchiv, Dresden; Akte Ministerium des Innern, Nr. 11071, Blatt 105.

заний и что приказ об отдаче в солдаты в связи с этими событиями не будет издан» [48].

Либераш в конце собрания в Брауерейгартене сказал, что, «несмотря на их бесцельность, переговоры с военным ведомством будут продолжаться» [49]. Правые руководители профессиональных союзов развивали лихорадочную деятельность, чтобы стачку, которая охватила уже всю Саксонию, свести на нет. Их главная задача состояла в том, чтобы в качестве целей стачки пропагандировать экономические требования, а политические оставить без внимания. 17 апреля они заявили Объединенному правлению профсоюзов промышленных предприятий, «что их участие в настоящем совещании ограничивалось исключительно вопросами заработной платы, условий труда и вопросами продовольствия» [50].

Результатом совещания в Объединенном правлении профсоюзов промышленных предприятий была встреча руководителей профсоюзов с предпринимателями, которая закончилась некоторыми незначительными уступками рабочим. Раздувая значение этих уступок и тем самым вводя в заблуждение рабочих, руководителям профсоюзов удалось склонить большую часть бастующих к тому, чтобы начать работу 18 апреля.

Остальное сделало запрещение о выплате пособий бастующим. Не имея денег, рабочие очень скоро будут вынуждены приступить к работе,— ликовал руководитель лейпцигского отделения Союза транспортников Зенгерлауб. «Управление военной промышленностью еще раз искренне советовало организациям не выплачивать пособий бастующим рабочим» [51],— говорилось в донесении военному министерству.

Военные власти, во всяком случае, оценили услуги профсоюзных лидеров в удушении стачки. В одном донесении Управления военной промышленностью в Лейпциге от 24 апреля 1917 года военному министерству в Дрездене мы можем прочитать следующие знаменательные места: «Если удалось заставить бастующих рабочих вновь приступить к работе, то это стало возможным благодаря тому, что должностные лица военного ведомства при крепкой поддержке

---

[48] Sächsisches Landeshauptarchiv, Dresden; Akte Ministerium des Innern, Nr. 11071, Blatt 95.

[49] Ibid., Blatt 101.

[50] «Correspondenzblatt der Generalkommission der Gewerkschaften Deutschlands» vom 17 November, 1917.

[51] См. «Der Ebert-Prozeß und der Verrat an den deutschen Arbeitern», Berlin, 1925, S. 18.

умеренных руководителей рабочей организации перенесли центр тяжести стачки из политической области в экономическую и тем самым обезглавили стачку» [52].

Помимо сотрудничества с социал-шовинистическими предателями рабочих, правящие классы использовали также еще и другие средства, чтобы подавить стачку. Еще 15 апреля многие бастовавшие лейпцигские рабочие были призваны на военную службу вопреки обещаниям, которые военные власти дали руководителям профессиональных союзов; ко всему прочему юнкера и капиталисты делали и приготовления к тому, чтобы потопить стачку в крови рабочих.

В случае если рабочие отважатся последовать примеру русских, правительство готовилось ввести в дело вооруженные силы. Министерство внутренних дел Саксонии 8 апреля отдало секретное распоряжение о подавлении беспорядков. Это обосновывалось тем, что в последнее время под влиянием «политического переворота в России» все увеличивались волнения, поэтому полицейским властям вменялось в обязанность немедленно принять все меры для подавления беспорядков. Областным начальникам было сообщено, что в штабы XII и XIX армейских корпусов, ведавших Саксонией, обратилось министерство внутренних дел с просьбой избегать призыва на военную службу рядовых из жандармерии и полицейских и срочно отпустить рядовых, используемых в немобильных войсках для операций против рабочих. Министр внутренних дел граф Вицтум фон Экштедт отдал приказ о том, чтобы управление каждой общины с помощью участковой жандармерии выделило бы «некоторое число надежных людей», которые «в случае начала беспорядков тотчас оказали бы помощь». Сверх того, каждый жандарм должен был завербовать от трех до пяти человек, которые могли бы следовать за ним на место сбора. Их должны были снабдить оружием и выдать им суточные по 8 марок. Это мероприятие стало необходимым, так как войска не считались уже надежными. «Войска желательно было бы привлекать для подавления беспорядков лишь в крайнем случае, — говорится в распоряжении,— так как солдаты внутренних гарнизонов, по-видимому, являются малонадежным орудием при подавлении волнений» [53].

---

[52] См. «Der Ebert-Prozeß und der Verrat an den deutschen Arbeitern», Berlin, 1925, S. 18.

[53] Kamnitzer-Mammach, op. cit., S. 789—791.

Одновременно министерство внутренних дел обратилось в военное министерство с просьбой содействовать вооружению личного состава этих вспомогательных отрядов, которые по существу представляли собой не что иное, как контрреволюционную гражданскую милицию, «некоторым количеством винтовок и нужным количеством патронов» [54]. Уже через два дня последовало указание артиллерийскому управлению относительно удовлетворения этой просьбы. Кроме того, военные власти решили мобилизовать надежные воинские части и направить их против бастующих. Штаб XII армейского корпуса 11 апреля отдал следующий приказ:

«1. Все находящиеся в запасных воинских частях и в пограничной охране Саксонии жандармские и полицейские чины... должны быть немедленно отпущены в распоряжение их прежнего начальства...

2. Необходимо принять меры к тому, чтобы на следующей неделе, а именно к 15 апреля, во всех пунктах гарнизона находилось бы в готовности значительное число надежных войск.

3. Гарнизонное командование должно поддерживать тесный контакт с местными органами гражданской власти».

Штаб корпуса сообщил министерству внутренних дел в ответ на его просьбу, что «зачисление на службу жандармов и полицейских чинов... не имело места уже в течение месяца». «И в дальнейшем они также будут пользоваться отсрочкой» [55].

Штаб XIX армейского корпуса последовал примеру штаба XII армейского корпуса и уволил в отпуск полицейских чиновников пока что до 20 мая. Представители штабов обоих корпусов встретились 13 апреля, «чтобы в случае возможных крупных беспорядков в Саксонии одновременно принять меры» [56].

Стачка в Берлине

Когда стачка в Саксонии частично уже была подавлена, в Берлин прибыла лейпцигская делегация, чтобы передать рейхсканцлеру свои требования. На заседании, в котором принимали участие статс-секретарь Гельфферих, министр Лебель, генерал Грёнер и правые социал-демократы Шейде-

[54] Sächsisches Landeshauptarchiv, Dresden; Akte Ministerium des Innern, Nr. 11071, Blatt 25b.
[55] Ibid., Blatt 30.
[56] Ibid., Blatt 14.

ман и Бауэр, Гельфферих высказался против приема делегации. «Быть может, следует еще поговорить о продовольственных вопросах, но ни в коем случае не о политических». Шейдеман, наоборот, отважился на более «разумные» действия. «Нужно учитывать общую ситуацию. Если не принять делегацию, то это вызовет раздражение. Что касается политических вопросов, то о них также можно разговаривать с депутацией, не опасаясь последствий» [57]. За то, что при этом все будет «в порядке», пусть будут ответственны «правительственные социалисты». Его предложение, осуществление которого, по его словам, благоприятно бы сказалось на волнениях в Берлине, было отклонено.

В столице Германии 16 апреля объявили забастовку рабочие военной промышленности, деревообделочники и транспортники. После перерыва на завтрак они прекратили работу и вышли на большие площади Берлина. На Спортплац в Гумбольдтгейне собралось более четырех тысяч рабочих. Один из них в краткой речи потребовал улучшения снабжения продовольствием и быстрейшего заключения демократического мира. Два солдата из 4-й и 6-й роты 419 пехотного полка, участвовавшие в демонстрации, чтобы показать свою солидарность с бастующими рабочими и в знак протеста против империалистической войны, сорвали с себя погоны. Чиновники уголовного розыска, которые вели наблюдение за демонстрацией, опасаясь решительно настроенных забастовщиков, не рискнули арестовать солдат. Они поспешили в находившуюся поблизости школу на Греништрассе, где помещалась 7-я маршевая рота из выздоровевших солдат запасного гвардейского стрелкового батальона, чтобы получить подкрепление. Между тем рабочие построились в колонны и шествие направилось по Брунненштрассе, чтобы через Александерплац подойти к парку. На Курфюрстбрюкке их встретил многочисленный отряд полицейских, который сумел разогнать процессию. Только около двухсот рабочих добралось до парка, где они вынуждены были отступить перед вооруженными полицейскими.

В других частях города бастующие рабочие также устроили крупные демонстрации и пытались подойти к центру города, оцепленному усиленными полицейскими отрядами

---

[57] Philipp Scheidemann, Der Zusammenbruch, Berlin, 1921, S. 65.

Из Шенберга шла колонна демонстрантов численностью около трех тысяч человек, которая от Кетенербрюкке была оттеснена к воротам рынка. 10 тыс. бастующих рабочих двигались по Шенхаузераллее к центру города. Рабочие, собравшиеся в Тегеле и Рейникендорфе, чтобы не дать повода для вмешательства полиции, шли небольшими группами по Мюллерштрассе. Лишь за полдня 16 апреля в полицейпрезидиум Берлина поступило более ста телеграмм, в которых чиновники уголовного ведомства и полицейские внешней службы доносили о демонстрациях рабочих.

Вскоре после полудня, несмотря на полицейские заграждения, большое число бастовавших рабочих, а также часть берлинского населения, которая в порядке солидарности присоединилась к рабочим, собрались в парке недалеко от дворца. Однако еще до начала демонстрации прибыли полицейские и воинские части, чтобы оттеснить непрерывно увеличивающуюся толпу демонстрантов за мост через Шпрее и вновь оцепить улицы.

Со стихийной силой вылился протест против правительственной политики голода. Около 13 час. 30 мин. большое число детей пыталось напасть на булочные на Гипсштрассе, Мюнцштрассе и Гросс-Гамбургерштрассе, чтобы хотя бы ненадолго заглушить мучительный голод. Хлеб, который они добыли, они поделили между собой. Скоро на место прибыла полиция, которая, как сказано в донесении полицейпрезидиума, «с шашками наголо» повела наступление против детей. Пятеро юношей было арестовано. Во второй половине дня, примерно в 15 часов, около четырехсот берлинцев устроили демонстрацию на Лейпцигерштрассе под лозунгами: «Мы хотим хлеба!» В кондитерской Гилльбриха на Лейпцигерштрассе они силой добыли себе хлеб. Когда прибыли ненавистные палачи — полицейские, они были встречены градом камней. На Фридрихштрассе и в других частях Берлина население также громило булочные. Полиция жестоко расправлялась с голодающими, и многие из них были арестованы.

На регистрацию в Союз металлистов явились 210 000 рабочих. Но этим число стачечников не исчерпывалось, так как многие были не зарегистрированы, а бастовавшие рабочие других профессиональных союзов вообще не были взяты на учет. Поэтому число бастующих рабочих в Берлине можно считать равным 300 000. На трехстах предприятиях Берлина работа была полностью прекращена. На военном аэро-

дроме в Иоганнистале работа должна была также прекратиться.

Как и в Лейпциге, в Берлине правые лидеры социал-демократии и профессиональных союзов действовали в контакте с правительством против бастующих рабочих. В воскресенье 15 апреля заседало правление Союза металлистов, которое поручило руководителям местных комитетов Берлина «взять руководство движением в свои руки, чтобы оно не выливалось в беспорядочные и «дикие» забастовки, а шло бы по правильному пути» [58]. Следующее свидетельство, дающее ясное представление о сотрудничестве реформистских вождей профессиональных союзов с правительством в деле удушения стачки, мы находим в донесении VII отделения полицейпрезидиума главному имперскому прокурору. «Когда руководители Союза металлистов поняли, что стачечное движение, против которого они боролись, больше нельзя сдерживать, то они взяли руководство стачкой в свои руки, и благодаря их сдерживающему влиянию в сочетании с большими уступками властей рабочим в вопросе о снабжении продовольствием на другой день после начала стачки большинство рабочих решило на следующий же день приступить к работе» [59].

Теперь начали действовать Кёрстен, Коен и Зиринг. Во второй половине дня 16 апреля они вместе с обербургомистром Вермутом и прусским государственным комиссаром по продовольствию Михаэлисом в течение пяти часов обсуждали мероприятия по прекращению стачки. Представители правительства согласились сделать некоторые «уступки» рабочим. Михаэлис обещал обеспечить «выдачу продовольствия по твердо установленным нормам», что означало сохранение существующих до сих пор голодных норм, а затем «козырнул» тем, что признал «комиссию рабочих», которая должна была принять участие в упорядочении снабжения населения продовольствием. Эта комиссия состояла из правых профсоюзных функционеров: в нее вошли Коен, Кёрстен и Зиринг.

В тот же день состоялось собрание в здании профсоюза на Энгельуфер, «которое было разрешено полицией» [60] — вообще же все собрания были запрещены полицией — и на

---

[58] «Vorwärts» vom 18 April, 1917.

[59] Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam; Rep. 30. Tit. 95, Sect. 7, Lit. D, Nr. 3a, vol. 2, Blatt 391.

[60] «Vossische Zeitung», Abendausgabe, vom 16 April, 1917.

котором, как сообщала «Берлинер Берзенцейтунг», «призвали к спокойствию».

На собраниях рабочих, происходивших в первой половине дня 17 апреля, профсоюзные лидеры поддерживали дирекцию концернов, требовавших возобновления работы в вечернюю смену того же дня и окончания стачки. Они высказались также против демонстраций.

Около 12 часов дня перед зданием профессионального союза собралась необозримая толпа бастующих рабочих, чтобы обсудить свои дальнейшие шаги. Вскоре они заполнили оба зала дома союза, дворы и прилегавшие улицы. Только в 17 часов появились руководители профсоюзов. Рабочим объявили, что правительство согласилось гарантировать выдачу продовольствия по установленным нормам, за что несет ответственность государственный комиссар по продовольствию. Профсоюзный функционер, сделавший это сообщение, восхвалял Михаэлиса, называя его «человеком, обладающим социальными и человеческими чувствами». Особенно должна была понравиться бастующим так называемая комиссия рабочих, которая должна была участвовать в разрешении продовольственных вопросов. Вовлечение отдельных рабочих в эту комиссию было нечестным ходом, надуманным профсоюзными лидерами и империалистами. Комиссия призвана была служить защитной стеной, за которой могло бы укрываться правительство, спасающееся от народного гнева, так как положение с продовольствием и в будущем могло ухудшиться. В этом случае у них будет «хороший» аргумент — ведь рабочие сами влияют на положение с продовольствием и сами решают, например, вопрос о том, можно ли увеличить норму выдачи хлеба или нет.

После того как профсоюзное руководство представило в розовом свете учреждение этой комиссии, оно объявило, что «цель стачки достигнута», «уступки, сделанные правительством, зафиксированы письменно и уже в силу этого не являются пустыми обещаниями»[61]. Профсоюзное руководство постановило, чтобы рабочие приступили к работе на следующий день, 18 апреля.

Часть рабочих попалась на удочку правых лидеров профессиональных союзов, которые за свои «заслуги» получили

---

[61] «Berliner Tageblatt und Handelszeitung», Morgenausgabe, vom 18 April, 1917.

публичную похвалу буржуазии,— они-де так хорошо «обучили» рабочих, что те отказались от осуществления своих требований путем активных действий.

Однако многие берлинские рабочие не дали себя обмануть социал-шовинистической фразеологией, разгадали преступную игру профсоюзных руководителей и продолжали борьбу, освободившись от их влияния. Любопытные сведения об отношениях рабочих к профсоюзному руководству имеются в отчете Третьего комиссариата (внешняя служба) VII отделения полицеипрезидиума Берлина от 17 апреля: «успех стачки значительно ослабляет позицию руководителей, что они чувствуют и сами и поэтому стараются... ограничить ее размеры». Все чаще получается так, что «массы не считают нынешних профсоюзных руководителей своими вождями, а рассматривают их исключительно как чиновников. Однако профсоюзным руководителям не хочется лишиться своего влияния, потому они и стараются уменьшить размеры стачки, чтобы тем самым подчеркнуть свою незаменимость в качестве вождей. Рабочие же думают об этом теперь иначе. Они действуют по принципу: «если руководители не за нас, то они против нас»— и, таким образом, полностью игнорируют их как руководителей» [62].

Это нашло свое отражение и в действиях тех рабочих, которые продолжали стачку. Рабочие предприятий военного снаряжения (DWM), находившиеся под влиянием спартаковцев, стояли во главе тех, кто выступал за дальнейшую борьбу. После долгой и ожесточенной дискуссии, в ходе которой было резко осуждено поведение профсоюзного руководства, рабочие, занятые в военной промышленности и на предприятиях военного снаряжения, высказались за продолжение стачки. Они образовали стачечный комитет, в который вошли сторонники спартаковцев Франц Фишер, Бруно Петерс и токарь по металлу Август Кроненталер, и постановили послать рейхсканцлеру делегацию и потребовать выполнения всех пунктов, содержащихся в резолюции лейпцигских рабочих.

В тот же день, 18 апреля, делегация пыталась попасть к рейхсканцлеру, но не была допущена к нему помощником статс-секретаря Ваншаффе на том основании, что это «не принято», рейхсканцлер не может принимать жалобы от

---

[62] Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam; Rep. 30, Tit. 95, Sect. 7, Lit. D, Nr. 3a, vol. 2, Blatt 329—330.

рабочих отдельных предприятий. Руководители же профсоюзов могут быть выслушаны с «благосклонным вниманием».

Бастующие рабочие этим не удовлетворились. На многолюдном собрании в Кроненбрауерей в Альт-Моабите слесарь Флек призывал к продолжению стачки. Рабочие предприятий военного снаряжения (DWM) единодушно голосовали за продолжение стачки. Однако, чтобы помешать этому, главное командование военного округа, к которому относилась столица империи, отдало приказ полицейпрезидиуму Берлина арестовать вождей стачки и тем самым лишить ее руководства. Затем полицейпрезидиум обратился в штаб III корпуса с просьбой немедленно призвать на военную службу Кроненталера и Фишера, что и было сделано 23 апреля. Через два дня Флек также получил извещение о призыве и под военной охраной был доставлен в воинскую часть в Золдин.

Чтобы действовать наверняка, военные власти решили воспользоваться предложением, сделанным правыми социал-демократами и христианскими профсоюзами. А именно, при переговорах, которые вели Август Мюллер (СДПГ) и Адам Штегервальд (христианские профсоюзы) с представителями правительства, они посоветовали «не выпускать узды из рук, а в крайнем случае прибегнуть к милитаризации заводов» [63].

19 апреля по распоряжению рейхсканцлера были поставлены под военный надзор предприятия военного снаряжения (DWM). Правда, Шейдеман за день до того в беседе с рейхсканцлером высказал опасение, что, «вероятно, теперь снова вспыхнут беспорядки» [64]. Это и сделали отважные рабочие военно-промышленных предприятий, которые не хотели отступать. Рабочие Грунерт, Бархфельд и Лейбе вели агитацию за продолжение стачки с понедельника 23 апреля. Но они были скоро «обезврежены» — на них сделал донос полиции враг рабочих некий Курт Сплава Нейман, мелкий предприниматель, который, как сказано в донесении полиции, только из-за «крайней нужды работал в то время на заводе в качестве механика» [65].

Начальник военного надзора завода полковник Фельдман, по мнению военных властей, обладал в достаточной

---

[63] См. «Die Ursachen des Deutschen Zusammenbruchs im Jahre 1918», Sechster Band, Berlin, 1928, S. 181.

[64] Philipp Scheidemann, Der Zusammenbruch, S. 66.

[65] Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam; Rep. 30, Tit. 95, Sect. 7, Lit. D, Nr. 3a, vol. 2, Blatt 339.

мере «социальными чувствами», требуемыми Штегервальдом и Мюллером для выполнения указанных выше функций. После арестов участников стачки он изгнал с завода некоторое число неугодных ему рабочих и запретил еще 19 апреля без его разрешения менять места работы, отлучаться с работы, отказываться от работы или сокращать ее объем. Всякая агитация в пользу стачки подлежит наказанию. Все военнообязанные рабочие, которые до 7 часов утра 21 апреля не возобновят работу, будут с этого времени считаться призванными на военную службу, получать солдатское жалованье и подлежать военным законам. Однако на следующий день на заводы явилось только 75 процентов рабочих. Остальные показали, что они не хотят подчиняться прусскому юнкеру и что никакими мерами их нельзя принудить отказаться от защиты своих требований. Все они были немедленно призваны и откомандированы на фронт.

Кроме классово сознательных рабочих указанных предприятий военного снаряжения, продолжала бастовать часть рабочих заводов боеприпасов в Шпандау, заводов Борзига, Людвига Лёве, заводов АЭГ и еще некоторых более мелких предприятий, требовавшая удовлетворения своих политических требований. Но всюду вмешивалась полиция и арестовывала отважных рабочих. Так, например, был арестован слесарь Шульц, который утром 18 апреля стоял на посту перед концерном Сименса в Шарлоттенбурге, чтобы не допускать штрейкбрехеров к работе.

Рабочие акционерного общества «Кнорр-Бремзе» в Лихтенберге также не дали ввести себя в заблуждение руководителям профессиональных союзов, а шли за представителями спартаковцев, которые призывали к продолжению стачки. 19 апреля, после того как часть берлинских предприятий вновь начала работать, рабочие «Кнорр-Бремзе» собрались в ресторане «Беллвью» в Лихтенберге. После обсуждения, продолжавшегося более пяти часов, бастующие рабочие выставили следующие требования.

«1. Освобождение Либкнехта.

2. Освобождение лиц, находящихся в предварительном заключении.

3. Отмена закона о союзах.

4. Полная свобода политического развития страны.

5. Достаточное питание и обеспечение снабжения продовольствием.

6. Отмена осадного положения.

7. Окончание войны без притязаний на аннексии и компенсации» [66].

Затем было решено «образовать из рабочих каждого большого предприятия так называемый Совет рабочих, который и будет вести переговоры с правительством» [67]. От заводов «Кнорр-Бремзе» в Совет рабочих были выбраны рабочие Шольц, Геккер и Вайзензее.

После опубликования приказа о введении строгих мер наказания завод 23 апреля приступил к работе. Дирекция завода послала донос полицейским властям на указанных трех членов Совета рабочих, вслед за чем последовал немедленный призыв их в армию. Но, принимая во внимание настроение рабочих, это можно было сделать только с большой осторожностью. Полицейпрезидиум доносил главному командованию округа: «Дирекция предприятий «Кнорр-Бремзе» будет удовлетворена и будет приветствовать, если все трое как можно скорее и не привлекая внимания будут удалены с завода» [68]. Но для этого нужен был какой-либо предлог, так как «дирекция акционерного общества «Кнорр-Бремзе» опасается, что призыв Шольца на военную службу вызовет так называемую забастовку солидарности» [69]. Поэтому она просит «привлечь его к ответственности по иному поводу, чтобы не возникло подозрения, что на Шольца донесла дирекция за его подстрекательскую деятельность на заводе» [70]. Таким же образом хотела дирекция освободиться и от других членов Совета рабочих. Все это свидетельствует о том, что предприниматели изрядно боялись рабочих, державшихся очень сплоченно, и, чтобы обезопасить себя от них, должны были прибегать к различным махинациям.

Не только профсоюзные бюрократы, но и «правительственные социалисты» использовали все средства для быстрейшего окончания стачки.

Правда, «Форвертс» должна была признать, что стачка была вполне обоснованной и призвана была разрешить не только продовольственный вопрос.

---

[66] Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam; Rep. 30, Tit. 95, Sect. 7, Lit. D, Nr. 3a, vol. 2, Blatt 465.

[67] Ibid.

[68] Ibid., Blatt 471.

[69] Ibid., Blatt 474.

[70] Ibid.

В передовой статье в номере от 16 апреля газета должна была признать, что русский пролетариат в февральской революции показал великий пример немецким рабочим. «Несомненно, что великие события последних недель, имеющие мировое значение, оказали очень сильное впечатление на население Большого Берлина». Кроме того, решающую роль играло «горячее стремление народа к миру», явившееся одной из причин стачки. Однако уже на следующий день «Форвертс» в своих сообщениях пыталась представить стачку невинной затеей. Так, например, демонстрантов, которые вечером 16 апреля проникли, несмотря на полицейские меры, в парк, она называла просто зрителями, «которые имеют обыкновение смотреть, как разводят караул!»

По поводу отношения к этой стачке правых социал-демократов верные замечания сделал директор библиотеки д-р Фридрих Тимме на мюнхенском процессе о так называемом «ударе кинжалом в спину» в 1925 году. Когда началась апрельская стачка, он имел обстоятельный разговор с «господами от социал-демократии». Они ему разъяснили, что стачка была «явной изменой государству и что священным долгом социал-демократии было затормозить и сорвать ее, и именно так, чтобы, с одной стороны, она не мешала защите отечества, а с другой,— чтобы самый метод, примененный для ее окончания, не испортил бы радостного настроения товарищам по классу» [71].

Но не требуется никаких свидетелей, чтобы разгадать поведение предателей рабочего класса из среды руководителей германской социал-демократии. Они разоблачили себя сами. Надменными словами выразил председатель социал-демократической партии Эберт свое презрение к немецкому рабочему классу в письме, отправленном 1 мая на полевую почту своему сыну Георгу. «Тут [имеется в виду массовая бойня.— *К. М.*] эта бессмысленная стачка, которая происходила в Берлине 14 дней тому назад, не произвела никаких изменений. По правде сказать, ее не следует принимать всерьез. Разумеется, все хотят скорого мира. Но такие выходки глупцов не служат миру... Но, как я уже говорил, стачка позорно провалилась» [72].

---

[71] См. Hans Herzfeld, Die deutsche Sozialdemokratie und die Auflösung der nationalen Einheitsfront im Weltkriege, Leipzig, 1928, S. 317 (Anhang).

[72] Friedrich Ebert, Schriften, Aufzeichnungen, Reden, Bd, I, Dresden, 1926, S. 364.

В одном только лжет Эберт, а именно, в своем утверждении, что стачку не нужно принимать всерьез. Правые социал-демократы воспринимали ее весьма серьезно, так как она ясно доказала, что их влияние на немецкий рабочий класс сильно упало. Правление социал-демократической партии было вынуждено опубликовать 19 апреля резолюцию, в которой оно для видимости присоединялось к требованиям рабочих и приветствовало русскую революцию. Эта резолюция, изобиловавшая неясными и расплывчатыми формулировками, была лишь попыткой восстановить исчезнувшее доверие рабочих к правлению партии. Социал-шовинисты пошли даже дальше и присоединились к призыву Петроградского Совета заключить мир без аннексий и контрибуций. Дела «правительственных социалистов» в последующие месяцы и годы разоблачили их заверения как пустые фразы и лицемерие.

Насколько серьезно воспринимали стачку Эберт и Шейдеман, явствует из беседы Шейдемана с статс-секретарем Циммерманом 22 апреля о так называемой «апрельской резолюции», принятой правлением партии. Во время разговора Шейдеман просил статс-секретаря пойти на некоторые уступки рабочим, благодаря которым он надеялся ввести в заблуждение и успокоить рабочих, в противном случае «в Германии сложится ситуация вроде русской»[73]. Это заявление одновременно является и образцом, со всей ясностью доказывающим «истинность» того «воодушевления», с которым правые социал-демократы в своей «апрельской резолюции» приветствовали русскую революцию.

Апрельская стачка была наиболее массовым из всех бывших до того времени протестов против империалистической войны, милитаризма и господствующих порядков. Под влиянием революционной борьбы русских рабочих и крестьян поднялись немецкие рабочие за осуществление своих политических и экономических требований.

Победа русских пролетариев над царизмом мобилизовала часть немецкого рабочего класса, которая поняла, что теперь, после поворота от «империалистской войны к империалистскому миру»[74], в мировой политике вместо империалистического мира с контрибуциями нужно добиваться всеобщего и демократического мира. В апрельской

---

[73] Philipp Scheidemann, Der Zusammenbruch, S. 120.
[74] В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 167.

стачке, в которой протест против империалистической внешней политики слился с протестом против кайзеровской политики милитаризации и голода, немецкие рабочие еще не ставили себе цели свержения господствующих классов, они пока что требовали только отмены всех ограничений буржуазно-парламентских свобод и прекращения войны.

Чтобы добиться этой цели, они образовали по русскому образцу Совет рабочих, который, правда, не развернул активных действий, так как в Германии не было такой партии, как большевистская партия, которая могла бы превратить Совет рабочих в ударную силу, призванную осуществить требования рабочих.

Стачка не была успешной, так как рабочие еще не вполне разобрались в изменнической политике правых социал-демократов среди партийного и профсоюзного руководства и двурушническом поведении центристов.

Оппортунистам, сотрудничавшим с военными властями, отменившим выплату стачечного пособия, одобрившим призыв бастующих рабочих в армию и согласившимся на милитаризацию заводов, удалось выдвинуть на передний план экономические требования и отодвинуть на задний план политические мотивы, успокоить рабочих при помощи переговоров с капиталистами и создать видимость того, что правительство сделает все возможное для осуществления требований рабочих.

Многие рабочие дали себя обмануть видимостью уступок и прекратили стачку. Однако революционная часть пролетариата под руководством группы Спартак продолжала борьбу, но она была слишком слаба, чтобы добиться решающих успехов.

Несмотря на это, апрельская стачка явилась ударом по правящим классам, она им ясно показала, какую опасность для сохранения ими господствующих позиций представляют собой выступления рабочего класса.

Мероприятия правительства для предотвращения дальнейших стачек

Господствующие классы были встревожены и напуганы стачкой. Они развернули чрезвычайно активную деятельность, чтобы предотвратить подобные явления в будущем. Гинденбург использовал стачку в качестве предлога для развертывания агитационной кампании. В письме началь-

нику военного ведомства генералу Грёнеру он просил «позаботиться о том, чтобы всеми средствами способствовать значительному увеличению производства оружия и боеприпасов, в особенности же следует вести необходимую агитацию среди рабочих важнейших военно-промышленных предприятий, что мне представляется первым условием для достижения наших великих целей» [75].

Грёнер тотчас же составил провокационное воззвание, в котором он называл бастующих рабочих «негодяями» и призывал «классово сознательных рабочих» делать на них доносы. «Работать и еще раз работать до счастливого окончания войны»,— требовал Грёнер [76], а это означало дальнейшее пассивное подчинение господству империалистов, дальнейшее истребление сотен тысяч рабочих ради интересов правящих классов.

Кроме того, Грёнер переслал письмо Гинденбурга Генеральной комиссии и еще раз указал руководителям профессиональных союзов на их «естественный долг». «Нет особой необходимости указывать,— говорилось в сопроводительной записке,— что задачей первостепенной важности для избранных представителей рабочих будет упоминаемая главнокомандующим агитация, которую нужно организовать в широких масштабах и неуклонно проводить». Грёнер вновь подчеркнул необходимость тесного с ним сотрудничества для руководителей профессиональных союзов. Важнейшим условием возможности для отечества продержаться до конца в экономическом отношении является безоговорочное сотрудничество рабочих организаций с военным министерством, уже нашедшее свое особенное выражение в издании отечественного закона о трудовой повинности» [77].

Профсоюзы с низким поклоном поспешили ответить: «Благодарим Ваше превосходительство за пересылку письма господина главнокомандующего фон Гинденбурга. С основными мыслями изложенного мы полностью согласны. Прекращения работы в настоящее время нужно избегать; сохранение и безопасность государства стоят на первом месте» [78]. Таким образом, продажные лидеры профсоюзов

---

[75] «Correspondenzblatt...» vom 28 April, 1917.

[76] См. Richard Müller, Vom Kaiserreich zur Republik, Bd. I, Wien, 1924, S. 85.

[77] «Correspondenzblatt...» vom 28 April, 1917.

[78] «Vorwärts» vom 27 April, 1917.

снова во всеуслышание подтвердили свою зависимость от империалистов, совершенно определенно высказались за поддержку капиталистического строя и аннексионистских планов представителей германской тяжелой индустрии.

«Правительственные социалисты» были, разумеется, согласны с этими высказываниями. «Содержание и общее направление этого воззвания полностью соответствуют нашим взглядам, неоднократно высказывавшимся нами»,— комментировал воззвание 27 апреля их орган «Форвертс».

Когда Грёнер на 86 сессии прусского сейма 25 апреля раздраженно закричал: «Я требую прекратить стачку! Никаких стачек больше не будет, мы будем действовать беспощадно в отношении подстрекателей»,— и потребовал, чтобы рабочие «неукоснительно вплоть до благоприятного конца войны воздерживались от всяких стачек» [79], то вместе с представителями буржуазии криками «браво» его приветствовали также и продажные депутаты социал-демократии. Правый социал-демократ Давидсон заявил даже, что Грёнера «вполне можно понять».

Однако уже 21 апреля на совещании в военном министерстве совместно с представителями высшего командования флота, министерства внутренних дел, главного командования округа, министерства юстиции и других правительственных учреждений Грёнер должен был признать, что все громкие декларации и угрозы очень мало действуют на рабочих. «Резкие выпады, в которых бастующим указывают на уголовную наказуемость их действий, неуместны, потому что нельзя одновременно возбудить преследования в отношении тысяч рабочих. Поэтому нужно всегда ограничиваться применением строгих мер в отношении зачинщиков, а массы надо образумить путем искусных переговоров, с помощью влияния прессы и т. д.» [80]

24 апреля представители печати на одной из ежедневных конференций, на которых они должны были получать приказы верховного командования и правительства, получили указание не допускать никаких упоминаний о мире без аннексий и контрибуций, которого требовали рабочие. «Это ходячее выражение «мир без аннексий» создает у Антанты впечатление о нашей слабости и отодвигает заключе-

---

[79] «Vorwärts» vom 27 April, 1917.

[80] Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam; Rep. 30, Tit. 95, Sect. 7, Lit. D, Nr. 3a, vol. 2, Blatt 2/3.

ние мира в далекое будущее. Нам нужны солидные вознаграждения за убытки, чтобы обеспечить наше существование» [81].

Чтобы усилить контрпропаганду, военное министерство связалось с церковным ведомством и обратило его внимание на опасность, которая угрожает имеющим «столетнюю давность взаимоотношениям между династией и народом». Военное министерство предложило «для укрепления монархического образа мыслей привлечь школу и церковь». Необходимо «во изменение учебного плана в школах второй ступени или соответствующих классах всех школ при преподавании истории обращать исключительное внимание на германскую историю, особо добиваясь создания соответствующего образа мыслей». «Наряду с упоминаниями при случае о заслугах династии Гогенцоллернов и значении сильной монархии ученикам нужно разъяснять на основе материалов новой и новейшей истории значение наших государственных и социальных достижений и прежде всего значение их для трудящихся классов в связи с экономическими успехами последнего времени и участием, которое принимал во всем этом его величество кайзер» [82].

Первое мая 1917 года

Лейпцигские рабочие сделали из факта измены профсоюзных лидеров необходимые выводы. Рабочие-металлисты 22 апреля вынесли решение о выходе из лейпцигского объединения профсоюзов. Несколькими неделями позже за ними последовали рабочие табачной промышленности, обосновав свой выход тем, что они не хотят «иметь ничего общего» с социал-шовинистами [83].

В это же время вышли из объединения в качестве протеста против его социал-шовинистской политики также асфальтировщики и кровельщики. Через несколько дней за ними последовали торговые служащие, медники, портные, укладчики камня, мотивируя свой выход тем, что комитет объединения принимал участие «в политике правительственных социалистов». После переговоров, которые вела Гене-

---

[81] См. Kurt Mühsam, Wie wir belogen wurden, München, 1918, S. 96.

[82] См. Ernst v. Wrisberg, Der Weg zur Revolution 1914—1918, Leipzig — Berlin, 1921, S. 53.

[83] См. «Correspondenzblatt...» vom 17 November, 1917.

ральная комиссия с правлениями вышедших из объединения профсоюзов, руководители последних выразили готовность снова вступить в объединение, если «комиссионеры» объединения уйдут в отставку и их функции будут переданы новым лицам. Чтобы получить некоторые новые «посты», они были готовы вновь продавать интересы рабочих. Однако рабочие разгадали эти закулисные переговоры и воспрепятствовали обратному вступлению в объединение, решенному их руководством.

Группа Спартак также мобилизовала берлинских рабочих на сопротивление политике правых лидеров профсоюзов. В одной из листовок, распространяемых спартаковцами на крупных предприятиях, говорилось: «Коен и Зиринг в тайных соглашениях с правительством решили с самого начала повернуть дело так, чтобы прибрать движение к своим рукам и завести его в тупик... Товарищи! Извлечем из этого урок!Не позволим снова втереться в качестве вождей людям, которые издеваются над нами и пренебрегают нашими интересами, а выберем товарищей, которые бесстрашно будут выступать за нас» [84]. В этом случае и требования рабочих могли бы осуществиться. Борьба под лозунгом «Хлеба, свободы и мира!», в которой русские рабочие и крестьяне достигли успеха, должна быть продолжена.

И борьба продолжалась. 24 апреля в «залах для собраний» собралось около трехсот рабочих, чтобы демонстративно выступить за заключение демократического мира, предложенного русскими рабочими. На Рейхенбергерштрассе они встретили 120 берлинцев, а на Веберштрассе еще 200 человек, выступивших с такими же требованиями. На следующий день 250 трудящихся устроили демонстрацию на Вальдемарштрассе под лозунгами немедленного окончания войны и улучшения продовольственного положения. Полиция разгоняла все образующиеся скопления народа.

На последней неделе перед 1 Мая усилилась агитация за проведение всеобщей стачки в день международного пролетариата. В листовках группы Спартак, например, призывались к усиленной борьбе против войны рабочие предприятий Акционерного об-ва по изготовлению самолетов на Рогницштрассе. В них говорилось, что, так как империалисты не хотят мира, а добиваются лишь осуществления своих захват-

---

[84] Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam; Rep. 30, Tit. 95, Sect. 7, Lit. D, Nr. 3a, vol. 2, Blatt 234.

нических планов, «неотложной задачей немецких рабочих является — точно так же, как это делают сейчас наши русские братья,— добиваться мира, и именно мира, отвечающего интересам международного пролетариата». Апрельская стачка — «славная страница, ставшая рубежом в истории немецкого социалистического пролетариата»,— явилась хорошим началом революционной борьбы против империалистической войны. За первым «массовым выступлением германского рабочего класса, осознавшего свои классовые интересы», должно последовать второе. «Рабочие! Готовьтесь к 1 Мая! В этот день работа на заводах и фабриках должна быть полностью остановлена! На борьбу за мир, свободу, хлеб!.. Долой войну! Долой правительство!» [85]

Усилилась также и устная агитация. Так, на предприятиях фирмы «Ц. Лоренц», изготовлявших трубки к снарядам и радиооборудование, токари по металлу Рейтер и Фишер призывали своих товарищей к забастовке в день 1 Мая.

Правительство приняло все меры к тому, чтобы немедленно подавить выступления рабочих. Еще в начале апреля министерство иностранных дел в Берлине предупреждало министерство внутренних дел о возможном возобновлении волнений среди рабочих по примеру русского пролетариата. «Различные симптомы указывают на то, что события в России приведут к попыткам побудить германскую социал-демократию к демонстрациям против войны и к антимонархическим выступлениям... Одно из имеющихся у нас сообщений уже говорит о том, что существует намерение провести 1 мая всеобщую стачку во всех странах Европы, участвующих в войне» [86].

На запрос министерства внутренних дел полицейпрезидиум Берлина сообщил 25 апреля, что о всеобщей стачке, назначенной на 1 Мая, им пока ничего не известно. «Но в нынешние неспокойные времена не исключено, что рабочие, действуя через головы своих вождей, не явятся в этот день на работу» [87].

В тот же день рейхсканцлер в специальном указе предостерегал рабочих, чтобы они не следовали обращенным к ним призывам о забастовке. Он напоминал им о «чувстве

---

[85] Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam; Rep. 30, Tit. 95, Sect. 7, Lit. D, Nr. 3a, vol. 2, Blatt 201.
[86] Ibid., Blatt 5.
[87] Ibid., Blatt 7.

Долга по отношению к отечеству» и призывал их проявить «здоровый дух товарищества» и «в согласии с руководством ваших благонадежных профессиональных организаций», то есть с правыми профсоюзными вождями, неутомимо производить оружие. Если же кто-нибудь будет все же бастовать, то тем поставит себя вне «коллектива» и «будет наказан со всей строгостью закона» [88].

Правые социал-демократы держались такой же точки зрения, что и Бетман-Гольвег. Вместе с Генеральной комиссией они 27 апреля выпустили воззвание, в котором утверждали, что «день, который рабочий класс всех стран наметил для совместных демонстраций по охране труда, в защиту народной свободы и мира», не должен использоваться во время войны для борьбы за права рабочих и для демонстраций против войны, потому что сейчас нужно производить оружие. «Поэтому немецкие рабочие в этом году, как и в оба предшествовавших года, должны отказаться от прекращения работы». Даже вожди независимой социал-демократической партии, например Ледебур, сняли с себя «всякую ответственность за линию поведения, о которой говорилось в листовках...» Эберт и Шейдеман указывали в воззвании на великую борьбу и успехи русского пролетариата с тем, чтобы ввести рабочих в заблуждение, а затем утверждали, что мир будет заключен и без борьбы за него немецкого пролетариата. Так как русский рабочий класс хочет «воспользоваться своей властью для дела мира, то мы можем ожидать, что мир победит»,— а немецкие рабочие тем временем должны были по воле правых социал-демократических предателей изготовлять орудия уничтожения [89].

Центральное правление Союза металлистов особенно настойчиво усовещивало тех членов союза, которые были известны среди рабочих как последовательные борцы. Они должны выполнить свой долг, «даже если положение еще ухудшится!» Они не должны для завоевания «мира, свободы и хлеба» самостоятельно начинать стачку, а должны держаться линии профсоюзного руководства, которое и впредь будет верно защищать ваши интересы!» Всеобщая стачка «уже по самой своей природе не может принести ни всеми нами желаемого мира, ни облегчения продовольственных затруднений». По существу, к стачке-де нужно обращаться

---

[88] «Vorwärts» vom 26 April, 1917.
[89] См. «Correspondenzblatt...» vom 5 Mai, 1917.

лишь тогда, «когда все попытки полюбовного соглашения потерпели неудачу», чего, имея в виду опытность в этих делах профсоюзных руководителей, нельзя ожидать.

Видные представители независимой социал-демократической партии, как например Ледебур, были против прекращения работы 1 Мая, как мы уже видели из воззвания центрального правления СДПГ. Гаазе снова предал интересы рабочих. Генерал Грёнер пригласил его к себе в один из дней апреля для «разговора с глазу на глаз», во время которого Грёнер разъяснил ему необходимость увеличить производство военных материалов и высказал свою решимость, в случае «если со стачками не будет окончательно кончено, пустить в ход для борьбы со стачками во время войны все имеющиеся у государства средства, включая применение оружия и арест всех лиц, которых он найдет нужным...» Следствием этого разговора было то, что депутат Гаазе клятвенно ему обещал, что 1 Мая стачки не будет. Он позаботится о том, чтобы ни при каких обстоятельствах стачка не началась. Однако, чтобы можно было и впредь обманывать рабочих, скрывать возможно дольше ту преступную роль, которую он играл, и сохранять революционную видимость, Гаазе просил генерала Грёнера «не разглашать их разговора и данного им обещания, потому что иначе он будет скомпрометирован в рядах своей партии» [90].

Этот сговор является примером того, как «революционные вожди» независимой социал-демократической партии в действительности защищали интересы немецких рабочих, о которых они бесконечно много болтали на конференциях и партейтагах, и как они без всякого стеснения блокировались с самыми злейшими классовыми врагами рабочих.

Для господствующих классов клятвы «рабочих вождей» не являлись достаточной гарантией того, что революционные выступления германского пролетариата прекратятся. Об этом свидетельствуют дальнейшие меры, которые были приняты за несколько дней до 1 Мая.

28 апреля главное командование округа опубликовало в газетах и распорядилось расклеить на стенах домов объявление, в котором было обещано «вознаграждение» в размере 3000 марок за донос на сограждан, которые высказывались за стачку или были несогласны с политикой правящих классов.

---

[90] См. Hans Herzfeld, Die deutsche Sozialdemokratie... S. 352.

Днем позднее главное командование округа известило берлинского полицейпрезидента, что инспекция авиационных частей просит 1 мая «выделить патрули уголовной полиции для охраны желающих работать на пути к месту работы в Иоганнистале, в особенности на вокзалах городского и пригородного сообщения». «Главное командование округа просит действовать в соответствии с этим ходатайством и одновременно сообщает, что вокзалы Нидершёневейде и Адлерсгоф 1 мая будут заняты войсками» [91].

Полицейпрезидиум сделал соответствующие приготовления и отдал приказ об охране полицейскими вокзалов от Александерплатц до Грюнау, а 30 апреля с 14 до 21 часа и 1 мая с 6 до 20 часов должны были особенно охраняться следующие объекты: вокзалы Иоганнисталь, Адлерсгоф, Вицлебен, Гезундбруннен, Штеттинский вокзал (ныне Северный вокзал), вокзалы Тегель, Геннигсдорф, Герлицкий вокзал и особо — Рейникендорф. Кроме того, с 12 часов 30 апреля до 22 часов 1 мая на вокзалах Кёнигс Вустергаузен и Геннигсдорф для подкрепления уголовной полиции были выставлены караулы в составе одного унтер-офицера и 12 рядовых. Авиационные заводы по распоряжению полицейпрезидиума были оцеплены уголовной полицией. Полиция и войска находились 1 мая в полной боевой готовности. Задачей военных частей и полицейских было «захватывать стачечные посты и арестовывать агентов», а также охранять «желающих работать».

Утром 1 мая на Софиенштрассе у дома № 17/18 собралось около 600 берлинцев для участия в демонстрации, которые тотчас же были разогнаны полицией. Около 500 участников демонстрации построились в колонны и направились по направлению к Гакешер Маркт. У Нового рынка они были рассеяны полицией. На некоторых более мелких предприятиях рабочие прекратили работу и отправились со своими семьями за город. Служащие потребительского общества закончили дела после обеда и собрались вместе, чтобы отпраздновать этот день.

Пример бесстрашной революционной борьбы против империалистов показала молодежь Дрездена, призвавшая к майской демонстрации. В Потшаппеле, близ Дрездена, 1 мая собралось около двухсот молодых работниц и рабочих, чтобы

---

[91] Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam, Rep. 30, Tit. 95, Sect 7, Lit. D, Nr. 5a, vol. 2, Blatt 239.

двинуться шествием по Тарандтерштрассе в направлении Дёлена и Дейбена. Когда к ним приблизилась полиция, они запели «Интернационал» и, не обращая внимания на окрики полицейских «назад!» и «разойдись!», в рупоры стали призывать юношей 1899 года рождения не являться на призывные пункты. Перед Ротен Шенке в Дёлене они столкнулись с полицией, которая произвела многочисленные аресты.

Толпа, увеличившаяся еще более чем на четыреста рабочих, подошла к зданию жандармерии и потребовала освобождения арестованных. Собравшиеся не двинулись с места, несмотря на требования полиции и ее угрозы применить оружие, рабочие пели песни и выкрикивали лозунги «Долой войну!», «Дайте нам хлеба!» Полиция была вынуждена отпустить арестованных допризывников, которые были встречены их товарищами возгласами «ура» в честь Интернационала и Карла Либкнехта. С боевыми рабочими песнями демонстранты подошли к Парку общества естественных методов лечения в Дейбене, где молодые рабочие произносили краткие речи, направленные против войны и кайзеровско-империалистического правительства. «Для принятия дальнейших мер имевшийся в наличии отряд жандармерии был слишком мал», — сообщал инспектор жандармерии в Потшаппеле в своем донесении областному начальству в Дрезден [92].

Часть рабочих под страхом призыва на военную службу и снижения заработной платы не решилась прекратить 1 мая работу. В качестве фактора, который не следует недооценивать, к этому нужно присоединить еще и то, что наиболее революционные и сознательные рабочие были после апрельской стачки отправлены на фронт и, таким образом, лучшие агитаторы и организаторы в приготовлениях к 1 мая не участвовали. Тем более высоко следует оценить демонстрации и стачки, проведенные передовыми рабочими. Все демонстрации были, конечно, проведены против воли правых руководителей партии и профсоюзов. Эти демонстрации явились доказательством мужества и растущей классовой сознательности рабочих.

---

[92] Sächsisches Landeshauptarchiv, Dresden; Akte des Ministeriums, des Innern, Nr. 11072, Blatt 7.

Подъём революционного движения среди германского рабочего класса

Из одного документа главного командования округа, относящегося к началу мая, явствует, что среди берлинских рабочих укрепилось сознание того, что только революционная борьба может улучшить положение пролетариата. «Положение на предприятиях фирмы «Лоренц» точно такое же, как и на других крупных предприятиях Берлина», — говорилось в нем. «Радикально настроенные рабочие взяли верх и стараются подчинить себе благонамеренных рабочих» [93].

Это подчеркивается и в отчете внешней службы VII отделения берлинского полицейпрезидиума, где говорится: «Дирекция, а также заводское управление [концерна «Лоренц». — *К. М.*] опасаются, что, как только возвращенные с фронта и забронированные за предприятиями рабочие будут призваны на действительную службу прежде, чем истечет срок их брони, остальные рабочие объявят забастовку, отчего фирма, а также и административно-хозяйственное управление армии понесут большие убытки» [94].

О росте революционного движения среди рабочего класса начиная с апреля 1917 года и его развитии под влиянием достойного подражания примера борьбы русских рабочих и крестьян также свидетельствует та деятельность, которую развернули империалисты для сохранения своего господства. 2 мая 1917 года военное управление печати обратилось в министерство внутренних дел с письмом за № 13808, ф. IV, подписанным Штоттеном, в котором говорится: «Затянувшаяся война, тяжелые материальные и людские потери, острая нужда в продовольствии, а также влияние революционных событий в России привели к тому, что жажда мира у части населения стала настолько сильной, что, безусловно, необходимы энергичные меры, чтобы такие события, как например стачка рабочих военной промышленности, вызванная снижением хлебного пайка, не могли серьезно помешать продолжению войны или поставить под вопрос результаты всей войны» [95].

---

[93] Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam; Rep. 30, Tit. 95, Sect. 7, Lit. D, Nr. 3a, vol. 2, Blatt 414.

[94] Ibid., Blatt 413.

[95] Deutsches Zentralarchiv, Potsdam; Akte Reichsamt des Innern, Nr. 12490, Blatt 229.

По инициативе военного управления печати 18 мая состоялось заседание с обсуждением «целей войны, вопросов мира, новой ориентации и положения рабочих», в котором участвовали представители рейхсканцелярии, отдела информации министерства иностранных дел, имперского министерства внутренних дел, военного ведомства и отдела информации военного министерства. Обсуждались главным образом «директивы военного управления печати по отдельным важнейшим для данного времени вопросам». По пункту 3 (рабочий вопрос) было сказано: «цензура должна устранять всеми средствами всякие высказывания, которые могут вызвать новые забастовки». Чтобы ввести рабочих в заблуждение, нужно было все время ссылаться на то, что «в Германии в первую очередь должны соблюдаться интересы ведения войны, однако без излишних посягательств на личную свободу населения, так что последнее действовало бы безответственно, если бы злоупотребило гарантированной ему свободой». Абсурдность этого утверждения рабочие могли бы доказать одним только фактом существования принудительного «отечественного закона о трудовой повинности». Это заявление было направлено на то, чтобы «выбить у них почву для будущих стачек», причем «о самих стачках следовало говорить как можно меньше»[96]. Особенное же влияние старались оказать на жен рабочих. Правда, один сотрудник военного управления печати должен был сознаться, что ему «до сих пор еще не посчастливилось повлиять на жен рабочих» [97].

25 мая на заседании в военном министерстве под председательством начальника общего военного департамента Вризберга были разработаны решительные меры. Чтобы держать рабочих «в страхе перед хозяевами», как выразился этот юнкер, нужно противодействовать их «анархической возне со всей твердостью, строгостью и со всеми вытекающими отсюда последствиями». «Монархические партии» должны «при активной поддержке правительства получить возможность применить на деле свои убеждения» [98].

Было решено провести «исчерпывающую и эффективную кампанию в печати» с целью отвлечения рабочих от революционной борьбы. «Все влиятельные лица различных партий-

---

[96] Deutsches Zentralarchiv, Potsdam; Akte Reichsamt des Innern, Nr. 12490, Blatt 108—109.

[97] Ibid., Blatt 104.

[98] Ernst v. Wrisberg, Der Weg zur Revolution 1914—1918, S. 55.

ных оттенков» должны быть привлечены «для написания соответствующих статей и чтения докладов в городе и деревне». Внутренняя политика, в задачу которой входит «подавление этих антимонархических устремлений, должна поставить определенные твердые границы: «до сих пор, и не дальше». Церковь и школа также должны включиться в эту кампанию. «Учителя или другие подходящие люди, например раненые офицеры, должны в популярной форме делать выдержанные в монархическом духе доклады, в особенности для молодежи; лучше если это будет происходить не в учебное время, а вечером, в несколько более торжественной обстановке (при соответствующем освещении, в присутствии родителей)». При «обмене военнопленными нужно проявлять особенную бдительность — не имеется ли у них антигосударственных взглядов или такого же рода сочинений». Должны быть также поставлены под наблюдение госпитали и медсестры, которые могут оказывать влияние на раненых. «Для поднятия духа населения» короне было предложено использовать «широкое присуждение орденов». «Кайзер должен продемонстрировать в особенно наглядных формах свое сочувствие и рабочим путем посещения крупных предприятий, раздачи наград работодателям и, по согласованию с военными властями, также рабочим, включая и женщин, а также путем учреждения домов отдыха для рабочих военной промышленности или временного предоставления под них королевских зданий». В печати должны помещаться сообщения и иллюстрации «о направленной на неуклонное выполнение своего долга деятельности монарха и членов царствующего дома, о их простоте, образе их жизни, их стараниях, направленных на одержание победы над врагом, и т. д.» [99]

Не только печать и кайзеровские пошлости должны были успокоить революционно настроенных рабочих. В «мудром» предвидении, что все это не окажет на рабочий класс должного воздействия, господствующие классы предприняли еще особые оборонные мероприятия. 20 июня прусское военное министерство отдало распоряжение о том, что военнопленные должны содержаться под особо строгой охраной. Под этим предлогом военные власти оттянули с фронта отряды кавалерии. Истинную же цель нахождения фронтовых

---

[99] «Die Ursachen des Deutschen Zusammenbruchs im Jahre 1918», Fünfter Band, S. 130—132.

частей в тылу раскрыла «инструкция патрулям по предупреждению саботажа», которая была направлена министерству внутренних дел вместе с секретной запиской военного министерства, в которой сообщалось о согласии начальника генерального штаба действующей армии на то, чтобы «кавалерийские патрули были отведены с фронта в глубокий тыл» [100].

По этой инструкции в задачу патрулей входило наблюдение за пленными, устранение «эксцессов» с их стороны и попыток к бегству, затем, во время восстаний пленных, направленных против жестокого с ними обращения, патрули не должны были допускать поддержки восстаний со стороны рабочих. Затем далее — и это было самое главное — эти подразделения должны были охранять «промышленные предприятия, транспортные сооружения (железнодорожные пути, дороги, каналы, телеграфные линии и т. д.) от повреждений и разрушений», что означало жестокое подавление революционных выступлений пролетариата, «обезвреживание» рабочего класса.

В такое время, когда каждый способный носить оружие был отправлен на фронт, когда на всех фронтах сильно ощущалась нехватка солдат, правительство оттягивало с фронта войска, чтобы направить их против своих рабочих, если они перейдут к революционным действиям. На основании этих мероприятий можно сделать далеко идущие выводы о положении внутри страны.

Приготовления империалистов со всей определенностью свидетельствуют об их большом страхе перед немецким рабочим классом и перед его объединенными и мощными выступлениями. Они являются ярким свидетельством того, что положение тех, кто получал прибыли от войны, и их прислужников в министерских креслах начало колебаться, а также доказательством растущей силы немецкого пролетариата.

Большой поддержкой борьбы рабочих и новым тяжелым ударом по империалистам явилось июньское восстание во флоте, о котором здесь следует вкратце упомянуть.

Германский флот в открытом море почти бездействовал из-за превосходства английского флота. Матросы, пользуясь свободным временем, установили связь с рабочими

---

[100] Deutsches Zentralarchiv, Potsdam; Akte Reichsamt des Innern, Nr. 12508.

крупных карабельных верфей. Постепенно среди матросов развернулось широкое политическое движение, которое вскоре охватило большое число кораблей. Руководили этим антивоенным движением матросы Макс Рейхпич, Альбин Кёбис, кочегар Заксе и старший матрос Вебер, которые установили контакт с представителями независимой социал-демократической партии и поддерживали с ними постоянную связь.

6 июня на линейном корабле «Принц-регент Леопольд» вспыхнул голодный бунт, команды других судов последовали его примеру. Первым шагом к созданию матросских советов по русскому образцу были продовольственные комиссии, которые были образованы под давлением команд и действовали как связующие звенья между отдельными кораблями.

После того как в середине июня революционные матросы подписали декларацию о демократическом мире, команда корабля «Принц-регент Леопольд», невзирая на запрещение отпусков, которое было введено, чтобы прервать связи между матросами и рабочими, отправилась на берег и решила бороться до тех пор, пока их служба вообще не будет упразднена после завоевания свободы. Кроме того, они высказались за провозглашение солидарности с русскими моряками.

По их возвращении на борт командующий эскадрой отдал приказ выйти в море, чтобы тем изолировать команду и затем предать ее военному суду. Центральное руководство революционных матросов решило поднять восстание всей эскадры, если в течение трех дней в Вильгельмсхафене не будет получено известий с «Принца-регента Леопольда». Когда радиограмма с корабля передала известие об аресте матросов, среди команд кораблей, находящихся в Вильгельмсхафене, началось восстание.

Высшему командованию флота удалось разгромить центральное руководство восстанием, так как у одного из руководителей при аресте был найден список других лиц, ответственных за восстание. Целый ряд революционных матросов был арестован. Пятьдесят из них были приговорены в общей сложности к четыремстам годам тюрьмы, Рейхпич и Кёбис были расстреляны 5 сентября 1917 года на полигоне Ван близ Кельна, куда их доставили, опасаясь восстания на всем побережье. Этот приговор стал известен флоту, находившемуся в открытом море, только 9 сентября.

Ответственность за подавление восстания против империалистической войны несут также центристы, которые способствовали возникновению движения среди матросов, но от вступления их в независимую социал-демократическую партию они, однако, предостерегали, считая это опасным или ненужным делом. Они боялись, что матросы будут принуждать их к активным выступлениям, которые были им не по душе, в результате чего могла быть разоблачена их двурушническая игра. Дитман, один из вождей независимых, подтвердил это, заявив, что нажим масс был для них нежелателен.

Тем не менее центристы все время подстрекали матросов к выступлениям, чтобы придать себе видимость революционных вождей, не оказывая им в то же время действительной помощи. Когда матросы хотели начать восстание, центристы отступили и стали призывать к осторожности. Местные отделения правления независимой социал-демократической партии в Киле и Вильгельмсхафене предостерегали от открытых выступлений и рекомендовали «пассивное сопротивление».

После подавления восстания центристы заявили в рейхстаге, что они никогда не давали своего согласия на бунт или применение силы. Социал-демократы, партия центра и прогрессивная народная партия поддержали руководство независимой социал-демократической партии и отразили все нападки крайне правых на центристов. Тем самым было приостановлено революционизирование, которое стало намечаться в рядах независимых в связи с приговорами над вождями восстания, и был расчищен путь к будущему сотрудничеству между центристами и правыми социал-демократами.

Борьба матросов океанского флота дала новый импульс революционному движению рабочих. Это очень хорошо поняли также агенты монополистов из центрального правления СДПГ. Уже 28 июня они обратились с письмом к рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу, в котором они напоминали о всех своих заслугах. Они ведь в течение ряда лет «сделали все, чтобы население в тылу могло устоять, и всеми силами содействовали обороне страны. Но мы не можем скрывать, что силы нашего народа подходят к концу... Если трудности все будут расти и не будут произведены радикальные изменения, чтобы предотвратить катастрофу, то мы идем навстречу огромной опасности. В настоящее время имеется

только один выход, могущий предотвратить еще большее несчастье».

Эберт, Шейдеман, Давид, Браун и им подобные совершили новое предательство дела рабочего класса, когда они предложили имперскому рейхсканцлеру, дабы успокоить народные массы, поддержать требование русских Советов рабочих и солдатских депутатов о мире без аннексий и контрибуций. Влияние выдержанного в таком духе заявления правительства на «массы нашего народа, жаждущего мира, будет исключительно благоприятным. Таким образом, укрепится уверенность в том, что мы ведем войну не ради захватов, а исключительно ради защиты наших жизненных прав и что с нашей стороны нет никаких препятствий к установлению соглашения о быстрейшем заключении мира, и если, несмотря на это, мира все еще нет, то вина за это лежит исключительно на наших противниках» [101].

Так хотели они обмануть народ и поддержать буржуазию в осуществлении ее империалистических захватнических планов.

Карл Либкнехт совершенно правильно оценил эту «мирную пропаганду», назвав ее «пустословием, наобум брошенными лицемерными фразами в лучшем случае, являющимися в то же время чрезвычайно сильной поддержкой правительства и его военной политики» [102].

В то же время и «Форвертс» пыталась успокоить массы при помощи обилия слов, чернил и бумаги. «Мирный поворот — таково было название одной статьи в номере от 10 июля. «Кто в последние дни внимательно наблюдал за событиями, тот не может больше сомневаться в том, что государство находится на пути к мирному повороту». Что под этим понимала газета, показывает заголовок другой статьи — «Прусская избирательная реформа!» Но насколько эта реформа была далека от своего осуществления, становится ясно с самого начала статьи: «Вчера в рейхстаге стало достоверно известно, что прусское правительство решило осенью познакомить ландтаг с проектом избирательного права и внести предложение (!) о всеобщем, равном, прямом и тайном избирательном праве». Через три дня «Форвертс»

---

[101] Friedrich Ebert, Schriften, Aufzeichnungen, Reden, S. 382—383.

[102] Karl Liebknecht, Politische Aufzeichnungen aus einem Nachlaß, Berlin, 1921, S. 11.

выпустила кота из мешка: «Первые после войны (!) выборы в прусский ландтаг будут происходить на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права».

В связи с этими отвлекающими и успокаивающими маневрами Шейдеман сделал 26 июля в Берлине на собрании социал-демократической партии характерные признания. «Мы должны защищаться от России до тех пор, пока она является нашим противником»,— требовал он. В Германии можно «осуществить демократию не посредством революции, а иным путем, и мы уже находимся на пути к этому». Что это за путь? «Я ни минуты не сомневаюсь в том, что после войны в Пруссии будет введено равное избирательное право и учреждена парламентская система».

Вместо революции и свержения класса эксплуататоров Шейдеман совершенно открыто провозглашал реформы, ведущие к укреплению власти буржуазии, и тем самым снова показал, по какому руслу плыли правые социал-демократы. А может быть, еще и во время войны наступит некоторая «демократизация»? Такие «потрясения, как в России, должны при этом нас миновать, и они минуют нас»,— объявил господин Шейдеман [103].

Июльская и августовская демонстрации 1917 года

Сознательная, революционная часть рабочего класса, руководимая германскими левыми, не поддалась обману «правительственных социалистов». Она мобилизовала рабочий класс на борьбу с оппортунистами в руководстве партии и профсоюзов и достигла при этом значительных успехов.

Решительно осудили рабочие-металлисты деятельность профсоюзного руководства, которая по отношению к правительству ограничивалась «просьбами и заклинаниями». Они призывали всех членов профессиональных союзов вдохнуть в свои организации прежний боевой дух. «Рабочему классу крайне необходимы самостоятельные организации, не зависящие от правительства и буржуазных партий. Пусть каждый состоящий в профсоюзе рабочий позаботится о том, чтобы его организация вновь отвечала этим требованиям».

Эта декларация была представлена общему собранию рабочих-металлистов и отклонена реформистскими функционерами, принявшими вместо нее резолюцию, в которой

---

[103] «Vorwärts» vom 27 Juli, 1917.

они утверждали, что профессиональные союзы не должны преследовать политических задач. Они предостерегали немецких рабочих от политических выступлений, которые проводил русский пролетариат.

Председатель правления Шликке «резко выступил против намерения провести стачку с чисто политическими целями». Профессиональные союзы должны заниматься «практической деятельностью», выступать за «более благоприятные условия в смысле оплаты труда или условий работы» [104] Ни одним словом не было упомянуто о борьбе за мир, которая все более и более выдвигалась на первый план.

Но немецкие рабочие намеревались усиленно продолжать эту борьбу даже и без профсоюзного и партийного руководства. Так, например, на районной конференции независимой социал-демократической партии 6-го Берлинского округа по выборам в рейхстаг, которая происходила 9 июля 1917 года у Франке на Бадштрассе, 19, один рабочий внес следующее предложение: «принять решение о массовых выступлениях, чтобы оказать влияние на движение [народа против империалистической войны. — *К. М.*] в духе социалистов» [105]. Подавляющее большинство из четырехсот участников конференции высказалось, согласно сообщению присутствующего на конференции полицейского шпика, за массовые выступления.

Организованные рабочие, входящие в независимую социал-демократическую партию, все яснее понимали, что центристское руководство не хотело поддерживать требования пролетариата и выступать против правящих классов. И рабочие все более и более решительно выступали за то, чтобы идти своим путем, без руководителей и даже вопреки их воле, усиливали борьбу против войны и германских империалистов и все чаще следовали лозунгам спартаковцев, которые непоколебимо и последовательно защищали интересы рабочего класса и возглавляли их борьбу. Об этом свидетельствуют выступления в июле 1917 года в Берлине и Саксонии.

Чтобы окончательно не потерять своего влияния среди революционных рабочих, центристы должны были прикидываться революционно настроенными и делать вид, что симпатизируют русскому рабочему классу и его революционной

---

[104] «Correspondenzblatt...» vom 28 Juli, 1917.

[105] Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam; Rep. 30, Tit. 95, Sect. 7, Lit. A, Nr. 11b, Beiheft A, vol. 2, Blatt 103.

борьбе. В это же время депутат независимой социал-демократической партии Флейснер, выступая 3 июля в саксонском ландтаге, так выразил настроение немецких рабочих: «В настоящее время мы должны сказать, что наиболее реакционной в политическом отношении страной является уже не Россия, а Германия. Россия может служить примером для Германской империи, и мы должны лишь приветствовать, если успехи, которых русская революция до сих пор достигла, — а мы хотим надеяться, что они будут сохранены и расширены, — стали бы образцом в деле преобразования политических отношений в Германии. Во всяком случае, немецкие рабочие были бы этим вполне удовлетворены» [106].

В начале месяца группа Спартак распространяла листовки на предприятиях Лейпцига. В них говорилось, что нищета в результате империалистической войны все растет, за что несет ответственность правительство, которое отвергает мир без аннексий и контрибуций и жадно стремится к захватам. Протестовать против этого — долг рабочего класса и всего немецкого народа. «Протестуйте против войны! За мир! За улучшение продовольственного положения! В понедельник 16 июля в 9 часов утра перед зданием ратуши состоится большая демонстрация. Все предприятия должны прекратить работу, никто не должен работать! Стоит пожертвовать одним днем за права и свободу народа» [107].

Военные власти в Лейпциге, получившие сведения об этом воззвании, тотчас же мобилизовали предателей рабочего класса. Представитель военных властей еще вечером 15 июля отыскал «вернувшегося из поездки руководителя профессионального союза транспортников Зенгерлауба», чтобы «уговорить его оказать воздействие хотя бы на рабочих транспорта, то есть прежде всего городского трамвая, чтобы они не участвовали в стачке» [108].

На следующий день рабочие пятнадцати предприятий Лейпцига прекратили работу, среди прекративших работу предприятий были такие крупные фирмы, как акционерное общество «Роте и Сименс», «Громан и Фрош».

Около 9 часов утра началась демонстрация перед зданием ратуши. Немного погодя уже огромная толпа народа запол-

---

[106] «Die Ursachen des Deutschen Zusammenbruchs im Jahre 1918», Fünfter Band, S. 165.

[107] Sächsisches Landeshauptarchiv, Dresden; Akte Ministerium des Innern, Nr. 11072, Blatt 55.

[108] Ibid., Blatt 37.

нила площадь, но тут вступила в действие полиция и начала силой разгонять собравшихся. Однако бастующие не дрогнули и направились к Народному дому, чтобы обсудить дальнейшие шаги. Когда один из рабочих предложил использовать ситуацию для «улучшения политического положения», вмешался лидер лейпцигского правления независимой социал-демократической партии Липинский с целью поскорее прекратить собрание. Он предложил бастующим явиться после обеда в Брауерейгартен в Штеттерице. Заранее он получил от полиции согласие на это собрание после «поручительства в том, что бастующие не будут устраивать никаких демонстраций» [109].

В Брауерейгартене оппортунистски настроенные «рабочие вожди» старались ограничить дискуссию экономическими вопросами. Но они не имели в этом успеха, так как «о продовольствии говорилось мало и, наоборот, много о политике и именно о соглашательском мире», как сказано в донесении военного ведомства. Предложение Петроградского Совета о заключении мира без аннексий и контрибуций рассматривалось как приемлемое. Бастующие рабочие снова выставили те же требования, что и во время апрельской стачки, и хотели довести их до сведения городского магистрата Лейпцига, штаба округа и рейхстага. На следующий день по предложению группы Спартак было решено приступить к работе.

Вечером 16 июля в залах Зоологического сада состоялось многолюдное собрание, на котором функционеры независимой социал-демократической партии Гейер и Зегер выступили против «правительственных социалистов». Однако в этой дискуссии отсутствовала принципиальная ясность и острота, как того хотелось бы рабочим, которые уже разгадали игру центристов, что явствует из вышеупомянутого донесения военного ведомства: «Ораторы выступали весьма сдержанно, настроение слушателей было, наоборот, очень возбужденное» [110].

Вечером 17 июля рабочие Берлина вышли на демонстрацию в пользу мира. На углу Фридрихштрассе и Унтер-ден-Линден собралось около пятисот человек, которые направились по Фридрихштрассе в направлении к Лейпцигерштрас-

---

[109] Sächsisches Landeshauptarchiv, Dresden; Akte Ministerium des Innern, Nr. 11072, Blatt 43.

[110] Ibid., Blatt 40a.

се. Как явствует из донесения полиции, число демонстрантов все время увеличивалось. Во время движения парикмахер Карл Буш провозглашал здравицу в честь Карла Либкнехта и лозунг «Долой войну!», которые поддерживались всеми демонстрантами.

Когда демонстранты хотели свернуть с Беренштрассе по направлению к дворцу, они увидели, что там уже сосредоточена полиция. В этот момент сзади на них напала полиция и, действуя дубинками, разогнала толпу. Трое полицейских бросились к Карлу Бушу и арестовали его.

Так как положение внутри страны становилось все более «неспокойным», то правые социал-демократы и партии буржуазии, невероятно выросшей в результате войны, стали энергично хлопотать о «составлении» мирной декларации, чтобы, с одной стороны, сдержать революционное движение, а с другой — предложить Антанте империалистический мир с возмещением убытков на основе достигнутых преимуществ и сделанных завоеваний. Буржуазия, социал-шовинисты и верховное командование действовали сообща при выработке двусмысленной по содержанию «мирной резолюции» от 19 июля, в которой давались торжественные заверения в том, что они как прежде, так и теперь не имеют захватнических намерений, что Германия борется ради «защиты своей свободы и независимости, за неприкосновенность своих территориальных владений».

«Рейхстаг стремится к справедливому миру и к длительному умиротворению народов. Такой мир несовместим с насильственным захватом территорий и политическим, экономическим или финансовым порабощением!» Германские империалисты требовали обеспечения свободы морей и создания «международных правовых организаций». Характер и цель этой резолюции стали особенно ясными, когда рейхсканцлер Михаэлис, являвшийся креатурой Людендорфа, принимая эту программу, заметил, что она годится для заключения любого мира.

Большинство рейхстага, писал Карл Либкнехт, приняло эту резолюцию, «чтобы за границей было удобней развивать мирную демагогию, направленную на ослабление Антанты и на облегчение немецкой победы, а вместе с тем, чтобы внутри страны уменьшить недовольство» [111].

---

[111] Karl Liebknecht, Politische Aufzeichnungen aus seinem Nachlaß, S. 9—10.

Весьма характерно, что правые лидеры социал-демократии приветствовали эту резолюцию рейхстага как победу, «победу убеждения, которую мы завоевали упорной, длящейся годами работой»,—писалось в «Форвертс» от 20 июля. Резолюция «означает, в чем мы уверены, шаг к миру!» Правительство должно действовать согласно изложенным в ней принципам. «Оно не сможет выступить на будущей мирной конференции с требованиями, которые противоречили бы этой программе», — уверял орган центрального правления СДПГ. То, что империалисты нимало не считались с этой мирной фразеологией и вовсе не собирались действовать в соответствии с предложенным социал-шовинистами способом, доказало будущее, в особенности же их поведение в Брест-Литовске.

Из письма от 10 августа военного министра Штейна рейхсканцлеру явствует, что рабочие почти не придавали значения этим словесным заявлениям правительства, а также Эберта и Шейдемана.

«Решение о мире, принятое рейхстагом 19 июля 1917 года, далеко не нашло в народе отклика, ожидаемого партиями большинства», — мрачно констатировал Штейн. Депутаты рейхстага должны были поэтому разъезжать по округам, чтобы добиться у населения признания этой резолюции. Штейн требовал, чтобы депутатам были вручены для этого специальные инструкции. Военное и политическое положение Германии позволяет заключить мир и на другой основе, чем это изложено в резолюции [112]. Этим утверждением Штейн полностью выдал цели германского империализма: мир на основе захвата чужих земель и порабощения чужих народов.

Между тем, империалисты снова оказались в нервозном состоянии. 31 июля военное министерство сообщило, что появились денежные ассигнации с революционными надписями. Так была изъята ассигнация достоинством в две марки, на которой нестираемым чернильным карандашом были написаны слова: «Нет мира без революции». В штаб корпуса и другие государственные органы поступили просьбы немедленно принять меры, «так как можно опасаться, что применение этого средства агитации будет и дальше иметь место» [113].

---

[112] Deutsches Zentralarchiv, Potsdam; Akte Reichsamt des Innern, Nr. 12491, Blatt 96.

[113] Deutsches Zentralarchiv, Potsdam; Akte Reichsamt des Innern, Nr. 12490, Blatt 331.

В августе число ассигнаций с надписями увеличилось; кроме упомянутой надписи, появились и другие, например, «действуйте так же, как и в России, тогда у нас будет мир».

Рейхсканцлер дал строгое указание тотчас же изъять такие бумажные деньги из обращения и «направлять их в близ расположенные отделения государственного банка или в Главное казначейство государственного банка в Берлине с соответствующими данными о личности того, кто сдает, и т. д.»[114]

В первые недели августа на предприятиях Лейпцига распространялись листовки, призывавшие к борьбе за демократический мир в противоположность империалистическому миру с возмещением военных убытков, провозглашенному рейхстагом. 13 августа на предприятиях акционерного общества «Егер, Роте и Сименс» в Лейпциг-Эйтрицше эти листовки распространяла работница Фрида Питчель. «Я рада, что будет стачка, — говорила она при этом своим товаркам. — Только бастуйте все вместе. Стачка начнется 15 августа в 9 часов утра» [115]. Директор заводов Роте немедленно известил об этом полицию и «просил выступить против работниц». Вечером 15 августа Питчель была арестована.

На заводе компании «Лейпциг-Лейтч» в пользу стачки особенно агитировал механик Эммануил Шмитт. 15 августа многие рабочие прекратили работу и вышли на демонстрацию против войны, в результате чего был нанесен «серьезный ущерб производству военного снаряжения», как было сказано в письме дирекции завода управлению полиции в Лейпциге, в котором владельцы концерна требовали «наказания» Шмитта. На предприятиях акционерного общества «Ганза-Ллойд» в Бремене, филиал в Лейпциг-Эйтрицше, токарь Кремпель агитировал за стачку, назначенную на 15 августа. Утром этого дня рабочие концерна собрались в помещении для завтрака, где им от имени Комитета рабочих в который входили токари Цетше, Геринг и Анерт, было сообщено, что их предприятие также присоединяется к стачке. Когда стало известно, что рабочие находящейся поблизости фабрики Турнера забастовали, то все рабочие заводов

---

[114] Deutsches Zentralarchiv, Potsdam; Akte Reichsamt des Innern, Nr. 12490, Blatt 339.

[115] Deutsches Zentralarchiv, Potsdam; Akte Oberreichsanwalt, Nr. 1858.

«Ганза-Ллойд» оставили работу и направились к лейпцигскому Народному дому. Собравшиеся здесь бастующие рабочие постановили в 15 часов пополудни направиться на Месс-плац и на следующий день в 9 часов утра устроить демонстрацию в Лейпциг-Штеттерице в Брауерейгартене. Но Месс-плац была уже оцеплена полицейскими. Тогда бастующие рабочие собрались на Штоппельфельде, за городом, построились в колонны и направились в Лейпциг-Плагвиц. По дороге они призывали присоединиться к ним рабочих тех предприятий, которые еще продолжали работать. Когда демонстранты проходили мимо машиностроительного завода Бремера, токарь Кремпель крикнул выглядывавшим в окно рабочим: «Кончайте работу и присоединяйтесь к нам». Это явилось поводом для «вмешательства» полиции. Кремпель и Геринг были арестованы, два других члена Комитета рабочих заводов «Ганза-Ллойд» по доносу дирекции вечером 16 августа были призваны на военную службу.

И здесь, во время этих грандиозных демонстраций за мир, рабочие особенно ощутительно почувствовали отсутствие единой руководящей силы, отсутствие революционной марксистской партии. Хотя группе Спартак снова удалось мобилизовать рабочих для участия в демонстрациях и забастовке, однако она вследствие недооценки ею роли партии и пренебрежения к организационным вопросам была недостаточно сильна, чтобы четко и целеустремленно руководить выступлениями рабочих. На многих предприятиях рабочие находились в нерешительном, а иногда даже беспомощном состоянии: они не знали, что делать,—бастовать или нет. Это видно из показаний работницы Берты Арнольд, которые она давала перед лейпцигским судом. «Работницы в нашем цехе по-настоящему не знали, следует ли продолжать работать или нужно бастовать, точно так же, как у нас не было ясности, какие собственно цели преследует стачка» [116].

Мастер Мансфельд вел агитацию среди рабочих этого предприятия и распространял прокламации. Однако большинство рабочих поддалось запугиваниям главного инженера завода, и только сорок человек прекратили работу и примкнули к демонстрации лейпцигских рабочих. Многие из них, как например Берта Арнольд, были за это уволены с работы директором машиностроительного завода Свидерским.

---

[116] Deutsches Zentralarchiv, Potsdam; Akte Oberreichsanwalt, Nr. 1873.

И все же демонстрации были так грандиозны, что для «восстановления порядка» было недостаточно лейпцигской полиции и пришлось вызвать из Пирны части егерей и бросить их против рабочих.

Империалисты разработали мероприятия по подавлению беспорядков еще до июльских и августовских выступлений. 12 июля 1917 года министр внутренних дел указал на опасность, которую представляет внезапность выступлений рабочих «для своевременного предотвращения и подавления открытых беспорядков». «Приведение в готовность и введение в дело полицейских сил» в силу этого «чрезвычайно затруднено». Поэтому задачей всех полицейских органов является «получение возможно более полных сведений о настроении рабочих, об устных сговорах о стачках и демонстрациях посредством постоянного контакта с промышленной инспекцией, обращений к дирекции предприятий и через доверенных лиц». Кроме того, для лучшего осведомления полицейских органов должны быть использованы «войска, направленные военными властями для надзора и охраны военных предприятий». «Взаимное осведомление ведающих этим военных органов и полицейских властей» было бы «очень желательно» [117].

Спустя короткое время военный министр Штейн заявил о своем согласии действовать против рабочих в тесном контакте с полицией.

Обмен сведениями между полицейскими и военными органами власти не удалось особенно хорошо наладить, так как демонстрации и стачки в июле и августе заставили штаб военного округа потребовать от полицейпрезидиума Берлина обратить «особенно серьезное внимание» на революционное движение среди рабочего класса и применить «жесткие меры» [118].

«Правительственные социалисты» и правые профсоюзные лидеры охотно оказывали помощь правящим классам в сдерживании рабочих. В то время как революционные рабочие боролись за окончание войны, правые социал-демократы и лидеры реформистских профсоюзов вели переговоры с милитаристами из Верховного командования армии.

---

[117] Deutsches Zentralarchiv, Potsdam; Akte Reichsamt des Innern, Nr. 12490, Blatt 335—336.

[118] Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam; Rep. 30, Tit. 95, Sect. 7, Lit. A, Nr. 11.

После того как Эберт и Шейдеман 13 июня встретились с Гинденбургом и Людендорфом в здании Генерального штаба, 12 октября 1917 года в Верховное командование армии отправились уже Легин и Бауэр от имени Генеральной комиссии. О результатах переговоров Людендорф в письме от 15 октября сообщил военному министерству в Берлине следующее: «И те и другие представители, очевидно, имели добрые намерения действовать в том направлении, чтобы рабочий класс сохранял спокойствие и выполнял свой долг. Они настолько уверены в своих людях, что не боялись больших стачек и беспорядков, если, конечно, не произойдут какие-либо непредвиденные события». Чтобы иметь возможность снова последовательно проводить в отношении рабочего класса политику «гражданского мира», «было выражено желание, чтобы представители предпринимателей и рабочих собрались для совместного обсуждения». После того как Людендорф с похвалой отозвался об антирабочей деятельности лидеров реформистских союзов, «которая будет продолжаться», он снова повторил, что он «не оправдывает стачек ни при каких обстоятельствах и что бастующие рабочие будут рассматриваться как изменники родины» [119]. Новой позорной изменой явилось поведение так называемых вождей рабочего класса, когда они, заключив сделку с юнкерами, пообещали препятствовать стачкам и сотрудничать с господствующими классами.

---

[119] Deutsches Zentralarchiv, Potsdam, Akte Reichsamt des Innern, Nr. 12491, Blatt 132—133.

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАБОЧИЙ КЛАСС ГЕРМАНИИ

25 октября (7 ноября) орудийными залпами крейсера «Аврора» по Зимнему дворцу, в котором засело буржуазное Временное правительство, началась эра Великой Октябрьской социалистической революции. Русские рабочие и крестьяне смелым штурмом уничтожили власть буржуазии и установили власть Советов, свою власть. Впервые в мировой истории народ взял управление государством в свои руки, чтобы проложить путь к собственному счастью и благополучию, путь к социализму и коммунизму. Октябрьская революция «есть, прежде всего, революция интернационального, мирового порядка, ибо она означает коренной поворот во всемирной истории человечества от старого, капиталистического мира к новому, социалистическому миру» [120].

Благодаря Великой Октябрьской социалистической революции был прорван фронт мирового империализма и капитализму был нанесен уничтожающий удар, от которого он никогда не сможет оправиться. Октябрьская революция отдала власть социалистическому пролетариату, отобрала у помещиков и капиталистов средства производства, превратила их в общественную собственность и уничтожила эксплуатацию человека человеком. У буржуазии была отнята власть, буржуазный государственный аппарат был разрушен и установлена диктатура пролетариата.

Октябрьская революция была также ревслюцией в идеологии рабочего класса. Она означала «победу марксизма над реформизмом, победу ленинизма над социал-демократизмом, победу III Интернационала над II Интернационалом» [121].

---

[120] И. В. Сталин, Соч., т. 10, стр. 239.
[121] Там же, стр. 248.

Последовательная мирная политика рабоче-крестьянского Советского правительства нашла свое яркое выражение непосредственно после Октябрьской революции.

Тотчас же после установления власти рабочих и крестьян II съезд Советов принял декрет о мире. Всем воюющим странам было предложено «как можно скорее начать переговоры о справедливом демократическом мире». Это должен был быть мир без аннексий и контрибуций, к которому стремилось большинство рабочего класса всех воюющих стран. Чтобы вести переговоры о мире, Советское правительство предложило немедленно заключить перемирие на три месяца. Русские рабочие в особенности обращались к своим братьям — рабочим Германии, Англии и Франции, надеясь, что они «своей энергичной и самоотверженной деятельностью помогут им довести до конца дело мира и освободить весь рабочий класс от угнетения» [122].

Ноябрьская демонстрация 1917 года

Благодаря Великой Октябрьской социалистической революции был создан базис, на который мог опереться революционный пролетариат Германии в своей борьбе против империализма и войны, в своей борьбе против господствующих классов. Всемирно-историческая победа русских рабочих в союзе с крестьянством и конструктивные мирные предложения Советского правительства побудили немецких рабочих усилить свою борьбу, вновь вдохнули в них мужество и решимость перейти к революционным действиям. «Октябрьская революция, — как говорил Сталин, — создала для них маяк, освещающий им дорогу и дающий перспективы» [123].

Однако лишь группа Спартак решила ориентироваться на этот маяк и следовать перспективам, данным Октябрьской революцией. Только спартаковцы призывали немецкий рабочий класс солидаризироваться с социалистической революцией, последовать ее примеру и учесть ее уроки. Среди берлинских рабочих и рабочих Саксонии их последователи распространяли листовки с призывом к массовым выступлениям по примеру русского пролетариата. «В России пробил

---

[122] См. Karl Liebknecht, Politische Aufzeichnungen aus seinem Nachlaß, S. 153—155.

[123] И. В. Сталин, Соч., т. 10, стр. 247.

решительный час»,— говорилось в листовках. «С беспримерным геройством и мужеством, не страшась жертв, не жалея собственной крови, борются сейчас русские пролетарии, опираясь на крестьянство, чтобы сохранить и укрепить только что отвоеванную власть в стране. Они преследуют при этом двоякую цель: прекратить бойню народов и начать строительство социализма». Задачей немецких рабочих является поддержка русских братьев в их борьбе. «С господством реакции и господством империалистических классов в Германии можно покончить, если мы положим конец войне». И в Германии пришло время создать другие условия. «Только массовая борьба, массовое сопротивление, массовая стачка, которые дезорганизуют все производство и всю военную промышленность, только революция и установление рабочим классом народной республики в Германии могут привести к прекращению бойни народов и всеобщему миру... Если немецкие рабочие последуют примеру русских и встанут во главе борьбы, то боевой призыв международного социализма «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» вскоре станет действительностью. Немецкие рабочие и работницы, не медлите дальше, настал решительный час для немецкого пролетариата! Все на борьбу за мир, свободу, хлеб! Долой правительство! Да здравствует массовая борьба рабочих! Да здравствует социализм!» [124]

Центристы чувствовали, что рядовые члены независимой социал-демократической партии относятся к ним все более скептически, и, чтобы не утратить своего влияния, они решили выпустить листовки. После ничего не значащих восхвалений в адрес Великой Октябрьской социалистической революции Гаазе, Ледебур и Дитман требовали: «Всюду должны быть созваны собрания, на которых со всей силой должен звучать призыв: всеобщее перемирие с целью заключения мира без взаимных аннексий! [125]

Ни слова о массовых выступлениях, и уж подавно ни слова о революционной борьбе против германских империалистов, чтобы принудить их заключить демократический мир, ни слова о том, чтобы в дальнейшем следовать примеру Великой Октябрьской социалистической революции. Это и является отличительной чертой тактики центристов: оппо-

---

[124] Sächsisches Landeshauptarchiv, Dresden; Akte Ministerium des Innern, Nr. 11073, Blatt 24a—c.

[125] Deutsches Zentralarchiv, Potsdam; Akte Reichsamt des Innern, Nr. 12491, Blatt 124.

зиция правительству и социал-шовинистам на словах и срыв революционного движения масс на деле.

Открытое предательство делу революции совершили Эберт и Шейдеман. Социал-шовинисты поспешили объявить, что в Германии, где «население обладает более высоким политическим развитием»... «социальный переворот»... «естественно», должен принять «иные формы, чем в такой стране, как Россия, стране с преобладанием сельского хозяйства и подавляющей неграмотностью». Германская социал-демократическая партия пойдет «по единственному пути, который у нее имеется, по пути просвещения». И со временем достигнет больших успехов. «Прусская избирательная реформа уже доведена до такой стадии, что уклониться от демократического требования представляется невозможным».

Инициатива большевиков о немедленном заключении мира привела правых социалистов-демократов в панический ужас. Они убедительно просили рейхсканцлера и статс-секретаря дать «для своей страны и для заграницы доказательство того, что и буржуазное правительство в состоянии предпринять кое-что положительное для общего мира и народной свободы». Империалисты должны по крайней мере *объяснить*, что «мы не хотим чужого добра и не хотим хитростью или силой подчинить нашему господству другой народ». Благодаря «духовной победе» будет установлен «прочный мир» [126]. Эберт и компания сочли бы «удачей», если бы мирные предложения Советского правительства «приняли бы только Центральные державы, в то время как Антанта отклонит их или оставит без ответа». Здесь правые социал-демократы высказали желание королей стали и железа, которые стремились к сепаратному миру с Советской республикой, чтобы, воспользовавшись этим, осуществить свои планы захватов и порабощения.

Тот факт, что многие рабочие думали иначе, чем руководство социал-демократической партии Германии, что рабочие боролись за заключение всеобщего демократического мира и, кроме того, хотели идти по пути революционных выступлений, должен был признать даже такой ярый милитарист, как начальник общего военного департамента генерал-майор Вризберг: «успех большевиков, несомненно, поставил перед многими рабочими вопрос, не является ли русский

---

[126] «Vorwärts» vom 10 November, 1917.

путь и для нас более правильным, чем мелкая политическая и профсоюзная деятельность, не имеющая больших перспектив и ощутительных результатов в смысле установления основонизвергающих новых государственных порядков» [127].

Рабочие ответили утвердительно на этот вопрос и все чаще выступали против руководства партии и профсоюзов, которые, как был вынужден признать Вризберг, «уже не повсюду могут держать в руках своих людей» [128]. Еще более отчетливо доказали это сами социал-шовинисты. Уже на партейтаге в Вюрцбурге, происходившем с 14 по 20 октября, они должны были признать, что доверие к ним рабочих непрерывно падает и что «имеется много случаев недовольства партийным руководством и бегства из партии ее членов» [129]. Этот процесс значительно усилился после Великой Октябрьской социалистической революции.

Также не оказывали должного воздействия и рассчитанные на обман маневры военных властей. 9 ноября штаб XII Саксонского армейского корпуса опубликовал следующее «предостережение»: «В результате последних событий в России в общество проникли — например, через печать нейтральных стран — разные непроверенные слухи. Настоятельно предостерегаем население не делать из подобных сообщений, поскольку они официально не подтверждены, поспешных и преувеличенных выводов» [130].

Однако, несмотря на все, рабочие шли за спартаковцами. В эти знаменательные после Великой Октябрьской социалистической революции дни революционная группа Спартак получила существенное подкрепление в лице Вильгельма Пика. Когда его в октябре 1917 года после тюремного заключения за неповиновение приказу везли, по решению германских империалистов, под конвоем на Западный фронт, ему удалось по дороге бежать.

В то время как Карла Либкнехта и Розу Люксембург правящие классы держали в тюрьме, Вильгельм Пик, находившийся с октября 1917 года по конец января 1918 года на нелегальном положении в Берлине, а затем, по решению

---

[127] Ernst von Wrisberg, Der Weg zur Revolution 1914—1918, S. 88.

[128] Ibid., S. 89.

[129] См. «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der sozialdemokratischen Partei Deutschlands, abgehalten in Würzburg vom 14 bis 20 Oktober, 1917», Berlin, 1917, S. 9.

[130] «Vossische Zeitung» vom 10 November, 1917.

группы Спартак, выехавший в Голландию, имел возможность помогать советом и делом своим товарищам и принимать участие в организации и проведении революционных выступлений.

В середине ноября 1917 года группа Спартак призывала к демонстрациям за мир.

Рабочие предприятия Нидерзедлица в Саксонии нашли листовку, содержащую этот призыв. «Мы не дадим зажать себе рот, — говорилось в ней. — Мы будем протестовать против жестокого угнетения, типичного для времен «исключительного закона»! Организуем демонстрацию за немедленное всеобщее перемирие, за мир без аннексий! Ни один рабочий, ни одна работница, ни один социалист не должны отсутствовать на демонстрации. Выходите на улицы! Все на демонстрацию в воскресенье 25 ноября!» [131]

В министерстве внутренних дел Саксонии, как только узнали об этом призыве, тотчас связались с полицией. Полицейские органы приняли «необходимые меры предосторожности». Так, например, они сумели не допустить проведения демонстрации на Старом рынке в Дрездене. Но все же демонстрации трудящихся за немедленное заключение демократического мира состоялись в других частях города.

То же самое происходило и в Лейпциге. Тамошняя полиция получила сообщение о предполагавшейся демонстрации на рыночной площади. За полчаса до начала демонстрации рыночная площадь была занята полицейскими отрядами, которые получили подкрепление из 67 унтер-офицеров и 28 кавалеристов. Около пятисот рабочих и работниц, не испугавшись этого, собрались на Августусплац и двинулись процессией мимо здания имперской районной комендатуры. Пролетариат Берлина также вышел на улицу для демонстрации за всеобщий мир. Уже 18 ноября были устроены шествия демонстрантов в рабочих кварталах Берлина и раздавались здравицы в честь мира.

На 25 ноября была назначена демонстрация рабочих берлинских предприятий, которых призывали принять в ней участие. Токарь Матцдорф 24 ноября утром, по дороге на работу, при выходе с вокзала Веддинг получил несколько листовок и раздал их на заводе «Вебер и Гампель» на Шульцендорферштрассе, 26, где он работал. На завод на Мюллерштрассе также были доставлены листовки. На Матцдорфа

---

[131] См. Kamnitzer — Mammach, op. cit., S. 796.

поступил донос, и он был приговорен к денежному штрафу. Утром 25 ноября собрались тысячи рабочих, которые устраивали демонстрации на улицах Берлина, провозглашали здравицы в честь Карла Либкнехта и требовали мира.

В других частях города происходило то же, что и на пути от Гезундбруннена к Инвалиденштрассе, где рабочие— как это можно заключить из донесения полиции — четыре раза прорывали цепь полицейских, которые старались преградить демонстрантам путь в центр города. Население из окон зданий приветствовало рабочих. Многие трудящиеся присоединились к шествию.

Потоки демонстрантов, которые двигались от Силезского вокзала (ныне Восточный вокзал) и от Веддингплац, соединились на Бюловплац (ныне Люксембургплац).Около Нового рынка они наткнулись на сплошную цепь «охранников». Когда массы народа хотели двинуться дальше, то командующий полицейскими лейтенант отдал приказ: «Сабли наголо » — и полицейские палачи ринулись на безоружных рабочих. В отчете полиции говорится о том, что при этом «много людей получили серьезные ранения», было арестовано девять человек.

Демонстрации происходили также и в Нейкельне. За «неповиновение властям» полиция арестовала переплетчика Шерварта и доставила его во 2-й полицейский участок. Насколько произвольно производились все эти аресты, показывает именно этот случай: Шерварт был освобожден инспектором по уголовным делам Берлина, так как ему не смогли предъявить никакого обвинения. Правда, за это инспектор полиции получил выговор от VII берлинского отделения полицейпрезидиума за то, что перед освобождением переплетчика он не запросил — «не будет ли это опасно в политическом отношении» [132].

Январская стачка 1918 года.
Подготовка к стачке

Германское правительство приняло мирные предложения Советского правительства, чтобы сначала успокоить народные массы, а затем подготовить благоприятные условия для продолжения войны, для осуществления своих ан-

---

[132] Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam; Rep. 30, Tit. 95, Sect. 7, Lit. A, Nr. 11.

некспонистских планов и для разгрома молодого Советского государства. 3 декабря обе стороны встретились для переговоров о перемирии, которые закончились соглашением о приостановке военных действий на четыре недели. В течение этого срока велись переговоры об условиях мирного договора. Руководителю германской делегации статс-секретарю министерства иностранных дел Кюльману империалисты дали в качестве помощника начальника генерального штаба Восточного фронта генерал-майора Гоффмана, который оказывал решающее влияние на ход переговоров.

После того как Антанта отклонила советские мирные предложения, для германских империалистов настало время перейти к агрессивным действиям. Германские представители откровенно продемонстрировали свои захватнические планы, безоговорочного признания которых они потребовали у Советской России, так как ей нельзя было и думать о сопротивлении. Были забыты все их торжественные мирные заверения, которые нужны были только для того, чтобы обмануть народ.

Группа Спартак уже в самом начале переговоров в Брест-Литовске в своих листовках обращалась к немецким рабочим: «Будьте начеку! Германское правительство именно посредством этих переговоров намеревается провести народ и еще продлить и даже обострить нужду и все ужасы войны». Германские империалисты лишь надевают маску миролюбия, так как они попали в неудобное положение, формальное признание права на самоопределение народов Прибалтики, Украины, Белоруссии было для них лишь предлогом для аннексий. При помощи мира с Советской республикой империалисты хотят улучшить свои позиции в борьбе на Западе. «От нас зависит расстроить эти преступные планы империалистов». Немецкий рабочий класс своими активными выступлениями может поддержать своих русских товарищей [133].

Случилось так, как предсказывали спартаковцы. Возмущение среди немецких рабочих с каждым днем возрастало. В «секретном сообщении» от начала января 1918 года, направленном в III отделение генерального штаба армии в Берлине, содержатся откровенные признания о настроении немецких рабочих. «Русский пример завоевания власти

---

[133] См. Sächsisches Landeshauptarchiv, Dresden; Akte Ministerium des Innern, Nr. 11073, Blatt 24a—d

при помощи большевиков действует возбуждающе на массы и может в конце концов толкнуть их на серьезные и необдуманные поступки. Если перемирие с Россией не приведет к миру, то недовольство рабочих масс войной так велико, что следует опасаться дурных последствий. Будьте готовы на случай большой забастовки в начале января» [134].

Под влиянием революционной борьбы русских рабочих и крестьян и стачки австрийского пролетариата, который забастовал 16 января 1918 года, в Германии также началась подготовка к массовой стачке, которая должна была выразить протест рабочих против домогательств германских империалистов на Востоке и явиться поддержкой мирной политики Советской республики.

«Письма Спартака», опубликованные в январском номере, призывали к целеустремленным выступлениям. «Всеобщего мира в Германии нельзя достигнуть без свержения существующей власти. Только подняв факел революции, только открытой массовой борьбой за политическую власть, за власть народа и за Германскую республику можно помешать новой вспышке войны и успеху германских аннексионистов на Востоке и Западе. Немецкие рабочие призваны перенести весть о революции и о мире с Востока на Запад» [135].

В Гамбурге, Киле, Магдебурге, Мюнхене, Нюрнберге, Маннгейме, Дортмунде и других городах, так же как и в Берлине и Саксонии, рабочие передавали друг другу призыв к стачке. 25 января 5-й комиссариат VII отделения полицейпрезидиума Берлина сообщил, что на предприятиях АЭГ «передается из уст в уста» призыв начать стачку 28 января [136]. В донесении полицейпрезидента от 26 января говорится, что «на здешних крупных промышленных предприятиях чрезвычайно оживленно ведется устная агитация; в других отраслях промышленности среди деревообделочников, транспортников, сапожников» также агитируют за стачку [137].

На военных заводах и заводах военного снаряжения рабочие распространяли следующие листовки: «Коллеги — мужчины и женщины! Нас жестоко обманули в наших на-

---

[134] См. Sächsisches Landeshauptarchiv, Dresden; Akte Ministerium des Innern, Nr. 11073, Blatt 155b.

[135] «Spartakusbriefe», S. 151.

[136] Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam; Rep. 30, Tit. 95, Sect. 7, Lit. D, Nr. 3a, Bd. 3.

[137] Ibid.

деждах на скорое заключение мира. Так как германское правительство предъявило замаскированные аннексионистские требования, мирные переговоры в Брест-Литовске находятся под угрозой срыва». От парламентов рабочим нечего ждать никакой помощи, только собственными силами можно добиться изменения существующего положения. «Докажите свое стремление к миру объявлением забастовки — сначала на три дня! 28 января в 9 часов утра мы все вместе покинем заводы! Ни одно предприятие не должно работать!.. Сила в ваших руках, если вы объединены! Не допускайте репрессий или арестов ваших представителей и вождей! Один за всех и все за одного! В силе и решимости пролетариата последняя надежда человечества на мир и свободу!» [138]

Утром 28 января полицейский, стоявший на посту у вокзала Гезундбрунен, нашел конверт с надписью «Поднимайтесь за свободу!» В конверте было письмо неизвестного рабочего, который призывал своих товарищей к бдительности по отношению к правым социал-демократическим лидерам. «Товарищи! Остерегайтесь ваших вождей! Их пытаются подкупить! Не дадим отвлечь нас от нашей цели... Мы должны сейчас приложить все усилия! Теперь или никогда! Никакие коварные происки и никакие заявления не заставят нас отказаться от наших твердых намерений! Никаких успокоительных пилюль! Бастовать, бастовать и снова бастовать, пока не достигнем цели!»

К письму были приложены две газетные вырезки, в одной из которых было заявление Центрального совета немецких профсоюзов, направленное против стачки, по поводу которого неизвестный замечал: «Мы не позволим себя обмануть. Начинайте забастовку!» В другой вырезке из «Берлинер Моргенпост» от 27 января 1918 года излагалось требование статс-секретаря Валльрафа не принимать участия в стачках; она сопровождалась следующими комментариями рабочего: «Моргенпост» подкуплена правительством! Рабочие Вены обошлись без прессы!» [139]

Начиная с 21 января на предприятиях в Хемнице распространялись листовки, призывавшие к стачке. В этой агитации значительное участие принимал Фриц Геккерт. Политический отдел полицейского управления в Хемнице

---

[138] Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam; Rep. 30, Tit. 95, Sect. 7, Lit. D, Nr. 3a, Bd. 3.
[139] Ibid.

сообщал офицеру связи главного командования в Дрездене капитану Шёнбергу и саксонскому военному министерству, что у Фрица Геккерта были конфискованы листовки под названием «Да здравствует массовая стачка!», «Все на борьбу!» Об этом было сообщено главному прокурору.

В этих распространяемых Фрицем Геккертом листовках группа Спартак бичевала политику принудительных аннексий, порабощения и ограбления чужих народов, которую в Брест-Литовске проводило германское империалистическое правительство. «Только свержение этого правительства, только уничтожение власти буржуазии, другими словами: только народная революция и народная республика в Германии могут привести в самый кратчайший срок к заключению всеобщего мира... Всеобщий мир и Германская республика! Это цель, к которой привлечены наши взоры, когда мы вступаем в борьбу. Немецкие пролетарии! Мы призываем вас к первому этапу в этой борьбе: готовьтесь к всеобщей стачке в ближайшие дни!» [140]

Империалистам было не по себе. Они боялись силы немецких рабочих. 26 января от главного командования округа был получен приказ в берлинском полицейпрезидиуме: «Указать владельцам помещений, что они могут предоставлять свои залы для собраний только после предъявления документа из полиции о разрешении на проведение собрания» [141].

Правительство Саксонии сделало необходимые приготовления к тому, чтобы в последних числах января для подавления рабочего движения ввести в дело войска, при этом правящие классы хотели использовать противоречия между городом и деревней. Министерство иностранных дел просило министерство внутренних дел подобрать «надежные войсковые части из сельских районов» для охраны промышленных центров. Затем буржуазные газеты, выход которых должен быть безусловно гарантирован, не должны были печатать никаких сообщений о борьбе русских рабочих и крестьян в ходе Великой Октябрьской социалистической революции и о мерах, направленных на укрепление их власти, так как такие сообщения «указывают путь, какому надо следо-

---

[140] Sächsisches Landeshauptarchiv, Dresden; Akte Ministerium des Innern, Nr. 11073, Blatt 46a—b.

[141] Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam; Rep. 30, Tit. 95, Sect. 7, Lit. D, Nr. 3a, Bd. 3.

вать при перевороте»; в печати должны помещаться сообщения только о репрессиях и ужасах в России [142].

Незадолго до 28 января на крупных предприятиях Берлина распространялись спартаковские листовки, призывавшие к стачке и созданию Советов рабочих по «русскому образцу». Каждый завод должен был от каждой тысячи рабочих выбрать одного представителя, заводы с числом рабочих менее тысячи — только одного представителя. Кроме того, на каждом заводе должен быть образован руководящий комитет [143].

Борьба рабочих в Берлине

В понедельник 28 января 400 000 рабочих военно-промышленных предприятий Берлина прекратили работу. Советы рабочих, которые были созданы на отдельных предприятиях, решили послать от каждых 500 рабочих по одному делегату в Дом профсоюзов на Энгельуфер. Это собрание делегатов во второй половине дня объявило себя «Советом рабочих депутатов Большого Берлина». Совет рабочих выработал программу, залогом осуществления которой должна была явиться стачка, избрал стачечный комитет и принял ряд решений.

Совет рабочих выставил следующие требования:

«1. Немедленное заключение мира без аннексий, без возмещений военных убытков, на основе права народов на самоопределение в соответствии с условиями, выдвинутыми русскими народными уполномоченными в Брест-Литовске.

2. Привлечение представителей рабочих всех стран к участию в мирных переговорах.

3. Улучшение снабжения продовольствием путем изъятия запасов продовольствия как со складов предприятий пищевой промышленности, так и с торговых складов с целью равномерного распределения между всеми слоями населения.

4. Осадное положение должно быть немедленно снято. Право союзов снова полностью вступает в силу, точно так же, как право свободного выражения мнений в печати и на собраниях. Законы об охране труда работниц и несовершеннолетних должны быть немедленно вновь введены. Всякие вмешательства военной администрации в деятельность

---

[142] См. Kamnitzer — Mammach, op. cit., 797—798.
[143] Ibid., S. 799—800.

профсоюзов должны быть прекращены и впредь не допускаться.

5. Милитаризация заводов также должна быть отменена.

6. Все осужденные и арестованные по политическим делам должны быть немедленно освобождены.

7. Радикальная демократизация всего государственного строя в Германии и прежде всего введение всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права для всех мужчин и женщин старше 20 лет по выборам в прусский ландтаг» [144].

Наконец в стачечный комитет, который также назывался Комитетом действия, были избраны десять рабочих и одна работница в качестве представителей революционных старост от крупных предприятий Берлина, а также Гаазе, Ледебур и Дитман от независимой социал-демократической партии. Когда один профсоюзный функционер предложил также включить в комитет лидеров социал-демократической партии, то делегаты единодушно отклонили это предложение. В противоположность рабочим «независимые» высказались за привлечение правых социал-демократов. Они добились включения их в стачечный комитет, сознательно вводя в заблуждение представителей рабочих. Рихард Мюллер, представитель революционных старост, который председательствовал на заседании Совета, «вторично поставил на голосование предложение» [профсоюзного функционера. — *К. М.*]. Он «не хотел портить общего настроения собрания и рекомендовал принять предложение, которое и было принято большинством голосов» [145].

На Магдебургском процессе 1924 года Мюллер, как бы извиняясь, объяснял эту, по существу, измену делу рабочих следующим образом: «Я сказал сам себе, что было бы хорошо, если бы правительственные социалисты теперь по собственному желанию участвовали в том, что два года тому назад они рассматривали как измену родине. Поэтому я и выступил за привлечение представителей социал-демократической партии» [146].

Но не только руководители собрания, но и Гаазе — Ледебур решились на сотрудничество с правыми социал-демо-

---

[144] См. Richard Müller, Vom Kaiserreich zur Republik, Bd. I, S. 204.

[145] Ibid., S. 203.

[146] «Der Prozeß des Reichspräsidenten», herausgegeben von Karl Brammer, Berlin, 1925, S. 39.

кратами, которых они резко осуждали на словах. Функционер социал-демократической партии Вушик дал следующие объяснения на Магдебургском процессе: «от нас были представлены три делегата... Но этого мы добились не от самого собрания, а только благодаря руководству стачечного комитета, в котором заседали Гаазе, Ледебур и Дитман» [147]. От социал-демократов в стачечный комитет вошли Эберт, Шейдеман и Браун.

Затем делегаты приняли решение призвать рабочих во всех частях Германии, а также рабочих других воюющих стран «теперь же всем начать массовую забастовку, потому что только объединенная международная классовая борьба даст нам, наконец, мир, свободу и хлеб» [148].

Бастующие рабочие, которые между тем собрались перед Домом профсоюзов, с воодушевлением приняли те требования, которые выставил Совет рабочих депутатов. К зданию подходили все новые группы бастующих. Тогда появилась полиция и бесцеремонно разогнала рабочих.

В течение всего дня происходили демонстрации. Еще утром 28 января несколько сотен рабочих фирмы Людвиг Лёве, кассиры и другие рабочие устроили шествие в «Клостергартен», расположенный близ судоходного канала в Шпандау. По сообщению полицейпрезидента Шарлоттенбурга, демонстранты высказывались против сепаратного мира с Россией, за всеобщую стачку, против наступления на Западе и требовали освобождения политических заключенных и прежде всего Либкнехта. Когда собравшихся рабочих начала разгонять прибывшая вскоре полиция, то рабочие, несмотря на противодействие полиции, построились в колонны, и шествие, насчитывавшее более 1500 рабочих, двинулось по улицам Шпандау.

На следующий день число бастующих рабочих возросло до 500 тыс. человек. Генерал-полковник фон Кессель, командующий войсками округа, запретил «проведение всяких собраний, так же, как и ранее уже разрешенных, на которых обсуждаются общественные дела и в особенности дела, связанные с настоящей стачкой» [149].

---

[147] «Der Prozeß des Reichspräsidenten», herausgegeben von Karl Brammer, Berlin, 1925, S. 44—45.

[148] «Berliner Börsenzeitung», Abendausgabe, vom 29 Januar, 1918.

[149] Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam; Rep. 30, Tit. 95 Sect. 7, Lit. D, Nr. 3a, Bd. 3.

Так как Народный дом в Шарлоттенбурге, Розиненшт-рассе, 3, был как место для собраний оцеплен полицией, то многие тысячи бастующих рабочих утром 29 января направились в Сименсштадт и там перед административным корпусом «Сименс-концерна», коллектив рабочих которого еще продолжал работу, устроили демонстрацию. Представитель независимой социал-демократической партии заявил: «Рабочие, разумеется, должны стойко продолжать стачку, потому что только таким путем можно добиться мира и помешать осуществлению предстоящего наступления. В случае если бастующие рабочие получат от военных властей повестки о призыве на военную службу, они не должны являться на призывные пункты, а должны передать их в канцелярию Союза металлистов в Берлине на Энгельуфер» [150]. Затем одна работница призвала рабочих Сименса, смотревших на демонстрацию из окон предприятия, присоединиться к бастующим.

Несколько позднее около двух тысяч рабочих «Сименс-концерна», которые между тем прекратили работу, собрались в «Клостергартене», однако благодаря вмешательству полиции демонстрация не состоялась. Только когда демонстранты дошли до Юнгфернгейде, они смогли свободно высказать свои мнения. На обратном пути шесть тысяч человек устроили демонстрацию за осуществление своих требований сначала в Шпандау, а затем в Моабите.

В то же утро полиция разогнала демонстрацию двух тысяч рабочих предприятий Шпандау. Однако рабочие не дали себя запугать и двинулись в Грюневальд, где и продолжалась демонстрация.

На многих больших площадях и в парках Берлина также происходили собрания бастующих рабочих. Около десяти часов 700 рабочих собрались перед рестораном «Зюд-Ост» на Врангельштрассе, 75. Вахмистр 49-го полицейского участка потребовал, чтобы они разошлись. Сомкнутыми рядами шли рабочие, численность которых между тем возросла до тысячи человек, к Трептов-парку, где на Лугу для игр и состоялась демонстрация. Один из рабочих выступил за продолжение решительной борьбы; теперь не может быть никакого отступления, так как движение непрерывно развивается.

---

[150] Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam; Rep. 30, Tit. 95, Sect. 7, Lit. A, Nr. 11b, Beiheft A, vol. 2, Blatt 219.

В ночь на 30 января забастовали печатники. Так, у Рудольфа Моссе прекратили работу триста рабочих, у Шерля — около ста фальцовщиков. Когда около полудня 30 января большое число бастующих собралось в Доме профсоюзов и на прилегающих улицах, многочисленный отряд полиции разогнал рабочих. В 14 часов пополудни органами власти был закрыт Дом профсоюзов, чтобы тем лишить рабочих огромного помещения для собраний. Функционеры профессионального союза могли проходить в здание только по пропускам, заверенным полицией.

В интересах всего немецкого народа группа Спартак обратилась к правительству со следующими требованиями: «немедленно сделать ясное и решительное заявление, как это уже сделано в России русским революционным правительством, о том, что Германия со своей стороны отказывается от всяких военных захватов и от возмещений военных убытков». В листовке, которая раздавалась на второй день стачки и содержала это требование, спартаковцы призывали рабочих к единодушным действиям. Требования рабочих могут быть осуществлены только в случае, «если народ возьмет свое дело в собственные руки» [151].

Листовки приглашали рабочих принять участие в демонстрациях, назначенных на 31 января в 10 утра в Фридрихсгейне, Гумбольдтгейне, Клейн Тиргартене, Шиллер-парке, на Хоенштауфенплац, Андреасплац, Бюловплац (ныне Люксембургплац), Шлосплац в Шарлоттенбурге и в Трептов-парке на Лугу для игр.

Шесть тысяч рабочих собрались на Андреасплац. Когда они запели боевые песни, то конная полиция «с саблями наголо», как сказано в донесении полиции, очистила площадь.

Многочисленное собрание бастующих рабочих в Гумбольдтгейне было рассеяно полицией, однако вскоре цепь полицейских была вновь прорвана. Когда конная полиция отправилась за подкреплением, рабочие разоружили одного из полицейских. Вслед за тем последовал приказ применить против бастующих силу оружия.

Александерплац полиция должна была неоднократно очищать, «применяя рубящее оружие». Команда 3-го полицейского участка действовала против четырехтысячной толпы бастующих, устроивших демонстрацию в Шиллер-парке. Командовавший лейтенант полиции обнажил оружие и, «вру-

---

[151] См. «Spartakus im Kriege», Berlin, 1927, S. 190, 193.

баясь в толпу, разгонял ее во всех направлениях», как он сам хвастался в своем донесении [152].

В Трептов-парке на Лугу для игр собрались многие тысячи рабочих. Эберт объяснял бастующим, что их долг — производить оружие. Кроме того, нужно сделать все, чтобы заключить мир, который был бы приемлем для германских империалистов. Высказывания Эберта вызвали «весьма резкие возражения», как показывал на Магдебургском процессе редактор буржуазной «Берлинер Тагеблатт» Франц Ленгофф, который присутствовал на демонстрации. Эберт вследствие протестов со стороны рабочих был вынужден перейти к вопросам, которые волновали рабочих. Тогда он нерешительно обратился к бастующим и заявил: «Ваши требования законны. Нужно сделать все, чтобы закончить войну, однако остерегайтесь столкновений с полицией и войсками, которые могут привести к кровавым последствиям. Сохраняйте спокойствие» [153].

Жалкая роль, которую играл на этом собрании Эберт, поразила даже редактора «Берлинер Тагеблатт». «У меня было впечатление,—говорил он на Магдебургском процессе,—что оратор был сильно подавлен, и его высказывания были совершенно бесцветны». Эберт должен был и сам хорошо чувствовать, «что между ним и собравшимися не было контакта... Эберт со своей речью на собрании не вызвал одобрения». Ленгофф утверждал, что «сам Эберт не проронил ни одного революционного слова» [154].

Рабочие еще яснее видели глубину пропасти, отделяющей их от Эберта, и, более того, они почувствовали, что Эберт ведет по отношению к ним нечестную игру. Об этом свидетельствовали возгласы «душитель стачки!» и «предатель рабочих!», неоднократно раздававшиеся по его адресу. Столяр Фриц Кинтер рассказывал, что Эберту кто-то крикнул: «пора наконец приступить к делу», так как тот говорил о чем угодно, но только не о стачке и не о задачах рабочих. «После речи Эберта для нас, собственно говоря, ничего не стало яснее. Он толковал о «нужде в продовольствии» и вообще хотел нас лишь успокоить» [155].

---

[152] Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam; Rep. 30, Tit. 95, Sect 7, Lit. D, Nr. 3a, Bd. 3.
[153] «Der Prozeß des Reichspräsidenten», S. 69.
[154] Ibid., S. 68—69.
[155] Ibid., S. 68.

В Моабите дело дошло до резкого столкновения между бастующими рабочими и полицией. В Юнгфернгейде утром 31 января собрались бастующие рабочие, чтобы двинуться шествием к Кроненбрауерей в Моабите. Когда демонстранты, число которых между тем возросло до более чем 10 тыс. человек, шли по Кайзерин-Аугуста-Аллее, направляясь к Клейн Тиргартену, против них выступила в полном составе команда VI полицейского участка и десять конных полицейских. Лейтенант полиции Кальмейер отдал «приказ врезаться» в ряды бастующих, которые расступились под жестокими ударами полицейских наемников. Когда затем из толпы бастующих раздался выстрел, офицер полиции отдал приказ стрелять. В 11 часов советник полиции Ацрот сообщил имперской канцелярии, «что на Кайзерин-Августа-Аллее произошла револьверная перестрелка. Все имеющиеся в распоряжении чиновники назначены в наряд». Немного спустя он сообщил, что полицейпрезидент Шарлоттенбурга Герцберг распорядился доставить на автомашине на место винтовки. Имперская канцелярия возложила на берлинского полицейпрезидента фон Оппена решение вопроса, «следует ли подтянуть войска» [156].

Рабочие вынуждены были отступить перед вооруженными и превосходящими их силами. Некоторые рабочие получили тяжелые пулевые ранения или ранения от сабельных ударов.

В 19 час. 45 мин. командующий войсками округа ввел более суровое осадное положение и назначил чрезвычайные военные трибуналы, которые 2 февраля 1918 года начали свою деятельность. Кроме того, было опубликовано «предупреждение», в котором он уведомлял, что «всякая попытка нарушения спокойствия или порядка будет подавляться всеми имеющимися в его распоряжении средствами» [157].

На следующий день были поставлены под контроль военных властей и предприятия военного снаряжения (DWM), предприятия Шварцкопфа, Борзига, АЭГ в Геннигсдорфе, «Аргус-Моторен-Гезельшафт» в Рейникендорфе, Компании Воздушного сообщения в Иоганнистале и заводы «Даймлер-Моторен» в Мариенфельде, рабочие которых получили приказ не позднее 7 часов утра в понедельник 4 февраля приступить к работе. Тот, кто не подчи-

---

[156] Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam; Rep. 30, Tit. 95, Sect. 7, Lit. D, Nr. 3a, Bd. 3.

[157] «Vossische Zeitung» vom 1 Februar, 1918.

нится приказу, будет наказан, согласно законам осадного положения, а военнообязанные, кроме того, будут призваны в армию.

Гнев бастующих рабочих обратился главным образом против работников трамвая Большого Берлина, которые не остановили движения, несмотря на неоднократные призывы к стачке, и, таким образом, заняли позицию, направленную против справедливых требований рабочих. 1 февраля в Лихтенберге в вагоне трамвая была найдена листовка, в которой говорилось: «Берлинские рабочие и работницы бастуют ради немедленного и демократического мира. Все, кто страдает от войны, присоединяйтесь к бастующим... Хотите ли вы стоять в стороне? Разве всех нас не гнетет война? Разве мы не хотим немедленного мира? Поэтому, коллеги, женщины и мужчины, не должно быть больше никаких колебаний и проволочек! Присоединяйтесь к стачке! Один за всех и все за одного» [158]. Когда же работники трамвая продолжали упорствовать, бастующие начали действовать сами. На многих участках трамвайной линии повреждались пути, провода отрезались от столбов, снимались рукоятки моторов, а иногда и опрокидывались прицепные вагоны. Полиция распорядилась, чтобы на задних площадках вагонов во время движения находились полицейские и наблюдали за порядком. На остановках также были расставлены полицейские посты, и все же в северной и восточной частях Берлина 31 января трамвайное движение против воли дирекции было приостановлено, потому что пассажиры боялись ездить трамваем. А так как с введением полицейской охраны на трамвайных линиях пропадали «ценные силы», могущие быть использованными против рабочих, то начальник VII отделения полиции предложил полицейпрезиденту «поставить на задние площадки трамвайных вагонов удвоенные посты из военнослужащих».

На предприятиях военной промышленности штрейкбрехеры также охранялись полицейскими. Как явствует из отчета начальника XI отделения полиции от 29 января, на предприятиях акционерного общества «Фриц-Вернер» 600 рабочих, продолжавших работать, «охранялись полицией».

Дирекция объединенного предприятия «Сименс-Шуккерт» обратилась 29 января к командованию округа с прось-

---

[158] Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam; Rep. 30, Tit. 95, Sect. 7, Lit. D, Nr. 3a, Bd. 3.

бой о присылке полицейских на заводы «Сименс-Шуккерт» и «Сименс-Гальске». Спустя несколько дней Вильгельм Сименс отправил телеграмму статс-секретарю министерства внутренних дел Валльрафу. Мимо его предприятия проходила демонстрация бастующих рабочих и требовала присоединения к ним рабочих Сименса. «Я прошу об охране желающих у нас работать и принятии энергичных мер против изменников родины, подстрекателей к стачке, а также против ораторов, выступающих на демонстрациях». «Крутые меры» подействуют «успокаивающе» [159].

В ответ на это начиная с 30 января с 6 до 8 часов утра вокзал Фюрстенбруннен и отрезок пути от Юнгфернгейде до Сименсштадта охранялись полицией, чтобы не могли «перехватить направляющихся на работу, чего опасалась дирекция предприятия Сименса» [160], доносил полицейпрезидент Шарлоттенбурга.

Все это не помешало большинству предприятий Сименса все же почти полностью приостановить работу, так как подавляющее большинство рабочих присоединилось к стачке.

Впрочем рабочие знали, как обезопасить себя от штрейкбрехеров. Например, на предприятиях военного снаряжения (DWM) часть машин была выведена из строя и не могла больше эксплуатироваться. На заводе одной фирмы на Принценштрассе был поврежден приводной ремень к машинам.

Некоторые крупные заводы из боязни перед выступлениями рабочих были поставлены под охрану военных частей. Так, городская электрическая станция в Шарлоттенбурге охранялась отрядом из восьми рядовых под командованием унтер-офицера. Около входов в Артиллерийские мастерские в Шпандау был расположен военный кордон. 31 января полицейпрезидент Берлина обратился в штаб гвардейского корпуса с просьбой «немедленно обеспечить военной охраной» все газовые заводы и электрические станции [161].

Использование войск предусматривалось не только для охраны промышленных предприятий, но и против самих бастующих рабочих. Военные власти отправили берлин-

---

[159] Deutsches Zentralarchiv, Potsdam; Akte Reichsamt des Innern, Nr. 12287.

[160] Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam; Rep. 30, Tit. 95, Sect. 7, Lit. D, Nr. 3a, Bd. 3.

[161] Ibid.

ской полиции подкрепление численностью в пять тысяч унтер-офицеров. 31 января полицейпрезидент Берлина довел до сведения командиров бригад и командиров районных подразделений следующее распоряжение: «Ввиду существующих в настоящее время исключительных обстоятельств я возлагаю ответственность за поддержание спокойствия и порядка, особенно в уличном движении, на командиров бригад и командиров подразделений. Там, где находящихся в их распоряжении сил будет недостаточно даже и при самом энергичном их использовании (на последнее я, конечно, рассчитываю), указанные командиры уполномочиваются своевременно запросить военную помощь через посредство ведающих этим командиров группы» [162].

Когда 2 февраля многие тысячи бастующих рабочих собрались для демонстрации в Шенхольцергейде, то командование округа — как это явствует из документов полицей-президиума — послало для разгона демонстрации пулеметную роту и, кроме того, держало наготове учебный пехотный батальон.

Даже кадровые отряды, предназначенные для полевой службы, были брошены в Берлин, как это можно видеть из донесения прусского министра внутренних дел Древса от 15 октября, направленного кайзеру, в котором Древс благодарил Вильгельма II «за предоставленные его величеством в распоряжение [прусского министерства.— *Ред.*) подвижные егерские батальоны» [163].

В случае если январская стачка приняла бы «серьезные формы», предполагалось использовать против рабочих крупные военные силы. В начале февраля штаб округа отдал следующее распоряжение гвардейскому корпусу, а также 3-, 4- и 5-му корпусам: «По телеграмме «Отражению стачки приготовиться» должны быть мобилизованы воинские части. Если далее последует телеграмма: «Отражение стачки», то следует уведомить линейную комендатуру, которая распорядится о подаче вагонов для перевозки людей в окрестности Берлина. Рядовые должны быть снабжены походным вооружением, с ручными гранатами, без противогазов. Если придет телеграмма: «Окружению приготовиться», то все воинские части выступают на заранее намеченные пункты... По

---

[162] Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam; Rep. 30, Tit. 95, Sect. 7, Lit. D, Nr- 3a, Bd. 3.

[163] Deutsches Zentralarchiv, Potsdam; Akte Reichsamt des Innern, Nr. 12287.

телеграмме: «Окружение», 3-, 4- и 5-й корпуса, стянутые для этой цели, двигаются на Берлин до черты города. Гвардейский корпус оказывает давление из центра города по направлению к окружной железной дороге, куда и оттесняет толпы людей». Командиры, которым только и был известен этот секретный приказ, должны были сурово действовать против бастующих и пустить в ход пулеметы [161].

Наряду с вводом войск и использованием полиции правящие классы применяли также еще и другие средства, чтобы подавить стачку. Причем монополисты и правительство действовали в тесном контакте друг с другом.

29 января директор фабрики в Берлин-Стеглице, Бергштрассе, 56, Франц Кюне, в паническом страхе перед мощью рабочих, предложил статс-секретарю по внутренним делам метод «быстрой ликвидации настоящей стачки». «Бастующие, — писал он, — представляют собой не только общественное зло, но и опасность в военном отношении [он имел в виду опасность в отношении продолжения войны. — *К. М.*], а именно опасность присоединения к стачке всех сторонников мира. Для быстрого и не возбуждающего внимания подавления настоящей стачки и для пресечения подобной страсти к забастовкам имеется надежный способ — немедленный призыв в армию этих неисправимых забастовщиков...» Для выявления классово сознательных рабочих он предложил органам власти опираться на донесения предпринимателей. «Совершенно незаметным образом, и лучше без предварительного запроса, можно выяснить имена, возраст, профессию и адреса бастующих рабочих и путем личного устного обращения доверенных гражданских лиц (не полицейских) непосредственно к владельцам предприятий или к дирекции... Автор этих строк, будучи по сие время председателем правления и директором фабрики, готов взять на себя это поручение в качестве доверенного лица» [165].

То, что при призыве в армию бастующих рабочих действовали именно по методу предпринимателя Кюне, следует из донесения командования округа за № 241049/22561. «Затронутые стачкой фирмы должны сообщать имена подстрекателей к стачке. Такие списки, поступившие в военное ведомство, должны быть немедленно переданы III АК [ар-

---

[164] См. «Spartakusbriefe», S. 176.

[165] Deutsches Zentralarchiv, Potsdam; Akte Reichsamt des Innern, Nr. 12287.

мейскому корпусу. — *К. М.*], отделу военных заводов, с просьбой о призыве названных людей, с отметкой в их паспортах, после того как предварительно в сомнительных случаях путем телефонного запроса или устных переговоров с фирмой будет установлена возможность обойтись без этих людей. Так как в военное ведомство с промышленных предприятий поступили сведения о том, что рабочие будто бы решили не подчиняться распоряжениям военных властей, то штаб корпуса просил дать указание командованию призывных участков в отношении лиц, которые не повинуются приказу о явке на призыв, немедленно при помощи полиции доставлять их на места и подвергать наказанию, согласно военным законам». В отношении доносов предпринимателей было лаконично замечено: «Метод оправдал себя» [166].

5 февраля полицейпрезидент сообщал министру внутренних дел: «Командование призывных участков теперь ежедневно призывает от 500 до 600 рабочих, участвовавших в забастовке и имевших до сих пор отсрочки». Однако он должен был отдать должное и сопротивлению рабочих: «Почти десятая часть из них не повинуется приказам о явке на призыв»[167].

Призванных бастовавших рабочих империалисты рассматривали исключительно как пушечное мясо. Штаб III армейского корпуса, расквартированного в Берлине, 7 февраля дал указание командованию I корпуса еще раз проверить документы прибывших туда солдат под условным наименованием «Берлин 1918», принимавших участие в стачке. «Чтобы лишить их возможности впоследствии получить бронь, а также лишить отпуска или увольнения, было испрошено разрешение военного министерства о внесении в их военные документы следующих отметок: «Призыв последовал, так как не были соблюдены условия для продолжения отсрочки!» Эта отметка должна быть проставлена в тех документах, в которых ее позабыли сделать. Кроме того, войсковым частям следует указать на то, что призванным рабочим не разрешаются отпуска и отказывается в бронировании их за промышленностью.

Штаб I армейского корпуса издал соответствующий приказ и сделал затем следующее распоряжение: «Людей по возможности скорее отправить для пополнения действую-

---

[166] Deutsches Zentralarchiv, Potsdam; Akte Reichsamt des Innern, Nr. 12287.

[167] Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam; Rep. 30, Tit. 95, Sect. 7, Lit. D, Nr. 3a, Bd. 3.

щих частей... Размещение их должно производиться по возможности так, чтобы изолировать их от других рядовых. Следует следить за поведением этих людей, никаких поручений, кроме строевой службы, им не давать, а также не разрешать им вплоть до особого распоряжения отпусков ни на родину, ни в город» [168].

По свидетельству правительственного чиновника Геннигера, штаб округа призвал на военную службу пятьдесят тысяч бастовавших берлинских рабочих. То, что рабочие оказывали сопротивление этим террористическим мероприятиям, подтверждает чиновник 1А отделения берлинского полицейпрезидиума Геннинг: «ежедневно арестовывают людей, которые уклоняются от явки на призыв» [169].

Исключительно метко охарактеризовал Карл Либкнехт влияние призыва на военную службу бастовавших рабочих на дальнейшую борьбу рабочего класса: «Отправка политически неугодных, прежде всего бастовавших рабочих, на фронт представляет для правительства всегда обоюдоострое оружие: таким образом переносится зараза на фронт. В известной мере это превращается в средство деморализации и дезорганизации армии, лучше которого мы не могли бы пожелать. Это должно также знать и главное командование или хотя бы догадываться об этом. Поэтому и ограничили применение этого средства, что снова затруднило правительству борьбу со стачками и что для нас, естественно, является не менее желанным» [170].

Господствующие классы пытались также подчинить рабочих при помощи чрезвычайных военных судов. Ежедневно происходили многочисленные аресты бастовавших рабочих. Из материалов берлинского полицейпрезидиума видно, что, например, за один день 31 января в уголовную полицию было доставлено 90 человек, причем дела большей части арестованных были переданы чрезвычайному военному суду, состоявшему из трех офицеров и двух юристов. Как обвинители, так и докладчики были офицеры. Приговоры, которые не подлежали апелляции и пересмотру, выносились немедленно на закрытых заседаниях и принимались большинством голосов. Все приговоры приводились в исполнение в течение 24 часов после их объявления.

---

[168] См. «Spartakusbriefe», S. 166—167.

[169] «Der Rrozeß dcs Reichspräsidenten», S. 52.

[170] Karl Liebknecht, Politische Aufzeichnungen aus seinem Nachlaß, S. 49.

Чрезвычайные военные суды заседали в первом этаже здания суда в Моабите, которое было оцеплено вооруженными солдатами.

2 февраля состоялся первый террористический процесс. Чрезвычайный военный суд III округа Берлина под председательством начальника окружного суда Гессе осудил токаря Генриха Шульце с фирмы «Бергманн» за то, что он утром 29 января на вокзале Берлин—Розенталь раздавал рабочим листовки. Офицер-истец требовал для обвиняемого каторжных работ сроком на один год. Суд приговорил обвиняемого к четырем месяцам каторжных работ, которые были заменены шестью месяцами заключения.

Даже Шейдеман был вынужден признать наличие террора в кайзеровской юстиции; выступая в рейхстаге, он сказал, что за один день 136 обвиняемых были приговорены к 146 годам заключения, 3 человека — в общей сложности к 30 годам каторжных работ и несовершеннолетние до 15-летнего возраста получили от 6 до 9 месяцев заключения.

Группа Спартак призывала бастующих рабочих держаться любой ценой и усилить борьбу против применения насильственных мер со стороны правительства. «В движении не должно быть никаких перерывов. Позаботимся о том, чтобы оно все больше ширилось, продолжим нашу борьбу! Не будем ждать, что Совет рабочих и его Комитет действия сделают за нас все. Счастье не падает с небес, оно — среди масс и может быть завоевано в непосредственной борьбе». Представители рабочих отдельных предприятий должны создавать в отдельных частях города комитеты для руководства движением. Рабочие милитаризированных предприятий не должны выполнять приказов главного командования, и все рабочие Берлина поддержат вас. «Рабочие, боевые товарищи! Мы должны разговаривать с реакцией по-русски! Долой войну! Долой правительство! Да здравствует борьба за мир, свободу, хлеб!» [171]

И наиболее сознательные, наиболее революционные рабочие продолжали бороться под руководством левых. Несмотря на угрозу тяжелых наказаний в случае, если в понедельник 4 февраля они не приступят к работе, в этот день, согласно донесению командования округа, продолжа-

---

[171] Sächsisches Landeshauptarchiv, Dresden; Akte Ministerium des Innern, Nr. 11073, Blatt 180.

ли бастовать 60 процентов рабочих милитаризированного завода «Аргус-Моторен-Гезельшафт» и 50 процентов милитаризированного предприятия, принадлежавшего акционерному обществу Шварцкопф. Также на предприятиях Даймлера, Сименса и Ауэра, по сообщению буржуазной газеты «Фоссише Цейтунг», 25 процентов рабочих не приступили к работе.

Большое число рабочих государственных мастерских в Шпандау и предприятий акционерного общества «Оренштейн и Коппель» оставили без внимания объявление, вывешенное рабочим комитетом в субботу вечером на заводских воротах, призывавшее считать забастовку оконченной и предлагавшее начать работу 4 февраля.

Командование округа 5 февраля сообщило, что на оружейных заводах на Обершпрее «бастует еще значительная часть рабочих» и что на других заводах еще не приступили к работе группы квалифицированных рабочих. Но так как стачка все-таки не получила поддержки народных масс, она была окончена 6 февраля.

Значительная доля ответственности за то, что стачка окончилась ничем, падает на правых лидеров социал-демократии. Благодаря их содействию стачка была удушена, что отвечало интересам юнкеров и монополистов. Карл Либкнехт заклеймил эту измену социал-шовинистов делу рабочего класса следующими словами: «Следуя австрийскому примеру [партийное руководство австрийской социал-демократии «перехватило» там стачку. — *К. М.*], но только еще ухудшив его в шейдемановском духе,— отвести от правительства поднятую для удара руку пролетариата и таким образом сделать стачку ударом в пространство — таково было их стремление, добровольно взятая на себя миссия à la Зубатов» [172].

Даже такие видные социал-демократы, как Шейдеман, должны были признать, что стачка была обоснованной, что германские империалисты хотели использовать мирные намерения Советского правительства для осуществления своих преступных планов. «На Востоке переговоры зашли в тупик. Крепнет убеждение, что эти трудности в довольно значительной степени нужно отнести за счет поведения немецких уполномоченных», — так весьма осто-

---

[172] Karl Liebknecht, Politische Aufzeichnungen aus seinem Nachlaß, S. 48.

рожно высказывался Шейдеман в своей книге «Катастрофа» («Der Zusammenbruch»). Он должен был также признать, что «положение трудящегося населения... сделалось просто невыносимым» [173].

Правые социал-демократы видели свою задачу не в том, чтобы поддержать массы, которые поднялись против империалистов, а в том, чтобы устранить нежелательные для буржуазии последствия революционных выступлений рабочих.

Когда 16 января 1918 года объявил забастовку австрийский пролетариат, Эберт осмелился заявить в комитете рейхстага, что «социал-демократическая партия приветствует выступление рабочего класса Австро-Венгрии и заявляет, что она во всем с ним солидарна. Мы заявляем во всеуслышание, что немецкий рабочий класс также решился употребить свои последние силы на то, чтобы заставить отказаться от требований аннексионистов и добиться справедливого мира» [174].

В этом высказывании не было ни одного искреннего слова. Эти фразы нужны были исключительно для того, чтобы придать лидерам социал-демократической партии «революционную видимость» и вернуть потерянное ими доверие рабочего класса. Эти разоблачения сделал защитник Эберта на Магдебургском процессе правый социал-демократ Ландсберг: «Если тогда Эберт и приветствовал выступление австрийских рабочих, то, господа, ведь международные отношения требуют известной вежливости!» [175]

Насколько правым социал-демократам было необходимо произнесение этих революционных фраз, свидетельствует упомянутое выше донесение штабу армии в Берлин: «Из встречи с неоднократно упоминавшимися депутатами рейхстага шейдемановского направления я узнал еще, что обсуждение избирательного закона в палате депутатов вызывает у официальных лиц немецкой социал-демократии сильные опасения. Они боятся, что значительный отход от них масс сделается еще более угрожающим, если избирательная реформа не пройдет гладко». Чтобы массы рабочих не предприняли своих собственных энергичных действий, «левое

---

[173] Philipp Scheidemann, Der Zusammenbruch, S. 67—68.

[174] «Der Prozeß des Reichspräsidenten», S. 155.

[175] «Der Ebert-Prozeß und der Verrat an den deutschen Arbeitern» S. 20.

крыло официальной социал-демократии склоняется к уличным демонстрациям мирного характера, против чего, дабы не испортить отношений с правительством, возражает более сильное правое крыло. Более благоразумный центр считал подобные демонстрации бесперспективными потому, что вопрос об избирательном праве недостаточно зажигающе действует на массы»[176]. Январская стачка доказала справедливость этой оценки масс «благоразумным центром!» Не избирательная реформа, а окончание войны, поддержка Советской республики и далеко идущие демократические права — таковы были требования масс.

Когда движение с первых же своих шагов приняло массовый характер, правые социал-демократы были вынуждены оказывать воздействие на стачку, «чтобы не испортить отношений с правительством» и оправдать доверие к ним империалистов.

Еще 28 января, когда бастовали сотни тысяч рабочих, «правительственные социалисты» уже начали прибегать к отвлекающим маневрам. В 20 часов в Народном доме в Шарлоттенбурге Пауль Гирш выступил с речью о «борьбе за прусское избирательное право», на которую было разослано много приглашений. Собрание окончилось полной неудачей. Вместо ожидаемых «масс» присутствовало всего 150 человек, как это явствует из донесения полиции.

После заседания Совета рабочих социал-демократические функционеры спешно отправились на совет в правление партии по поводу того, как обойти решение рабочих не вводить в руководство стачкой «правительственных социалистов». Они совещались с Эбертом, Шейдеманом, Брауном и Германом Мюллером. Члены правления партии еще раз подтвердили, «что стачка началась без какого-либо участия партии или профессиональных союзов»[177]. Чтобы провести правых социал-демократов в стачечный комитет, они договорились, что вопрос будет вновь поставлен в Совете рабочих. С помощью центристов Эберт, Шейдеман и Браун вошли в стачечный комитет.

Для какой цели это делалось, Эберт объяснил на Магдебургском процессе: «Я вошел в стачечный комитет с определенным намерением — скорее окончить стачку и спасти

---

[176] Sächsisches Landeshauptarchiv, Dresden; Akte Ministerium des Innern, Nr. 11073, Blatt 155a.

[177] См. Philipp Scheidemann, Der Zusammenbruch, S. 70.

страну от убытков... Я могу с уверенностью сказать, что руководство социал-демократической партии в вопросе о стачке рабочих военно-промышленных предприятий внутренне разделяло ту же точку зрения, которую оно открыто защищало, а именно — осуждение этой стачки» [178].

Эберт клялся, что в течение всей войны он был «противником стачки рабочих военной промышленности», что стачка началась без «участия и без согласия социал-демократической партии», что он «ни прямо, ни косвенно не участвовал в подготовке стачки» и что все его усилия были направлены к тому, чтобы «путем переговоров с правительством попытаться возможно скорей положить ей конец» [179].

Функционер социал-демократической партии Вушик ответил утвердительно на вопрос защитника социал-демократической партии Гейне: хотели ли правительственные социалисты «помешать тому, чтобы стачка стала делом только спартаковцев, потому что тогда усиливалась опасность ее распространения, в то время как эта опасность уменьшалась, если с ней были связаны и социалисты, принадлежавшие к большинству» [180].

Однако еще задолго до 1924 года стали известны намерения лидеров правых социал-демократов; уже в 1918 году органы власти знали о целях и методах, которые Эберт и Шейдеман преследовали и применяли в январской стачке. Из доклада о стачке, который прусский министр внутренних дел Древс составил для кайзера, можно видеть, что правые социал-демократы уже тогда заявляли представителям правительства, что «стачки они не хотели и теперь принимают в ней участие через своих руководителей, входящих в стачечную организацию, только для того, чтобы предотвратить эксцессы» [181]. Полицейпрезидент Берлина 6 февраля охарактеризовал «последующее вступление в стачку правых социал-демократов как партийно-тактический маневр» [182].

Во-первых, социал-шовинисты своим участием в стачечном комитете хотели вернуть утраченное ими влияние на рабочий класс, а во-вторых, искусным и быстрым оконча-

---

[178] «Der Prozeß des Reichspräsidenten», S. 21—22.
[179] Ibid., S. 18—19.
[180] Ibid., S. 47.
[181] Deutsches Zentralarchiv, Potsdam; Akte Reichsamt des Innern, Nr. 12287.
[182] Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam; Rep. 30, Tit. 95, Sect. 7, Lit. D, Nr. 3a, Bd. 3.

нием стачки сохранить расположение правящих классов, по поручению которых они действовали.

Магдебургский процесс ясно показал, что между правыми социал-демократами и предпринимательскими кругами существовала тесная связь. Как сообщил будущий директор берлинского отделения акционерного общества «Бреннштоф» Фриц Бролат, он утром 28 января в качестве уполномоченного одной фирмы в Вейсензее имел беседу с «Эбертом и Шейдеманом о создавшемся положении». Он рассказал, далее, что они, подобно представителям крупных фирм, стремились войти в стачечный комитет, чтобы предотвратить несчастье» [183].

За свой первый успех социал-шовинисты удостоились большой похвалы буржуазии. «Берлинер Бёрзенцейтунг» в своем утреннем выпуске от 30 января констатировала, что правые вожди социал-демократии, «несомненно», понимали «серьезность положения», и «нужно признать также, что все, что было до сих пор сделано этими кругами, создает впечатление, что вожди этой части немецкого рабочего класса и в дальнейшем будут действовать в соответствии с большой лежащей на них ответственностью».

Предатели рабочего класса типа Эберта и К° оказались вполне достойными доверия, которое им оказывала буржуазия. Уже на первом заседании стачечного комитета, которое состоялось 28 января, Эберт потребовал, чтобы комитет был составлен на паритетных началах, так как в нем были представлены также рабочие, принадлежавшие к независимой социал-демократической партии. Кроме того, он выступил за обсуждение требований, выставленных стачкой, ибо они не соответствовали тому, что казалось нужным правым социал-демократам. Он «категорически» заявил, что «одни из этих требований, особенно политические, должны совсем исчезнуть, а другие должны быть иначе сформулированы» [184].

Шейдеман немедленно установил связь с статс-секретарем Валльрафом и просил его принять делегацию, в состав которой входило по два депутата от социал-демократической и независимой социал-демократической партий и пять рабочих. На следующий день он сообщил стачечному комитету, который заседал в Доме профсоюзов, что Валльраф хо-

---

[183] «Der Prozeß des Reichspräsidenten», S. 48.
[184] Ibid., S. 45.

чет вести переговоры только с уполномоченными, но не с рабочими.

В 12 часов Шейдеман, Гаазе и двое рабочих отправились в имперское министерство внутренних дел. Валльраф велел им объявить, что они будут приняты, но без рабочих. Принимая во внимание настроение среди рабочих, Шейдеман и Гаазе не могли на это согласиться, но так как они не хотели возвратиться ни с чем, то заверили Валльрафа, «что депутация не имеет в виду обсуждать с ним политические вопросы, а только хочет сообщить о впечатлении, которое произвело запрещение собраний» [185].

Но этим заявлением они ничего не достигли, потому что командующий округом Кессель еще раз обратился к Валльрафу с просьбой поддержать свой престиж и не вести переговоров со стачечным комитетом. Войска ведь стоят наготове. Кроме того, власти могут положиться на Эберта, который пользуется их особым расположением. Когда слепые в своей ярости милитаристы из высшего командования округа хотели призвать Эберта на военную службу и удалить его из Берлина, то «правительство запретило это, ссылаясь на общеполитические причины», как сообщал об этом правительственный чиновник Геннигер [186].

Рабочие, которых озлобило поведение по отношению к ним Валльрафа, требовали усиления борьбы. Тогда «понадобилось все хладнокровие и исключительная рассудительность» социал-шовинистов, входивших в стачечный комитет, «чтобы избежать опрометчивых решений», объяснял Шейдеман [187].

Стачечный комитет, хотя его деятельность и была уже запрещена военными властями, собрался утром 30 января в зале ожидания 2 класса на вокзале на Фридрихштрассе, а вечером продолжил свои заседания в Трептове. Были заслушаны «сообщения Комитета действия Совета рабочих», в которых стачечный комитет призывал в ответ на отказ Валльрафа вести переговоры с рабочими «к твердости и сплоченности» и лицемерно провозглашал: «Движение должно принять такой сильный размах, что правительство согласится с нашими законными требованиями» [188]. Это не означало, что

---

[185] Philipp Scheidemann, Der Zusammenbruch, S. 72.
[186] См. «Der Prozeß des Reichspräsidenten», S. 51.
[187] Philipp Scheidemann, Der Zusammenbruch, S. 79.
[188] См. Richard Müller, Vom Kaiserreich zur Republik, Bd. I, S. 205.

он стремился осуществить требования бастующих рабочих, он хотел всего лишь согласия правительства начать переговоры с право-социалистическими и центристскими членами Комитета действия, чтобы таким путем дезориентировать рабочих, а во время переговоров получить также возможность посовещаться о возможности удушения стачки.

Затем социал-шовинисты предложили пригласить представителей Генеральной комиссии профессиональных союзов Германии, чтобы облегчить переговоры с правительством и ускорить окончание стачки, что было отклонено рабочими. После этого правые социал-демократы прибегли к следующему трюку: Шейдеман сложил свои полномочия в стачечном комитете, а правый социал-демократ Бауэр занял его место. Бауэр в то же время был вторым председателем Генеральной комиссии профессиональных союзов и позаботился о том, чтобы еще несколько секретарей реформистских профсоюзов вошло в стачечный комитет.

На вечер 30 января в Берлин были вызваны все члены комитета социал-демократической партии. Как сообщала «Фоссише Цейтунг» от 31 января, комитет обсуждал вопрос «о выработке своей собственной программы, которая должна была явиться подходящей основой для переговоров с правительством. Главным в этой программе было сокращение внутреннеполитических требований и акцентирование внимания на всех высказанных бастующими рабочими пожеланиях неполитического характера».

В одной резолюции между прочим социал-демократы сделали следующее заявление: «Настоящее стачечное движение не направлено против обороны страны». Благодаря их вхождению в стачечный комитет «было дано верное поручительство в том, что движение будет держаться в определенных границах и скоро окончится, не принеся вреда». Однако правительство сделало большую ошибку. Социал-демократическим лидерам было бы легче затормозить движение, если бы не запретили стачечный комитет. «Следствием этого было то, что стачка, лишенная всякого порядка и контроля, подобно взрыву, захватывала все новые группы и перебрасывалась во все новые места». Правительство должно было объявить о своей готовности вести переговоры, так как в результате отсутствия у него «политической прозорливости» могла пострадать оборона страны [189].

[189] См. Friedrich Ebert, Schriften, Aufzeichnungen, Reden, Bd. II, S. 55–57.

На многолюдном собрании в Трептов-парке, состоявшемся днем 31 января, Эберт, как уже было сказано, убедительно призывал «к спокойствию и сознательности». Но он не смог, как объяснял он сам на Магдебургском процессе, потребовать, чтобы рабочие приступили к работе. «При том возбуждении, которое тогда господствовало среди бастующих, я не мог этого сделать. Если бы я это сделал, то я бы подлил только масла в огонь» [190].

На вопрос, поднятый собравшимися в парке рабочими, должны ли они выполнять приказы о явке на призыв, отданные в порядке репрессий, Эберт ответил утвердительно. Предложение группы Спартак в виде протеста правительству не повиноваться приказам о явке на призыв Эберт отклонил, заметив: «подобного совета я бы никому не дал» [191]. Вместе со своими единомышленниками из правления партии он держался того мнения, что «следует решительно противодействовать стремлению не подчиняться приказам о явке на призыв, если оно обнаружится» [192].

Однако, чтобы обеспечить социал-шовинистам большее влияние на массы, имелась договоренность с властями, что приказы о явке на призыв могут быть отменены в тех случаях, если этого пожелает партийное руководство. Так, директор предприятия Лингнера Зихлер, который в то время был начальником отдела военно-экономического штаба, находящегося в ведении военного министерства, обещал Эберту «отменять штрафные приказы о явке на призыв, если ему будут указаны такие случаи» [193].

Во второй половине дня 31 января в связи с «переговорами по экономическим вопросам» между социал-демократами, членами Генеральной комиссии Бауэром и Шмидтом, и рейхсканцлером произошел обмен мнениями «относительно той базы, на которой могли бы происходить переговоры», как это сказано на странице 9 Отчета правления социал-демократической партии Германии о стачке, предназначавшегося только для доверенных лиц партии [194]. Бауэр и Шмидт еще раз заверили рейхсканцлера, что «социал-демократическая партия не является сторонницей стачки, а приняла в

---

[190] «Der Prozeß des Reichspräsidenten», S. 21.
[191] Ibid., S. 46.
[192] Ibid., S. 62.
[193] Ibid., S. 120.
[194] См. Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam; Rep. 30, Tit. 95, Sect. 7, Lit. D, Nr. 3a, Bd. 3.

ней участие лишь для того, чтобы не допустить до худшего [195]. Гертлинг высказал готовность вести официальные переговоры со стачечным комитетом, если будет привлечена также Генеральная комиссия, чтобы гарантировать преобладание социал-шовинистов.

Вечером был поставлен об этом в известность стачечный комитет. В то время как вожди независимой социал-демократической партии воздержались от высказывания своего мнения, часть революционных старост, которые входили в стачечный комитет, отклонили это предложение. Выступая в последующей за этим дискуссии, «правительственные социалисты» предрекали стачке «ужасный конец», а Гаазе объявил переговоры наилучшим способом разрешения вопроса. Рабочие, однако, составляли большинство и голосовали против компромиссных предложений функционеров обеих партий.

Собственно говоря, социал-шовинисты хотели в этот же день начать действовать «самостоятельно», но они узнали об обострении стачки и о готовящихся энергичных выступлениях, которых требовали рабочие. Это послужило для них поводом еще раз посетить заседание стачечного комитета на Лотарингерштрассе (ныне Вильгельм Пик-штрассе), потому что они, «во всяком случае, не хотели допустить подобных вещей» [196].

На следующий день они получили указание перейти к более энергичным действиям против бастующих рабочих. Буржуазия считала, что стачку давно пора кончить, поэтому она и вызвала события 31 января. Правые социал-демократы, казалось ей, действуют недостаточно активно в смысле удушения стачки. Открыто и недвусмысленно буржуазия требовала в одном из своих органов, а именно в «Фоссише Цейтунг», более энергичных действий от Эберта и Шейдемана: «В настоящее время мы требуем от официальных руководителей социал-демократии и от правлений профессиональных союзов, чтобы они разъяснили массам свою точку зрения. Теперь они должны оправдать то доверие, которое правительство оказывало им в течение всей войны. Правительство... должно воспользоваться услугами партийных инстанций, вместе с которыми оно до сих пор успешно сотрудничало. Мы не сомневаемся в том, что таким путем этот

---

[195] «Der Prozeß des Reichspräsidenten», S. 82.
[196] Ibid., S. 88.

эпизод со стачкой скоро превратится в одно из многих маленьких недоразумений, которые уже неоднократно случались во время мировой войны».

Те, к кому были направлены эти слова, приняли их близко к сердцу. Уже на следующий день в «Форвертс» правые социал-демократы открыто высказались против решительной борьбы рабочих. «Рабочее население должно проявлять исключительное самообладание», — требовал орган социал-шовинистов. Важнейшей задачей является забота о том, «чтобы события последних дней окончились благополучно» и «не привели к внутренней дезорганизации и гражданской войне».

Эберт и Шейдеман немедля поспешили к рейхсканцлеру и к его статс-секретарю Валльрафу, чтобы обсудить с ними вопрос об окончании стачки. 2 февраля к ним присоединились Гаазе и Ледебур.

Руководители социал-демократической и независимой социал-демократической партий хотели на заседании стачечного комитета вынести решение вопроса об окончании стачки. Но рейхсканцлер обещал разрешить проведение этого заседания лишь при условии, что депутаты дадут ему гарантию в том, что стачка действительно будет окончена.

Так как предатели рабочего класса не были уверены в успехе своего дела, то 3 февраля они, не проводя этого заседания, сами отдали приказ о том, чтобы на следующий день приступить к работе. Большинство рабочих, которое хотя несколько и разобралось в предательской деятельности правых социал-демократов, а также руководства независимой социал-демократической партии и было совершенно не согласно с окончанием стачки, с другой стороны, все же еще не полностью осознало свои силы и оказалось под влиянием запугиваний правительства, угрожавшего применением террористических мер, поэтому 4 февраля работа возобновилась, в чем снова ощутительно дало себя знать отсутствие крепкого, целеустремленного руководства, отсутствие марксистской боеспособности партии.

Поэтому также были обречены на неудачу и усилия революционного ядра берлинского рабочего класса, руководимого группой Спартак, продолжавшего еще в течение двух дней свою борьбу.

Шейдеман бесстыдно похвалялся изменой социал-шовинистов: «Если январская стачка не привела к катастрофе, то это случилось, конечно, не благодаря образу действий тог-

дашних «правителей» [197]. Существовала «опасность полной катастрофы и наступления русских событий», сказал он на Магдебургском процессе. «Благодаря нашему участию стачка быстро окончилась и все вошло в свою колею» [198].

При подавлении стачки «правительственные социалисты» действовали в тесном сотрудничестве с руководителями реформистских профессиональных союзов, которые заявляли в своем печатном органе «Корреспонденцблатт...», что они были «чужды» движению. «Профессиональные союзы снимают с себя всякую ответственность как за возникновение стачки, так и за ее дальнейшее развитие», так как она представляла собой угрозу для дела обороны страны.

Вместе с правыми функционерами социал-демократов лидеры правых профсоюзов также не пожалели усилий, чтобы направить стачку по «правильному пути». Правда, они могли при этом применять лишь «конспиративные» методы, договариваться за спиной рабочих с правительством, выдвигая при этом вперед своих сообщников, ибо «авторитетное и дальновидное высшее профсоюзное руководство» «на собраниях бастующих рабочих» должно «выступать в роли советчика», иначе можно «легко подвергнуться опасности испортить к себе отношение или быть осмеянным», как совершенно правильно утверждается в отчете, составленном «Бюро социальной политики», предназначавшемся только для правительственных учреждений [199].

1 февраля конференция правлений профсоюзов решила «закончить стачку достойным образом» [200].

Руководители профессиональных союзов оказали поддержку, во-первых, Эберту и Шейдеману, которые возражали в стачечном комитете против предложений усилить борьбу, которые направили движение по неправильному пути и вошли в сговор с правительством против рабочих, и, во-вторых, германским империалистам, мобилизовавшим свои войска против массового движения пролетариата, тем, что запретили выдачу стачечного пособия.

То, что руководство христианских профсоюзов и Объединения германских производственных союзов резко вы-

---

[197] Philipp Scheidemann, Der Zusammenbruch, S. 79.
[198] «Der Prozeß des Reichspräsidenten», S. 89.
[199] «Die Ursachen des Deutschen Zusammenbruchs im Jahre 1918», Fünfter Band, S. 105.
[200] Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam; Rep. 30, Tit. 95, Sect. 7, Lit. D, Nr. 3a, Bd. 3.

ступило против стачки, было ясно само собой. Так, указанное Объединение пыталось «предостеречь» берлинских рабочих от стачки, ссылаясь на то, что стачка не приблизит конец войны, а удлинит ее в интересах врага. «Поэтому каждый должен спокойно стоять на своем посту и продолжать работать, как и прежде, не обращая внимания на листовки и воззвания... Чтобы ни случилось, оставайтесь на работе» [201]. Об этом можно было прочесть в листовке, которую Объединение выпустило 29 января в то время, когда уже бастовало полмиллиона человек.

Подобные же аргументы приводило и правление Всеобщего союза христианских профсоюзов, которое отвергло предложение русских рабочих и крестьян о мире без аннексий и контрибуций, так как Германия-де должна искать себе возмещений на Востоке, ибо Западные державы требуют у нее Эльзас-Лотарингию! Отношение правления к вопросу о мире и к реформам дает ему право — так было заявлено 30 января — «самым решительным образом осуждать нынешние стачки и противодействовать им», так как они являются безответственным занятием, направленным против продолжения войны. Правление ожидало от членов союзов, «что они повсюду будут противодействовать стачкам и приложат все усилия, чтобы сохранить в целости военную экономику» [202]. Простые рабочие, входившие в христианские союзы, думали, однако, иначе, чем правление их союзов. Их не интересовало сохранение военной экономики, но очень интересовало окончание войны, и поэтому значительное число их присоединилось к бастующим. В объединенный фронт буржуазии, правых лидеров социал-демократии и профсоюзов, направленный против рабочего класса, включились также и центристские функционеры независимой социал-демократической партии Германии.

10 января парламентская фракция независимой социал-демократической партии спешно выпустила листовку, которая после ожесточенных споров была подписана всеми членами фракции. Так как «единственная их трибуна» для «бичевания» планов империалистов — рейхстаг — был закрыт, то они и хотели — что можно видеть из листовки — протестовать против аннексии русских областей посредством «мощной демонстрации трудящегося населения». Как

---

[201] Ibid.
[202] «Vossische Zeitung», Abendausgabe, vom 31 Januar 1918.

должна была выглядеть эта демонстрация, центристы не пояс-няли. В столь же неясных выражениях призывали они поднять «голос» за демократический мир.

Начальник берлинского полицейпрезидиума Оппен очень метко охарактеризовал листовку центристов, когда он 6 февраля в своем отчете о стачке министру внутрен-них дел писал: «Правда, господа руководители старались обеспечить себе путь к отступлению, а ответственность за происходящее переложить с себя на массы». Примечательно его утверждение, что листовки, которые издавала группа Спартак, «были значительно более внятными» [203].

Насколько безобидной считали правящие классы бол-товню центристов, явствует из заключения главного проку-рора имперского суда. «Содержание листовки само по себе ненаказуемо»,— говорится в протоколе разбираемого в суде дела одного жителя Дрездена, который распространял эту листовку и был за это арестован. Главный прокурор прек-ратил дело против него.

Уже по одной этой листовке можно судить о неясной, колеблющейся позиции вождей независимой социал-демо-кратической партии. Их тайная измена делу рабочего класса превратилась в явную, когда они вошли в Комитет действия берлинского Совета рабочих. Здесь у них—как уже было показано — нашлось с правыми социал-демократами об-щее дело. Они пытались использовать всякий повод, чтобы помешать вынести решения об активных действиях, и стара-лись парализовать рабочее движение. Своим поведением они нанесли удар в спину рабочим. Дитман, один из вож-дей социал-демократической партии, который входил в стачечный комитет, заявил на Магдебургском процессе, что депутаты независимой социал-демократической партии, точно так же, как и правые социал-демократы, хотели «как можно скорее» договориться с правительством, чтобы окончить стачку. Он самым решительным образом отклонил утверждение председателя суда о том, что якобы в речи, с которой он выступил вслед за Эбертом 31 января в Трептов-парке, он призывал бастующих рабочих держаться и даль-ше. «Это противоречило бы всем моим убеждениям и за-даче, которую я себе ставил на собрании» [204].

---

[203] Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam; Rep. 30, Tit, 95. Sect. 7, Lit. D, Nr. 3a, Bd. 3.

[201] «Der Prozeß des Reichspräsidenten», S. 36.

Центристы приняли участие в стачке не для того, «чтобы каким-либо образом что-либо предпринять против правительства, а чтобы задержать приближение надвигавшейся катастрофы, которая произошла в Германии полгода спустя... Мы хотели направить движение по правильному пути и избежать насильственных действий» [205].

«Революционные» руководители независимой социал-демократической партии действовали рука об руку с социал-шовинистами, против которых они так резко выступали на словах! Тысячу раз был прав Ленин, когда он их называл лакейскими душами, доктринерами, трусами, прихвостнями буржуазии, мнимыми революционерами, которыми они и были в действительности.

Революционные старосты высказались за стачку 28 января, чтобы добиться демократического мира. Они не представляли собой какой-либо особой партии или профсоюзной организации, а являлись просто группой квалифицированных мастеров своего дела, занимавших ключевые позиции в военно-промышленных предприятиях, и стояли в оппозиции к правым социал-демократам и их политике «гражданского мира». Участие их в стачке послужило примером для многих рабочих, тем самым они способствовали привлечению значительной части рабочих, и в этом была их заслуга.

Но революционные старосты не имели никакой структурно оформленной организации и никакой программы, содержащей революционные перспективы. Они не признавали мобилизации масс посредством революционных боевых выступлений, путем развития их революционного порыва и отказывались от использования опыта Великой Октябрьской социалистической революции, даже больше того, они часто мешали революционному развитию рабочего класса.

И не удивительно, что центристы приобретали все большее влияние на революционных старост. Только этим и можно объяснить то, что они вместе с Гаазе — Ледебуром и Эбертом — Шейдеманом, с которыми они входили в стачечный комитет, требовали приступить к работе 4 февраля.

События в Саксонии

Пролетариат Саксонии также объявил забастовку, чтобы бороться за мир без аннексий и контрибуций, предложенный

---

[205] «Der Prozeß des Reichspräsidenten», S. 36—37.

Советским правительством, и выразить свою солидарность с русскими рабочими и крестьянами.

29 января более 500 рабочих военно-промышленных предприятий Галле и Аммендорфа объявили забастовку. Движение быстро ширилось. На следующий день уже 17 предприятий остановили работу. «Милитаризировать предприятия»,— лаконично сказано в сообщении штаба IV армейского корпуса от 30 января. В тот же день из 500 рабочих сталелитейного завода «Гунгер» в Пирне 450 присоединились к забастовке, в Дёлене — 900 человек со сталелитейного завода и 200 человек с завода военного снаряжения фирмы «Куцшер» в Дейбене.

Рабочие Дёлена встретились 31 января в гостинице «Саксонский волк» с рабочими Дейбена, к которым присоединились бастующие с сигаретной фабрики Штарке. Около 9 час. 30 мин. утра функционер профессионального союза Бах из Потшаппеля открыл собрание. Он предложил создать бюро, в которое были выбраны Пинкерт, член рабочего комитета сталелитейного завода в Дёлене, рабочий Урбан с того же завода и в качестве секретаря — рабочий Шейнпфлуг от фирмы «Куцшер». Бах сообщил, что 30 января в Плауене «огромные массы рабочих объявили о своей солидарности с одновременно бастующими товарищами в других частях Германии». Первоначально «руководство союза отвергло всякие переговоры с ними». Однако руководители реформистских профсоюзов в Саксонии быстро поняли, что допустили ошибку, и дали Баху указание перестроиться, чтобы приобрести влияние на движение.

31 января он уже заявил, что готов «настаивать на дальнейшем проведении стачки» [206].

В качестве программы бастующие рабочие единодушно приняли требования берлинских рабочих. Они решили образовать комиссию из десяти рабочих для передачи этих требований правительству. Один рабочий выступил против предложения ввести в комиссию также представителей профсоюзов и руководства социал-демократической партии Германии, так как они «должны быть выбраны непосредственно широкими массами» [207]. Каждый завод должен был направить в комиссию одного рабочего и одну работницу.

---

[206] Sächsisches Landeshauptarchiv, Dresden; Akte Ministerium des Innern, Nr. 11073, Blatt 35.

[207] Ibid., Blatt 35.

Во время собрания рабочий кожевенной фабрики в Дейбене Зоре передал бастующим рабочим изъявление солидарности от их коллег, которые хотели начать забастовку с полудня.

Когда один пораженец со сталелитейного завода назвал стачку «диким содомом» и рекомендовал выжидать, то против него выступил рабочий Кёлер и потребовал безоговорочной поддержки стачечного движения. «Наше главное требование направлено против правительства, которое проводит программу завуалированной аннексии»,— заявил он под аплодисменты бастующих рабочих.

Посредством демагогии правые социал-демократические лидеры добились того, что их представители вошли в комиссию, в которую, кроме двух делегатов от социал-демократической партии и независимой социал-демократической партии, были выбраны по два рабочих от сталелитейного завода и фирмы «Куцшер» и по одному представителю от фирмы «Штарке и Шнейдер».

1 февраля комиссия обратилась со своими требованиями к министру внутренних дел, который отказал им в приеме, «так как правительство не может входить в обсуждение подобных требований с частными лицами, а только лишь с чиновниками отдельных германских земель, призванными решать эти вопросы и избранными конституционным путем» [208].

Предприниматели не оставили без внимания ни одного средства, чтобы удержать рабочих от забастовки. Так, например, они пытались заставить рабочих продолжать работу при помощи подкупов. О подобной практике предпринимателей и реакции на нее рабочих можно судить на примере фирмы «Зингевальд и К⁰» в Лейпциг-Лейцше.

Здесь рабочий комитет, членами которого главным образом были женщины, выступил за стачку. В разговоре, происходившем перед началом стачки между председателем комитета рабочих токарем Паулем Вернером и предпринимателем Зингевальдом, последний предложил рабочим, используя их тяжелое материальное положение, десятипроцентную надбавку к заработной плате. «Я это сделал для того, чтобы избежать стачки» [209],— объяснил он полиции. Но токарь Вернер ответил, что стачка является проте-

---

[208] Sächsisches Landeshauptarchiv, Dresden; Akte Ministerium des Innern, Nr. 11073, Blatt 47.

[209] Deutsches Zentralarchiv, Potsdam; Akte Oberreichsanwalt, Nr. 2122, Blatt 5.

стом против войны и что бастующие требуют немедленного заключения мира. На общем собрании рабочих всего завода Вернер убедил рабочих в необходимости стачки и отказа от предложения предпринимателя. Из 230 рабочих только 25 продолжали работу, остальные присоединились к стачке.

Зингевальд поспешил донести на Вернера. Председатель комитета рабочих был тотчас же арестован. Его место на фабрике освободилось, и дирекция дала в различные газеты объявления. Однако металлисты знали, что значит солидарность, и никто не явился к Зингевальду.

Этот хвастливый «герой» испытывал большую нужду в рабочей силе, ведь и на другие свободные места у него не было подходящих кандидатов; его производство от этого страдало, главное же страдали его прибыли. А так как последние ему были дороже, чем его «отечество» или «оборона страны», то он 20 марта 1918 года написал главному имперскому прокурору письмо, в котором утверждал, что обвиняемый Пауль Вернер все же очень квалифицированный токарь, и робко признавал, что «для нас самих было бы неприятно, если бы токарь Пауль Вернер был от нас сейчас взят». Он просил о прекращении дела Вернера и выразил надежду, что тогда он, «вероятно, сможет снова найти себе рабочих»[210]. Господин главный имперский прокурор не смог, конечно, не внять таким убедительным аргументам и 9 апреля прекратил дело Вернера.

31 января около 10 час. 30 мин. утра объявили забастовку 1000 рабочих немецких авиационных заводов в Лейпциг-Линдентале. Это было тяжелым ударом для империалистов. Штаб XIX армейского корпуса в 12 час. 30 мин. поставил завод под военный надзор. Несмотря на это, рабочие бастовали до следующего дня. И даже позднее часть из них не дала себя запугать юнкерам. 180 рабочих не приступили к работе еще и 1 февраля.

Милитаризация немецких авиационных заводов должна была явиться предостережением для остальных бастующих рабочих. «В заинтересованных кругах промышленников распространился слух, что таким образом можно будет избежать всеобщей стачки»,— доносило саксонское военное министерство министерству внутренних дел в Берлин. «Можно также, имея в виду здешние настроения, надеяться,

---

[210] Ibid., Blatt 37.

что благодаря этому стачечное движение, начавшееся в Лейпциге, будет в значительной степени подавлено» [211].

Но империалисты заблуждались; стачечное движение в Саксонии росло. В области, входящей в компетенцию штаба XIX армейского корпуса, были призваны все военнообязанные бастующие рабочие, чтобы показать пример остальным. Командующий XII армейским корпусом генерал Бройцем отдал полиции приказ «при всех обстоятельствах» препятствовать проведению демонстрации и раздаче листовок у входов на заводы и вокзалы. Об образовании Советов рабочих должны были немедленно сообщать в штаб корпуса, чтобы он мог их разогнать. «Подстрекательство к стачке, угрозы по адресу желающих работать, организация стачечных комитетов» рассматриваются как государственная измена. Если полиция окажется слишком слаба, генерал предполагал «ввести в дело военные силы» [212].

В Саксонии правые социал-демократы также ревностно выступали против стачки. Во второй половине того же дня, когда саксонский министр внутренних дел отказал в приеме комиссии рабочих Дейбена и Дёлена, он имел беседу с членами саксонского отделения правления социал-демократической партии, которые его «заверили, что руководству их партии удалось поддержать находившийся под угрозой порядок» [213]. Граф Витцтум фон Экштедт охарактеризовал развиваемую до сих пор деятельность лидеров социал-демократической партии как «достойную признания» и просил их в дальнейшем сотрудничать с правительством.

Особенно гнусно действовало профсоюзное руководство. Чтобы задержать развитие стачки, они трудились рука об руку с военными властями. Подходящие для роли душителей стачки профсоюзные функционеры были даже освобождены от военной службы.

24 января военное ведомство в Лейпциге сообщило имперскому военному министерству, что в круг деятельности освобожденного от военной службы функционера Розе должна входить: «обработка служащих железных дорог и городского трамвая... а главное он должен влиять в том направлении, чтобы так называемая «дикая стачка» была

---

[211] Deutsches Zentralarchiv, Potsdam; Akte Reichsamt des Innern, Nr. 12287.

[212] См. Kamnitzer-Mammach, op. cit., S. 802.

[213] Sächsisches Landeshauptarchiv, Dresden; Akte Ministerium des Innern, Nr. 11073, Blatt 49.

урегулирована мирным путем» [214]. Спустя два дня военное ведомство Саксонии снова обратилось в имперское военное министерство с настойчивым ходатайством об использовании Розе в Лейпциге, с указанием на то, что «настроение среди лейпцигских рабочих как раз не является очень хорошим». Под руководством Зенгерлауба, реформистского лидера лейпцигского отделения Союза транспортных рабочих, который «до сих пор достойным признания образом способствовал недопущению забастовки среди работников транспорта и трамвая», Розе можно было бы поручить «обделать дела на городском трамвае» [215].

В конце января 1918 года функционер лейпцигского отделения Союза металлистов Гаак просил военное ведомство «по возможности быстрее содействовать тому, чтобы профсоюзный служащий Артур Юнг, который был назначен на должность чиновника в Гриммичау и имел броню, был бы немедленно отпущен из его запасной воинской части— 134 запасной батальон, 3-я рота,— находящейся в Плауене, если же его увольнение потребует еще долгого времени, то пока что, до его увольнения, был бы отправлен в отпуск». Гаак имел достаточные основания просить об отправке в Гриммичау врага рабочих, потому что у оппортунистов имелся противник и их положение здесь было затруднительно. Гаак объяснял, «что в настоящее время как раз в Гриммичау положение сильно осложнилось, так как там находится известный Геккерт», который организует рабочих и ведет непримиримую борьбу с социал-шовинистами. Так, с помощью военного ведомства Юнг должен был получить возможность немедленно «начать свою деятельность в Гриммичау» [216].

Несмотря на то, что врагам рабочего класса удалось подавить эту грандиозную стачку, она все же осталась «грандиознейшим... выступлением германских рабочих», представляющим «факт первостепенной важности»,— так оценил Ленин январскую стачку в **Докладе на Московской губернской конференции заводских комитетов 23 июля 1918 года** [217].

Это массовое движение явило империалистам пример

---

[214] «Der Ebert-Prozeß und der Verrat an den deutschen Arbeitern», S. 16—17.

[215] Ibid., S. 17.

[216] См. Paul Lange, Die Politik der Gewerkschaftsführer von 1914 bis 1919, Berlin, 1919, S. 20.

[217] В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 505.

силы и решимости немецкого пролетариата. Империалисты точно знали, какое большое влияние оказала на немецкий рабочий класс борьба русских рабочих и крестьян. Рабочие Германии были убеждены, что «то, что было достигнуто насильственным путем в России, могло бы быть достигнуто таким же образом и в Германии»,— писал после стачки 5 февраля начальник берлинского полицейпрезидиума министру внутренних дел.— События в России показали, что рабочий класс, действующий сознательно и целеустремленно, в действительности сумел овладеть государственной властью в полном ее объеме» [218].

Январская стачка, которая охватила всю страну, явилась для немецких империалистов наиболее тяжелым ударом в течение войны. Более двух миллионов рабочих поднялись против правящих классов и в защиту молодой Советской республики.

Январские события доказали, что все возрастающее число рабочих начинает осознавать, что изменение существующего положения может быть достигнуто только в результате энергичных революционных действий рабочего класса. Рабочие все отчетливей понимали, что массовая политическая стачка является решающим оружием в борьбе против господствующих классов. В январе 1918 года они получили урок применения этого оружия, испытали на собственном опыте, что представляет собою тактика оппортунистов, юнкеров и буржуазии, изучили все отвратительные приемы предательства правых социал-демократов и центристов. Эта стачка открыла рабочим глаза на их «революционных вождей» и привела к тому, что на будущее они старались все более и более обходиться без этих «вождей» и выступали против их воли; стачка также указала им путь к группе Спартак, которая одна последовательно защищала интересы немецкого пролетариата. Эта грандиозная стачка явилась хорошей школой для немецкого рабочего класса и его будущей борьбы.

Советы рабочих, которые развились из стачечных комитетов, приобрели в январской стачке бóльшее значение, чем в апрельской. На этот раз они уже не были единичными и перешли к активным действиям. Поэтому январская стачка в Германии представляла собой по сравнению с прежними стачками более высокую ступень. Однако и на этот

[218] Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam; Rep. 30, Tit. 95, Sect. 7, Lit. D, Nr. 3a, Bd. 3.

раз оппортунистам всех мастей удалось посредством всевозможных манипуляций получить решающее влияние в Советах рабочих и в контакте с юнкерами и капиталистами подавить движение рабочих.

При дальнейшем ее развитии январская стачка могла бы создать возможность окончания проигранной войны и свержения кайзеровского правительства и власти империалистов. Это очень хорошо понимали правящие классы, а их военные приготовления к решающей схватке свидетельствуют об этом с особой очевидностью. Этого не случилось, так как предательское правое руководство социал-демократической партии и профессиональных союзов удушило стачку, а также потому, что рабочему классу еще недоставало внутренней сплоченности и у него не было последовательно революционного руководства. Группа Спартак была организационно слишком слаба, чтобы соответствующим образом руководить стачечным движением.

«Да, революция шла до сих пор по линии восходящей,— говорил Ленин 23 февраля 1918 года на заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета,— от победы к победе; она теперь понесла тяжелое поражение. Германское рабочее движение, начавшееся так быстро, оказалось прервано на время. Мы знаем, что основные причины этого не устранены и что они разрастаются и будут неминуемо шириться, потому что затягивается мучительная война, потому что зверство империализма обнажается все глубже и наглее, раскрывая глаза наиболее чуждым, казалось бы, политики или не способным понять социалистическую политику массам» [219].

Нарастание революционного кризиса

Правящие классы вполне понимали опасность, которая им угрожала в январе 1918 года и которой они избежали, между прочим, при помощи правого руководства социал-демократии и независимой социал-демократической партии. Эта стачка послужила для них поводом для принятия серьезных мер, чтобы иметь возможность в будущем немедленно подавлять восстания немецких рабочих.

18 февраля на заседании военного министерства в Берлине, в котором среди других принимали участие также

---

[219] В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 26.

представители военного министерства Саксонии, были учтены «уроки», вытекающие из этой стачки. Представители военных властей и правительства считали самым важным «своевременный контакт с вождями старых социал-демократических партий и профессиональных союзов». Далее, «по их желанию [имеются в виду правые социал-демократы.— *К. М.*] должны созываться собрания для успокоения рабочих», зарекомендовавшие себя «в некоторых случаях», как «целесообразные и успешные». «Штабы корпусов должны располагать верной информацией о рабочем движении», то есть должна быть усилена среди рабочих полицейская слежка. Должна быть упрочена «согласованность действий между военными инстанциями, военной полицией и командованием округа». Следовало укрепить «сотрудничество с прессой, которая должна публиковать разъяснительные заметки и встречные листовки». «Охрана желающих работать должна быть предусмотрена заранее и должна немедленно вводиться в действие». Полиция и войска должны были в большей, чем до сих пор, степени поддерживать штрейкбрехеров. Генерал Вризберг заявил: «в милитаризации предприятий мы приобрели довольно хороший опыт». В случае забастовок на железных дорогах «должна быть милитаризована вся железнодорожная сеть», чтобы империалисты могли бы перевозить и в случае необходимости направлять против рабочих полицейские силы и войска. «Переговоры гражданских властей с депутациями рабочих» милитаристы считали «нежелательными». Подавление будущих стачек на местах должно находиться в компетенции соответствующих военных органов [220].

В тот же день начальник оперативного управления штаба верховного главнокомандующего Людендорф в письме военному министру подчеркнул необходимость держать войска в боевой готовности на случай возобновления выступлений рабочих. «Эта причина,— писал он,— явилась также и для меня основательной, чтобы оставить в Германии требуемые войска и соответственно привести их в боевую готовность». Военные суды также должны были строго и решительно действовать. «Я не совсем уверен, всюду ли в достаточной мере оценено значение военных судов и важность их приговоров. Слишком мягкие приговоры только

---

[220] Deutsches Zentralarchiv, Potsdam; Akte Reichsamt des Innern, Nr. 12287.

вредят»,— прибавил он. Безусловно необходимым считал он привлечение в качестве обвиняемых особенно злостных подстрекателей и уполномоченных по переговорам. «Я готов, Ваше превосходительство, если нужно, помочь подходящими людьми из действующей армии».

Империалисты попали в безвыходное положение. Все труднее было снимать с фронта войска для подавления рабочих, между тем как уже в феврале 1918 года можно было ждать усиления борьбы рабочего класса. Гинденбург в письме рейхсканцлеру от 17 февраля указывал как на весьма затруднительное обстоятельство, «что некоторое число войсковых частей и рядовой состав пополнения удерживаются внутри страны, в то время как уже сейчас, а вероятно, и в дальнейшем они будут крайне нужны на фронте». Но с другой стороны, имея в виду растущую решимость рабочих бороться за свои права, они нужны и в тылу, так как «большевистские идеи действуют как зараза именно на молодые элементы»,— продолжал, покоряясь необходимости, Гинденбург.

В своем письме он давал некоторые советы, как можно обезвредить рабочее движение. Во-первых, нужно публично объявить, «что всякое попустительство стачке или сокрытие сведений о предполагающейся стачке наказываются по § 139 уголовного кодекса». Затем он рекомендовал провести «собрание» представителей всех профсоюзов «для абсолютного осуждения стачки» и особенно «усиленно» охранять штрейкбрехеров «при помощи» военных мероприятий. «Чтобы не быть неправильно понятым, я хотел бы добавить, что я ни в коем случае не хочу высказываться за удовлетворение каких-либо желаний бастующих, будь то политические или экономические претензии. Я по-прежнему твердо убежден, что только путем силы и твердости можно надолго предотвратить крупные забастовки...» [221]

Но все эти мероприятия империалистов, имеющие целью «более решительный образ действий» по отношению к немецкому рабочему классу, не могли помешать нарастанию революционного кризиса.

После массовой стачки в январе, явившейся «отзвуком победы Октябрьской революции», как ее однажды назвал Вильгельм Пик, революционное движение немецкого ра-

---

[221] Deutsches Zentralarchiv, Potsdam; Akte Reichsamt des Innern, Nr. 12287.

бочего класса стало принимать «все более массовый характер» [222].

15 февраля министр внутренних дел Древс предсказывал кайзеру новые трудности, «если вслед за возможным отклонением проекта избирательной реформы в Пруссии... начнутся одновременно экономические лишения, как например уменьшение хлебного пайка». По его мнению, было бы «поэтому очень важным этого последнего по возможности избежать, для чего есть все основания, или хотя бы, если это неизбежно, отложить до тех пор, пока внешнеполитическое положение и в особенности возможные благоприятные события в военной области» не поднимут «общего настроения народа» [223].

Как доносил 7 февраля начальник секретной службы Артиллерийских мастерских в Шпандау, рабочие намечали на 18 февраля начало новой забастовки. «Предлогом должно было послужить предполагаемое сокращение хлебного и картофельного пайков» [224].

Главное управление продовольствия в военное время поспешило на следующий день заверить, что снижения пайков не предполагается. Предприниматели немедленно распространили это известие на предприятиях. Генерал-майор Вризберг 17 февраля распорядился: «В печати не должно появляться никаких тревожных заметок по вопросам продовольствия» [225].

Группа Спартак усилила революционную агитацию среди берлинских рабочих и постоянно указывала на пример Великой Октябрьской социалистической революции и на ее значение для борьбы немецкого рабочего класса. Были сделаны попытки привлечь к революционной борьбе также рабочих в солдатских шинелях. Дирекция Артиллерийских мастерских еще 11 февраля сообщала, что рабочие «пытались перетянуть на свою сторону также и войска» [226].

Из донесения генерального штаба армии от 16 марта 1918 года явствует, что «среди рабочих военно-промышленных предприятий, расположенных главным образом в цент-

---

[222] Wilhelm Pieck, Reden und Aufsätze, Bd. II, S. 94.
[223] Deutsches Zentralarchiv, Potsdam; Akte Reichsamt des Innern, Nr. 12287.
[224] Ibid.
[225] Ibid.
[226] Ibid.

ре, где последняя стачка приняла значительные размеры... не прекращаясь, ведется агитация, передаваемая из уст в уста, а также путем распространения листовок, которые призывают к массовой стачке и к революции по русскому образцу» [227].

В одной из таких листовок говорилось: «В интересах клики, которая затеяла войну и навлекла несчастье на немецкий народ», трудящиеся должны голодать, а пролетарии в военных шинелях должны умирать на полях сражений или становиться калеками. Но есть выход из бедственного положения. Русский пролетариат совсем еще недавно находился в таком же положении. «И мы знаем, что произошло в России. Там поднялся трудовой народ и добился не только урегулирования продовольственного вопроса. Он в то же время — что гораздо важнее — завоевал свободу, о которой немецкий рабочий не смеет и мечтать. Русские рабочие свергли царизм и демократическую республику и создали свое народное правительство! А мы? Должны ли мы и дальше терпеливо сносить нужду, спекуляцию, голод и войну — причину всех наших несчастий и мучений? Нет! Тысячу раз нет! Покидайте мастерские и заводы! Оставляйте работу!.. Долой войну! Долой правительство! Мир! Свобода! Хлеб!» [228]

Тот факт, что немецкие левые возглавляли революционное движение и являлись решающей силой в деле мобилизации масс, в то время как правые социал-демократы и центристы, напротив, пытались затормозить движение, должен был подтвердить даже окружной штаб корпуса.

В вышеупомянутом донесении от 16 марта имеется интересное утверждение, что агитация ведется «еще более левыми элементами», чем независимая социал-демократическая партия, в то время как «партийное и профсоюзное большинство противятся стачке или по крайней мере пока что занимают выжидательную позицию». То, что рядовые члены намеревались действовать вопреки желанию руководства, должен был признать и генеральный штаб. «Правда, в профессиональных союзах имеется также радикальное направление, которое тоже ориентируется на

---

[227] Deutsches Zentralarchiv, Potsdam; Akte Reichsamt des Innern, Nr. 12287.

[228] См. Ernst Drahn — Susanne Leonhard, Unterirdische Literatur im revolutionären Deutschland während des Weltkrieges, Berlin, 1920, S. 104.

массовую стачку, и как будто именно оно имеет перевес в большей части союзов металлистов, охватывающих рабочих военно-промышленных предприятий» [229].

Но и в других профессиональных союзах рядовые члены союза резко выступали против преступной политики реформистского руководства и требовали решительных массовых действий. Например, представители берлинского отделения Союза скорняков внесли на профсоюзной конференции, происходившей с 25 по 27 февраля, предложение о принятии резолюции о том, что союз не согласен с «политикой Генеральной комиссии и других профсоюзных инстанций, которую они проводят с начала войны». Их усилия направлены-де лишь к тому, «чтобы получить признательность правительства и правящих классов». Это доказывается тем, что «добровольно взятой на себя задачей всякой самостоятельной рабочей организации» является «поддержка и содействие правительственной политики» и «борьба с левонастроенными рабочими». Поэтому члены профессиональных союзов должны перейти к самостоятельным действиям ради всеобщего мира, исключающего «всякую политику захватов, а также возмещения военных убытков и гарантирующего право на самоопределение всех народов», как это было предложено Советским правительством [230].

Когда один из участников дискуссии в качестве доказательства изменнической по отношению к рабочим политики руководства сослался на то, что «профсоюзное руководство поносило Либкнехта и равным образом и тех рабочих, которые хотели устроить демонстрацию в честь Либкнехта», то представитель Генеральной комиссии вскочил с места, задетый этими словами, и ответил, «что не может быть и речи о том, чтобы на профсоюзной конференции обсуждались бы чисто политические дела». Он прилагал все усилия, чтобы сгладить все расхождения между рабочими и профсоюзным руководством, старался пресечь всякую дискуссию по политическим вопросам и заявил, что следует предостеречь от того, чтобы расхождения во мнениях по вопросу о политике профессиональных союзов во время войны переносить на принципиальную почву» [231].

Ему вместе с председателем Союза скорняков и еще

---

[229] Deutsches Zentralarchiv, Potsdam; Akte Reichsamt des Innern, Nr. 12287.

[230] «Correspondenzblatt...» vom 23 März, 1918.

[231] Ibid.

некоторыми другими реформистами удалось воспрепятствовать принятию предложения, внесенного представителями Берлина.

В Союзе строительных рабочих также большинство его членов высказалось против профсоюзного руководства, «которое отошло от классовой борьбы». «Не в результате милости или благорасположения буржуазных партий и правительств получит рабочий класс освобождение от экономического и политического угнетения, он добьется его только своими силами на основе классовой борьбы» [232].

В Саксонии также росли революционные настроения в широких слоях народа. Военные власти в марте получили сообщение о том, что в Эрцгебирге рассылаются письма «с целью подстрекательства против правительства и за заключение мира снизу». Из них можно было узнать, «что продолжение войны — это огромное несчастье для народа и что теперешнее правительство не думает о ее окончании. Мир может быть достигнут только благодаря соответствующему давлению трудящихся слоев народа на правящие и имущие классы» [233].

Социал-шовинисты и правые профсоюзные функционеры пытались «затормозить» движение масс. Руководство Союза металлистов в марте и апреле распространяло листовки, в которых снова появилась избитая аргументация, что стачка за достижение мира якобы не в интересах рабочих, а принесет лишь пользу врагу.

Оппортунистическое профсоюзное руководство не отказывалось и от клеветы на русский рабочий класс и фальсификации результатов его борьбы. Они представляли революционные бои русского пролетариата как бесполезные, которые только вызвали «ужасающие потери и жертвы». Только с помощью крестьян удалось достичь некоторых успехов. Вместо того чтобы теперь сделать правильный вывод, что и в Германии надо ориентироваться на совместные выступления рабочих и крестьян, они ставили вопрос: «будет ли у нас, где рабочие должны рассчитывать только на себя, по-другому?» — и отвечали «нет!» Поэтому немецкие рабочие не должны устраивать забастовок, так как они все равно будут безуспешны, а спокойно продолжать изготовлять оружие, тем более, что в России после сверже-

[232] «Correspondenzblatt...» vom 20 April, 1918.

[233] Deutsches Zentralarchiv, Potsdam; Akte Reichsamt des Innern, Nr. 12491, Blatt 226.

ния царизма также нет ни мира, ни свободы, ни хлеба. Так профсоюзное руководство делало все, чтобы отвлечь рабочих от осуществления их политических требований и направить главное внимание на экономические вопросы.

Генеральная комиссия поддержала правление Союза металлистов и предостерегала рабочих, чтобы они «не растрачивали» силы «в безнадежной борьбе». Рабочий класс должен готовиться к выступлениям «в будущем», к борьбе в послевоенное время «за улучшение условий труда и оплаты, за то, чтобы получить больше хлеба и больше свободного времени для самих рабочих и их семей» [234].

Однако даже из этого воззвания можно сделать вывод, что профсоюзное руководство наверное знало, что его влияние на рабочее движение Германии все уменьшается. В особенности много беспокойства им доставляли самостоятельные действия рабочих, и поэтому они настойчиво требовали соблюдения уставов и инструкций руководства, на которые рабочие все меньше обращали внимания.

Между тем, правые социал-демократы лишились своих козырей. Равное избирательное право, перспективой введения которого они хотели удержать массы от революционных выступлений, было 2 мая отклонено прусской палатой депутатов 255 голосами против 183. Однако и теперь социал-демократическое руководство не призывало к немедленным активным действиям в защиту «освободительного акта», как они в течение ряда лет называли избирательное право, а пыталось утешать рабочих перспективами «будущих решительных битв за счастье и будущее Германии» [235].

Чтобы быстро и не привлекая внимания преодолеть опасность, в которую они попали благодаря отклонению равного избирательного права, социал-шовинисты тотчас извлекли оказавшуюся у них под рукой «программу действия», которую они с шумом и предложили рабочим. Она должна была служить обеспечению «политического и экономического развития», как хвастливо в ней заявлялось. В программе не было сказано ни одного слова о демократическом мире без аннексий и контрибуций, но было достаточно советов, как избежать революции. «Далеко идущая социальная политика» и «политические реформы» должны были «подготовить переход от старого авторитарного государства к государству с демо-

---

[234] Deutsches Zentralarchiv, Potsdam; Akte Reichsamt des Innern, Nr. 12287.

[235] «Vorwärts» vom 3 Mai, 1918.

кратическо-социалистическим образом правления (!)». Для «установления власти народа» необходимо, чтобы «народ получил решающее влияние в рейхстаге».

Далее в программе содержалось упоминание о дальнейших мероприятиях, которые необходимы, «чтобы планомерно, без серьезных потрясений производственной жизни осуществить переход современного народного хозяйства, работающего главным образом на войну, на рельсы мирного времени и о необходимых для этого перехода организационных мерах». Это должно было выглядеть следующим образом: «организация ввоза продовольствия, получение и распределение сырьевых продуктов, а также экспорт будут поставлены под руководство и под контроль государства». Это значило, что влияние империалистов в государственных делах и в экономике сохраняется и даже еще более усиливается.

Чтобы этот факт не сразу бросался в глаза, правые социал-демократы предполагали установить «контроль» над монополиями. Так, например, имперский банк должен был быть расширен, чтобы «обеспечить влияние на частные банковские предприятия». Финансовая олигархия была, конечно, очень обрадована, что под «контролем» государства процесс концентрации капитала и промышленности еще более усилится. Правые социал-демократы в своем угодничестве перед империалистами пошли еще дальше. Для «восстановления экономики» они требовали, чтобы «германской индустрии была предоставлена возможность расширить свои внешние рынки сбыта» [236].

Эта так называемая программа действия доказывает, что социал-демократическое руководство весной 1918 года твердо решило направить все силы против революции и сделать все для сохранения господства буржуазии. «Грандиозная социальная политика» и «политические реформы», «контроль» над империалистами со стороны государства, власть в котором находилась как раз в руках этих империалистов,— все эти фразы предназначались для отвлечения внимания рабочих от приближавшейся революции. В момент, когда кайзеровская военная машина начала отказывать, правые социал-демократы более чем когда-либо считали своей задачей затормозить и расколоть массовое движение, направленное против войны и правящих классов,

---

[236] «Vorwärts» vom 23 Mai, 1918.

дезориентировать революционно настроенных передовых рабочих, сохранить диктатуру монополистов и спасти ее от гибели. Эта программа совершенно ясно свидетельствует о том, что партийное руководство социал-демократии являлось агентурой буржуазии.

23 марта верховное командование армии начало наступление на Западе, это был последний удар и последний шанс на победу. Через несколько недель оно провалилось, так же как и еще несколько повторных попыток. Войну следовало считать проигранной. Это подтвердил статс-секретарь по иностранным делам Кюльман, когда он 24 июня заявил в рейхстаге, что «чисто военными операциями нельзя положить конец бойне народов».

Революция в Германии, которую Ленин с полным правом назвал «большой заслугой русской Октябрьской революции», постепенно назревала. Этого не могли предотвратить даже вопли социал-шовинистов о том, что нет причины «вешать головы», что пути к миру сейчас так же, как и четыре года тому назад, ведут через победу Германии» [237].

Определенный путь указывала немецким рабочим группа Спартак.

В листовке, которую спартаковцы распространяли летом 1918 года, был сделан вывод из слов Кюльмана: «Только рабочие массы единодушным восстанием могут положить конец безумной бойне. Назад к интернациональному социализму, братству народов, к революционной классовой борьбе — это единственное спасение для нас, немцев, и всего человечества. Наступил решительный момент бросить все силы рабочего народа, подняться всем как один человек... Правящая банда империалистов окончательно выдохлась, они в безвыходном положении, их слуги сами признают это. Долой правительство и военную диктатуру! Всю власть в руки Советов рабочих, избранных от пролетарских масс, как и в России; тогда мы сможем заключить мир, длительный мир, во время которого свободно вздохнут измученные народы... Рабочие и работницы, будьте все как один человек настойчивы и отважны в достижении ясной цели! Никаких колебаний, никаких переговоров с министрами, никаких компромиссов. Еще раз: идем на все!.. Долой правительство с его бойней народов! Отдадим власть в руки немецких рабочих! Конец войне! Это знамя,

---

[237] «Vorwärts» vom 9 August, 1918.

с которым мы победим. Нам нечего терять, кроме наших цепей, завоюем же мы целый мир» [238].

Революционный кризис приближался к своей высшей точке, и это можно было видеть даже из донесения начальника берлинского полицей президиума от 19 августа, в котором говорилось, что общее настроение очень упало. Этому способствовали «неблагоприятные для нас волнения в России» и, кроме того, также «рассказы приехавших в отпуск солдат о безрадостном положении в нашей армии, о восстаниях и увеличивающихся переходах на сторону врага» [239].

Еще после апрельской стачки генерал-майор Вризберг обратился к начальнику генерального штаба Гинденбургу с предложением обратить особое внимание на «революционную пропаганду в действующей армии». «Особенно необходимым представляется мне проявление бдительности по отношению к вернувшимся из отпуска, из тыла, солдатам, не привезли ли они прокламаций». Нужно было также следить за обслуживающим персоналом железных дорог, чтобы «они тайно не провезли агитационной литературы или не снабжали бы ею тайком во время пути солдат» [240].

Несколько дней спустя уголовная полиция, которая вела наблюдение за рабочими фирмы «Лоренц», задержала механика Альберта Болленс, который раздавал листовки возвращавшимся из отпуска на фронт солдатам. При обыске у него на квартире комиссар уголовной полиции Осиг конфисковал листовки под названием «Уроки 24 марта», содержавшие призыв к последовательной классовой борьбе и пролетарскому интернационализму, «За что боролся Либкнехт...?» и другие. Несмотря на то, что Болленс был тяжело болен, он был немедленно призван в армию.

Подобно тому как рабочие вели агитацию среди отпускников, которые доставляли на фронт вести о нарастании революционного кризиса в Германии, так и фронт оказывал на тыл свое действие. Один солдат строительного подразделения писал, например, 19 июля 1917 года своим родственникам следующее: «учреждение Советов солдатских депутатов по русскому образцу произвело бы и у нас бла-

---

[238] Sächsisches Landeshauptarchiv, Dresden; Akte Ministerium des Innern, Nr. 3890, Blatt 155a—b.

[239] «Die Ursachen des Deutschen Zusammenbruchs im Jahre 1918», Fünfter Band, S. 99.

[240] Ernst von Wrisberg, Der Weg zur Revolution 1914—1918. S. 51—52.

гоприятное впечатление и имело бы воспитательное значение». А спустя два месяца один артиллерист сообщал с Восточного фронта: «так называемые Советы солдатских депутатов участвуют во всех делах» [241].

Нередко отпускники провозили с фронта в тыл листовки с революционными призывами. «Сообщения о распространении листовок, доставленных с фронта, все увеличиваются»,— говорится в донесении прусского военного ведомства саксонскому военному ведомству от 22 августа 1918 года. Один отпускник заявил, что «подобные листовки регулярно в больших количествах доставляются отпускниками в тыл и распространяются там» [242].

Рассказы солдат о собственных переживаниях во время пребывания в «стальной бане» также оказывали свое действие на рабочих.

В приказе военного министра Штейна от 30 августа говорится следующее: «согласно многим сообщениям, настроение в тылу ухудщают не только находящиеся в отпуске солдаты, раненые солдаты и унтер-офицеры, но и офицеры, военные врачи и военные чиновники своими рассказами о фронте. Против этого нужно принимать самые решительные меры, когда об этом становится известно органам власти» [243].

Еще летом 1917 года рабочие слышали о братании между немецкими и русскими солдатами на Восточном фронте.

Начиная с середины 1918 года все чаще устраивались совместные митинги немецких и русских рабочих и крестьян в солдатских шинелях. Воинские части в полном составе отказывались сражаться; тогда их перебрасывали на Западный фронт, но и здесь они распространяли сведения о Великой Октябрьской революции и агитировали за революционную борьбу. В октябре 1918 года в германской армии были образованы революционные комитеты, которые начали подготавливать восстание. Многие солдаты с оружием в руках уходили в тыл и не возвращались больше на фронт.

Катастрофа надвигалась все быстрее. 2 октября Людендорф потребовал от правительства немедленного предложения о перемирии, так как армия более не в состоянии ждать и 48 часов.

---

[241] «Die Ursachen des Deutschen Zusammenbruchs im Jahre 1918», Fünfter Band, S. 166.

[242] Deutsches Zentralarchiv, Potsdam; Akte Reichsamt des Innern, Nr. 12491, Blatt 321.

[243] Ibid., Blatt 326.

Какова была позиция правых социал-демократических лидеров в этой ситуации? В разговоре с социал-шовинистом Конрадом Геншем директор библиотеки д-р Фридрих Тимме спросил: «Разве не могло привести к революции крушение наших надежд в военном отношении?» Согласно показаниям Тимме на Мюнхенском процессе о так называемом «ударе кинжалом в спину» в 1925 году, Гениш «считал невозможным, чтобы со стороны социал-демократии ситуация была бы использована в этом направлении».

Когда Тимме в буржуазной «Берлинер Тагеблатт» призывал бросить последние силы в «стальную баню», он получил одобрение социал-демократических лидеров. «В социал-демократии я нашел почти полное сочувствие»,— заявил он в Мюнхене. Все социал-демократы, как это выяснилось из разговоров с ним, разделяли точку зрения, что «лучше смерть, чем рабство!» [244] «Смерть», правда, предполагалась не для самих вождей.

Корабль господствующих классов дал течь и начал тонуть. Новое правительство, которое сформировал в начале октября считавшийся либеральным принц Макс Баденский, должно было сделать попытки поправить дела. Правые социал-демократы приложили все усилия к тому, чтобы поддержать господство капитала. Шейдеман и Бауэр вошли в качестве статс-секретарей в новое имперское правительство. Носке, убийца рабочих, комментировал этот шаг следующим образом: «Старая социал-демократическая партия не хотела революции. Когда произошел военный крах, они послали некоторых вождей в правительство принца Макса Баденского, чтобы оказать содействие попыткам спасения» [245]. Но правые социал-демократы хотели спасти не только власть финансовой олигархии, но старались сохранить даже и кайзера. Принц Макс совершенно определенно подтвердил это. 15 октября он выразил надежду, что можно будет спасти Вильгельма II и династию Гогенцоллернов. Правда, эти попытки требуют больших сил. «Консерваторы высказываются совершенно открыто за его отречение. Слава богу, что в социал-демократии есть люди, стоящие на моей стороне, в их лояльности, по крайней

---

[244] См. Hans Herzfeld, Die deutsche Sozialdemokratie... S. 318, (Anhang).

[245] Gustav Noske, Erlebtes aus Aufstieg und Niedergang einer Demokratie, Offenbach-Main, 1947, S. 75.

мере по отношению ко мне, я могу полностью быть уверен. С их помощью я надеюсь спасти императора» [246].

Подготовка революции

После того как Ленин описал ситуацию в Германии в своем **Докладе на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 22 октября 1918 г.**, он сказал: «что революция назревает не по дням, а по часам и это не только говорили мы... Это говорят все, знающие положение дел: насколько неизбежна народная революция в Германии, а, может быть, даже пролетарская революция» [247].

В начале октября 1918 года группа Спартак призвала немецких рабочих готовиться к свержению правящих классов, «чтобы на их место поставить власть немецкого рабочего класса». Капиталисты были сильно озабочены. «Новые люди были призваны в правительство, чтобы продолжать старую политику или чтобы спасти то, что можно еще спасти. Мы, рабочие, не можем ничего ждать от нового буржуазного правительства также и теперь, когда оно разбавлено некоторыми «правительственными социалистами» и приукрашено мнимо-демократическими декларациями». Теперь нельзя терять времени. «Стихийные выступления солдат нужно поддерживать всеми средствами и переводить их в вооруженное восстание, а вооруженное восстание поднимать до борьбы за власть рабочих и солдат и при помощи всеобщей стачки рабочих довести до ее победоносного конца» [248].

Уже 7 октября 1918 года состоялась конференция группы Спартак, в которой принимали участие также представители бременского леворадикального движения, чтобы совместно обсудить разрешение предстоящих задач. В качестве ближайших целей борьбы немецкого пролетариата должны были быть осуществлены следующие требования:

1. Немедленное освобождение всех политических заключенных.
2. Немедленная отмена осадного положения.
3. Немедленная отмена закона о трудовой повинности.
4. Аннулирование долгов по всем военным займам.

---

[246] См. August Winning, Das Reich als Republik, Stuttgart und Berlin, 1921, S. 121.
[247] В. И. Ленин, Соч., т. 28. стр. 95.
[248] См. «Spartakus im Kriege», S. 224.

5. Национализация банков, рудников и металлургических заводов, значительное сокращение рабочего дня и установление минимума заработной платы.

6. Национализация крупных и средних помещичьих владений и передача управления ими в руки выборных от сельскохозяйственных рабочих и бедняков.

7. Реорганизация военного дела:

а) право союзов и собраний, касающихся как служебных дел, так и внеслужебных для солдат;

б) отмена права начальников налагать дисциплинарные взыскания, поддержание дисциплины возложить на Советы солдатских депутатов;

в) отмена военных судов;

г) отстранение начальствующего состава на основе решения большинства их подчиненных.

8. Передача распределения продовольствия для населения доверенным людям из среды рабочих.

9. Упразднение отдельных государств и династий.

Осуществление этих требований «еще не означает достижения цели», говорится в воззвании к рабочим от имени конференции группы Спартак, «это только начало, показывающее, что демократизация, о которой вам лгали правящие классы и их агенты, является подлинной. Борьба за истинную демократизацию — это борьба не за парламент, избирательное право или ответственных министров и прочие выдумки, это борьба за реальный базис, находящийся в руках врагов народа: собственность на землю и капитал, господство, основанное на силе оружия и юстиции». Теперь пришел час для немецкого пролетариата. «Взгляните на ваших братьев в России!»

«...Мир и хлеб, которых не могли вам дать имущие, вы должны теперь добыть себе сами, для себя, для своих детей, для своих братьев во всем мире!

Да здравствует социальная революция!

Да здравствует мир для народов!

Долой правительство!

Смерть капитализму!» [249]

В результате дискуссии было установлено, что сотрудничество с центристами в независимой социал-демократической партии было для рабочего класса бесплодным

---

[249] «Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands», Dietz Verlag, Berlin, 1955, S. 47—48.

Нужно бороться против агитации лидеров независимых за парламентаризацию, так как она направлена на «отвлечение от истинных целей пролетарского движения, а именно от революции» [250].

В резолюции по внешнеполитическим вопросам, касающейся мирной программы Вильсона, 14 пунктов которой были противопоставлены предложенному Советским правительством демократическому миру, эта программа была разоблачена как средство, способствующее «включению немецкого национального капитала в мировую капиталистическую систему Антанты». Лига Наций — это организация, созданная для поддержания господства мировой буржуазии, ставящая своей целью «справедливое» распределение мировых прибылей. Немецкий рабочий класс в качестве главной своей задачи должен препятствовать усилению власти буржуазии и укреплять пролетарскую революцию. Немецкий пролетариат провозглашает в соответствии с революционной программой коммунистической партии 1848 года Германскую социалистическую республику, которая солидаризируется с Советской республикой, способствует развязыванию борьбы мирового пролетариата против мировой буржуазии — за пролетарскую диктатуру против капиталистической Лиги Наций» [251].

Далее подчеркивалось, что движение в Германии получило значительную моральную поддержку от русской революции. Русским товарищам выражались чувства благодарности, солидарности и братской симпатии, вместе с обязательством доказать свою солидарность путем революционных действий по примеру русского пролетариата. Имея в виду грядущую борьбу, немедленно следует повсюду создавать Советы рабочих и солдатских депутатов.

В заключение конференции все присутствующие заявили о своей солидарности по отношению к находившимся в заключении товарищам, мужчинам и женщинам, и прежде всего — к Розе Люксембург и Карлу Либкнехту.

Конференция показала, что только группа Спартак и ее союзники полны решимости добиваться путем революционных действий свержения существующего порядка. Конференция поставила задачу — превратить буржуазно-демократическую революцию в социалистическую. Только

---

[250] «Spartakusbriefe», S. 195.

[251] См. Ernst Drahn—Susanne Leonhard, Unterirdische Literatur, S. 114.

следуя примеру большевиков, немецкий рабочий класс сумеет разрешить эту задачу и установить диктатуру пролетариата. Конференция, однако, заняла неправильную позицию по вопросу о союзе с трудящимся крестьянством и не привела к созданию своей собственной революционной марксистской партии, способной последовательно проводить указанную выше линию.

Чрезвычайно важным фактом для развертывания революционной борьбы — сам по себе это был значительный успех революционных рабочих — было освобождение из тюрьмы Либкнехта, на которое вынуждены были пойти правящие классы ввиду все возраставшего давления широких слоев народа. Прибытие Карла Либкнехта в Берлин вызвало особенно внушительные демонстрации.

Генеральная комиссия вечером 22 октября назначила собрание функционеров берлинских отделений профсоюзов. Однако только две трети зала были заняты «оплачиваемыми» функционерами, большинство же не состоящих на жалованье функционеров не явилось на собрание с профсоюзными вождями из-за их враждебной по отношению к рабочим политики. Правый социал-демократ Альвин Кёрстен сделал доклад о необходимости держаться до конца. Во время дискуссии один из немногих присутствовавших там революционных членов союза взял слово и объявил собравшимся, что 23 октября в 5 часов пополудни на Ангальтском вокзале будет устроена встреча Карла Либкнехта, выпущенного из тюрьмы Люккау. Как только присутствовавшая там клика оппортунистов это услышала, она пришла в сильное волнение, послышалась брань, стали сжиматься кулаки.

Насколько велики были опасения изменников рабочего класса в связи с возвращением Либкнехта, настолько же велики были радость и воодушевление берлинских рабочих. Около 4 час. 30 мин. пополудни площадь перед Ангальтским вокзалом и все прилегающие улицы были заполнены рабочими. Сомкнутым строем стояла огромная толпа. Большой отряд полиции оцепил входы в вокзал. Агенты полицейпрезидиума, которые смешались в толпе с рабочими, имели задание сорвать встречу. Они распустили слух, что поезд подойдет к Герлицкому вокзалу, который расположен примерно в 45 мин. ходьбы. Но железнодорожники сумели предупредить собравшихся, чтобы они не отправлялись туда. Они объявили, что поезд лишь немного опоздает. Быстро, из уст в уста, передавалось это известие, и все рабочие точно застыли на

месте. Когда подошел поезд, полицейские с оружием наготове образовали двойные и тройные цепи заграждений. Несмотря на это, Карлу Либкнехту была устроена восторженная встреча. Более 20 тысяч рабочих прорвали цепи, солдаты, которые присоединились к рабочим, подняли Либкнехта на плечи, и раздалось всеобщее ура в его честь и в честь революции.

Полицейские офицеры напрасно отдавали приказ своим командам наступать на толпу. Рабочие устроили шествие и вместе с Карлом Либкнехтом дошли до Потсдамерплац, где он 1 мая 1916 года призывал к окончанию войны и к свержению правительства. Его подняли на товарный фургон, и один рабочий объявил: «Тише, будет говорить Карл Либкнехт!» Это было совершенно излишне, потому что, как только люди увидели Карла Либкнехта, стоящего на фургоне, на всей площади воцарилась тишина. В яркой, запоминающейся речи он резко осудил массовую бойню, которая на пользу только империалистам. Когда он кончил, на площади прозвучал общий призыв: «Долой войну!» Полиция ввиду решительного настроения рабочих не посмела что-либо предпринять. И только, когда берлинские рабочие вместе с Либкнехтом проходили вдоль Унтер-ден-Линден, чтобы продемонстрировать перед Советским посольством и выразить свою солидарность русским братьям, полицейские, получившие между тем подкрепление, после повторных приказов своего начальства обрушились с саблями наголо на огромную толпу, которую лишь постепенно удалось им рассеять [252].

В радиопередаче 23 октября, которую Центральный Комитет партии большевиков устроил для посольства Советской республики в Берлине, Ленин, Сталин и Свердлов приветствовали Карла Либкнехта от имени русского революционного пролетариата: «Немедленно передайте наш горячий привет Карлу Либкнехту. Освобождение из тюрьмы представителя революционных рабочих Германии является признаком новой эпохи победоносного социализма, которая начинается теперь также в Германии и во всем мире» [253].

---

[252] См. Otto Franke, Karl Liebknecht, «Die Internationale», Berlin, 123, Heft 2.

[253] См. «Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands», S. 59.

Освобождение Карла Либкнехта было началом интенсивных приготовлений к вооруженному восстанию. Днем и ночью неустанно работая, организовывал он берлинский рабочий класс вместе со своими боевыми соратниками Вильгельмом Пиком и многими другими товарищами, преданными делу рабочего класса, для решительного удара и свержения правящих классов.

С лихорадочной поспешностью готовились юнкеры и капиталисты к решительной схватке с немецким пролетариатом. Не только новое правительство, но и надежные кадровые войска должны были помочь им сохранить власть. В качестве примера этих усилий может служить заседание, состоявшееся 14 октября 1918 года, на котором представители саксонского министерства внутренних дел совещались вместе с военными властями и офицерами полиции «о мерах для поддержания общественной безопасности и порядка». Они согласились на том, чтобы жандармов, находившихся на военной службе, немедленно отпустить из армии, жандармерию вооружить более совершенным оружием, винтовками образца 1891 года (старые стреляли только на 180 метров) и карабинами образца 1888 года, ручными гранатами, химическими бомбами, противогазами, подкрепить их надежными унтер-офицерами и, кроме того, «приготовиться к введению в дело целых воинских подразделений, лучше всего пулеметных батальонов» [254].

На вопрос начальника отдела министерства внутренних дел д-ра Коха, который вел заседание: «достаточно ли уверено военное управление, имея в виду современное положение, в своих войсках» [255] — представитель военных властей отказался поручиться за то, что на воинские части, используемые для подавления внутренних беспорядков, при всех обстоятельствах можно положиться [256]. Поэтому было принято следующее решение: «всеми средствами обеспечить надежные войска для подавления внутренних беспорядков» и снабдить их танками, пулеметами и авиацией, чтобы гарантировать сохранение власти юнкеров и капиталистов.

Изложенное здесь должно показать, какое огромное значение имела революционная борьба русских рабочих крестьян для немецкого рабочего класса.

---

[254] Sächsisches Landeshauptarchiv, Dresden; Akte Ministerium des Innern, Nr. 11074, Blatt 41.

[255] Ibid., Blatt 51.

[256] Ibid., Blatt 52.

Под влиянием февральской революции и особенно Великой Октябрьской социалистической революции росли мужество и решимость немецкого пролетариата, усиливалась борьба против империалистической войны и правящих классов. Однако эту борьбу не удалось довести — как это было в России — до победоносного конца, потому что правые лидеры социал-демократической партии, независимой социал-демократической партии Германии и руководство профсоюзов срывали выступления рабочего класса и предавали его интересы, а также потому, что в Германии не было последовательно-революционной марксистской партии, какой являлась партия большевиков.

Поэтому не мог быть в полном объеме использован революционный опыт русского рабочего класса; часть немецких рабочих все еще находилась в плену буржуазных предрассудков и не смогла в теории и на практике оказать решительного сопротивления вредному влиянию правых социал-демократов, которые в течение десятилетий отравляли немецкое рабочее движение ядом оппортунизма и ревизионизма, полностью разоблачить их предательскую роль по отношению к рабочему классу и достаточно решительно начать борьбу с их преступной деятельностью.

Хотя в 1917—1918 годах отдельные выступления немецкого рабочего класса под непосредственным влиянием февральской революции и Великой Октябрьской социалистической революции и были мощными, в них отсутствовало центральное целеустремленное руководство, так что они в конечном счете не привели к свержению капитализма и к устранению власти буржуазии. Монополисты, которые были вынуждены сделать временные уступки, смогли, как и прежде, использовать свои решающие позиции в государстве и экономике страны против пролетариата.

Группа Спартак была организационно, а частично и в идеологическом отношении слишком слаба и недостаточно сплочена, чтобы придать выступлениям немецких рабочих, которые все чаще проводились против желания их оппортунистических лидеров, характер мощных ударов по бастионам господствующих классов.

Однако история немецкого рабочего движения 1917—1918 годов дает нам примеры героической борьбы немецкого пролетариата. Особо воодушевленная великими делами русских рабочих и крестьян, руководимых большевиками, сознательная революционная часть немецких рабочих про-

вела выдающуюся работу по мобилизации масс против империалистической войны. В январских битвах 1918 года, проходивших под знаком Великой Октябрьской социалистической революции, рабочие, принадлежавшие к различным партиям, показали, какую силу они представляют, если они объединены. Только благодаря рабочему классу стали известны широким слоям немецкого народа цели, которые преследовала мирная политика Советской республики, которая тогда, так же как и ныне, полностью отвечала и отвечает интересам народов всего мира.

Борьба и жертвы, понесенные немецким пролетариатом, не были напрасны.

В Германской Демократической Республике нашли свое осуществление те требования, за которые в течение десятилетий боролся немецкий рабочий класс. В нашей республике, после победы народов Советского Союза над гитлеровским фашизмом, у врагов Германии — монополистов, банкиров и крупных помещиков экспроприировано их имущество. Заводы переданы в руки народа, банки национализированы и крупные земельные владения отданы народу.

Буржуазный государственный аппарат, который до 1945 года служил врагам немецкого народа для эксплуатации и угнетения рабочего класса, разбит, установлена власть рабочих и крестьян и создано демократическое суверенное государство.

Рабочий класс в восточной части Германии устранил раскол в своей среде, который в течение предшествующих десятилетий всегда служил препятствием в его борьбе за достижение победы.

У нас созданы все предпосылки для мирного демократического развития, для построения социализма. Связанная узами крепкой дружбы Германская Демократическая Республика находится на стороне великого Советского Союза в лагере мира, демократии и социализма.

Задачей рабочих на Западе нашей страны является освоение опыта наших товарищей по классу в Советском Союзе и извлечение уроков из истории немецкого рабочего движения с тем, чтобы добиться уничтожения господства империалистов и перейти к построению своего будущего счастья.

Нас, в Германской Демократической Республике, уроки, извлеченные из истории рабочего движения, должны постоянно убеждать в том, что необходимо укреплять государство рабочих и крестьян, защищать и вести его вперед.

Список литературы

I. АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Deutsches Zentralarchiv, Potsdam;

Akte Reichsamt des Innern, Nr. 12287, 12490, 12491, 12 508.

Akte Oberreichsanwalt, Nr. 1858, 1873, 2122.

Landeshauptarchiv Brandenburg, Potsdam;

Rep. 30, Tit. 95, Sect. 7, Lit. A, Nr. 11.

Rep. 30, Tit. 95, Sect. 7, Lit. A, Nr. 11b, Beiheft A, vol. 2.

Rep. 30, Tit. 95, Sect. 7, Lit. D, Nr. 3a, vol. 2 und 3.

Sächsisches Landeshauptarchiv, Dresden;

Akte Ministerium des Innern, Nr. 3890, 11071—11074.

II. ОБЩИЕ РАБОТЫ И СТАТЬИ

Bouton S. Miles, Das Ende der Großmacht Deutschland, Berlin 1923.

Breithaupt Wolfgang, Volksvergiftung 1914—1918. Dokumente der Vorbereitung des 9. XI. 1918, Berlin und Leipzig, 1925.

«Der Dolchstoß-Prozeß in München. Oktob.— Novemb. 1925», München, 1925.

Drahn Ernst — Susanne Leonhard, Unterirdische Literatur im revolutionären Deutschland während des Weltkrieges, Berlin, 1920.

Ebert Friedrich, Schriften, Aufzeichnungen, Reden, Bd. I—II, Dresden, 1926.

Der Ebert-Prozeß und der Verrat an den deutschen Arbeitern», Berlin, 1925.

Franke Otto, Karl Liebknecht; Die Internationale, Berlin, 1923, Heft 2.

«Geschichte der Kommunistischen Partei der Sowjetunion (Bolschewiki). Kurzer Lehrgang», Dietz Verlag, Berlin, 1955.

«Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands. Eine Auswahl von Materialien und Dokumenten aus den Jahren 1914—1946», herausgegeben vom Marx-Engels—Lenin—Stalin Institut beim ZK der SED, Dietz Verlag, Berlin, 1955.

Grotewohl Otto, Dreißig Jahre später. Die Novemberrevolution und die Lehren der Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Dietz Verlag, Berlin, 1953.

Helfferich Karl, Der Weltkrieg, Bd. III, Berlin, 1919.

Herzfeld Hans, Die deutsche Sozialdemokratie und die Auflösung der nationalen Einheitsfront im Weltkriege, Leipzig, 1928.

«Illustrierte Geschichte der deutschen Revolution», Berlin, 1929.

«Jugend-Internationale. Die 11 historischen Nummern der Kriegsausgabe 1915—1918», herausgegeben vom Exekutivkomitee der Kommunistischen Jugend-Internationale, Berlin, 1921.

Kamnitzer Heinz — Klaus Mammach, Aus Dokumenten zur Vorgeschichte der deutschen Novemberrevolution; «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Berlin, 1953, Heft 5.

Klein Fritz, Die diplomatischen Beziehungen Deutschlands zur Sowjetunion 1917—1932, Berlin, 1952.

Kuczynski Jürgen, Die Geschichte der Lage der Arbeiter in Deutschland von 1789 bis in die Gegenwart, Band I, Zweiter Teil, 1871—1932, Berlin, 1954.

Lange Paul, Die Politik der Gewerkschaftsführer von 1914—1919 Berlin, 1919.

Ленин В. И., Соч., тт. 23, 27, 28 и 31.

Lenin W. I. Über den Kampf um den Frieden, Dietz Verlag, Berlin, 1951.

Liebknecht Karl, Politische Aufzeichnungen aus seinem Nachlaß. Geschrieben in den Jahren 1917—1918, unter Mitarbeit von Sophie Liebknecht herausgegeben, Berlin, 1921.

Liebknecht Karl, Ausgewählte Reden, Briefe und Aufsätze, herausgegeben vom Marx—Engels—Lenin-Institut beim ZK der SED, Berlin, 1952.

Linnfeld Helmut, Beiträge zur Vorgeschichte der Novemberrevolution von 1918, Phil. Diss., Hamburg, 1933.

Luxemburg Rosa, Briefe an Freunde, Hamburg, 1950.

Maerker Georg, Vom Kaiserheer zur Reichswehr, Leipzig, 1921.

Mühsam Kurt, Wie wir belogen wurden, München, 1918.

Müller Richard, Vom Kaiserreich zur Republik, Bd. I, Wien, 1924.

Noske Gustav, Erlebtes aus Aufstieg und Niedergang einer Demokratie, Offenbach—Main, 1947.

Oelßner Fred, Rosa Luxemburg, Eine kritische biographische Skizze, Dietz Verlag, Berlin, 1952.

Pieck Wilhelm, Reden und Aufsätze, Bd. I—II; Dietz Verlag, Berlin, 1954.

«Protokoll über die Verhandlungen des Gründungs-Parteitags der USPD vom 6 bis 8. April 1917 in Gotha», herausgegeben von Emil Eichhorn, Berlin, 1921.

«Protokoll über die Verhandlungen des Parteitags der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands, abgehalten in Würzburg vom 14 bis 20. Oktober 1917», Berlin, 1917.

«Der Prozeß des Reichspräsidenten», herausgegeben von Karl Brammer, Berlin, 1925.

«Rechenschaftsbericht der Generalkommission der Gewerkschaften Deutschlands vom 1 Juni 1914 bis 31 Mai 1919», Berlin, 1919.
Scheidemann Philipp, Der Zusammenbruch, Berlin, 1921.
«Spartakus im Kriege. Die illegalen Flugblätter des Spartakusbundes im Kriege», gesammelt und eingeleitet von Ernst Meyer, Berlin, 1927.
«Spartakusbriefe», herausgegeben von der Kommunistischen Partei Deutschlands, Berlin, 1920.
Сталин И. В., Международный характер Октябрьской революции, Соч., т. 10, стр. 239—250.
Ulbricht Walter, Der Zusammenbruch Deutschlands im ersten Weltkrieg und die Novemberrevolution, Dietz Verlag, Berlin, 1951.
«Die Ursachen des Deutschen Zusammenbruches im Jahre 1918» (Das Werk des Untersuchungsausschusses der Verfassunggebenden Deutschen
Nationalversammlung und des Deutschen Reichstages 1919—1928, Vierte Reihe), Fünfter und Sechster Band, Berlin, 1928.
«Verhandlungen des Reichstags», XIII, Legislaturperiode, II. Session, Stenographische Berichte, Bd. 309, Berlin.
Winnig August, Das Reich als Republik, Stuttgart und Berlin, 1921.
Wrisberg Ernst von, Der Weg zur Revolution 1914—1918, Leipzig und Berlin, 1921.
«Zehn Jahre Sozialdemokratie», herausgegeben von der Kommunistischen Partei Deutschlands, Berlin, 1924.

III. ГАЗЕТЫ

«Berliner Börsenzeitung», Berlin, 1918.
«Berliner Tageblatt und Handelszeitung», Berlin, 1917.
«Correspondenzblatt der Generalkommission der Gewerkschaften Deutschlands», Berlin, 1917 und 1918.
«Vorwärts», Berlin, 1917 und 1918.
«Vossische Zeitung», Berlin, 1917 und 1918.

47138

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. 5
Предисловие автора. 21

Февральская революция в России и ее влияние на рабочий класс Германии. Положение рабочего класса в начале 1917 года . 23
Первые отклики на февральскую революцию. 26
Образование независимой социал-демократической партии Германии. 33
Апрельская стачка 1917 года. 37
События в Лейпциге. 38
Стачка в Берлине. 45
Мероприятия правительства для предотвращения дальнейших стачек. 56
Первое мая 1917 года. 59
Подъем революционного движения среди германского рабочего класса. 66
Июльская и августовская демонстрации 1917 года. 73

Великая Октябрьская социалистическая революция и ее влияние на рабочий класс Германии 83
Ноябрьская демонстрация 1917 года. 84
Январская стачка 1918 года. Подготовка к стачке 89
Борьба рабочих в Берлине. 94
События в Саксонии. 121
Нарастание революционного кризиса. 128
Подготовка революции. 141
Список литературы 150

Клаус Маммах

ВЛИЯНИЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ И ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА РАБОЧИЙ КЛАСС В ГЕРМАНИИ

Редактор *Л. З. ПОЛЯКОВА*
Художник *Д. С. ГРОМАН*
Технический редактор *Н. И. Смирнова*. Корректор *Е. А. Цыпенок*

Сдано в производство 7/VI 1957 г. Подписано к печати 5/VIII 1957 г. Бумага 84×108$^{1}/_{32}$=2,4 бум. л. 7,8 печ. л. Уч.-изд. л. 8,0. Изд. № 6/3758. Цена 3 р. Зак. 582

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Ново-Алексеевская, 52.

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической промышленности. Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова. Москва, Ж-54 Валовая, 28.

Отпечатано в 3-й тип. Медгиза, Москва, Солянка 14